

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

**Житие
оптинского старца
Льва**

*Духовное наследие
Оптиной пустыни*

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

Житие оптинского старца Льва

**ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
2017**

УДК 271.22-36
ББК 86.372
А23

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р17-706-3139*

Агапит (Беловидов), схиархимандрит

А23 Житие оптинского старца Льва / схиархимандрит Агапит (Беловидов). — Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустынь, 2017. — 384 с. : ил. — (Духовное наследие Оптиной пустыни).

ISBN 978-5-86594-231-3

**УДК 271.22-36
ББК 86.372**

ISBN 978-5-86594-231-3

© Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиной пустынь, 2017

СМИРЕННЫЙ ЛЕВ

«Смиренным Львом» называли старца очевидцы его подвигов, удивляясь, казалось бы, парадоксальному сочетанию внешней силы и самобытности с тем богатством духовных дарований, которые подаются воистину только кротким и смиренным.

«...Я не боюсь никого, кроме Бога», – говорил этот статный богатырь, живший предельно открыто для любого человеческого суда и не заботившийся, как тонко заметили оптинские агиографы, «уверять всех в своем расположении». Преподобный Лев действительно был человеком настолько ярким, необычным для обывательского восприятия и внутренне свободным, что иные, взявшись было за его жизнеописание, ограничились лишь «посильным вкладом», ибо, как признавался впоследствии игумен Антоний (Бочков), «видеть и понимать это было можно, а выразить в словах и вполне передать другим неудобно». Даже преподобный Макарий (Иванов), как никто другой понимавший и любивший старца Льва, счел себя «слабым и недостойным» для работы над его жизнеописанием. И, судя по всему, это не было просто отговоркой скромности. Возможно, для осмысления значимости таких подвижников, как преподобный Лев, требовалось еще время, требовался даже иной агиографический язык, чтобы вполне передать то неудобное, что как раз и содержало в себе потаенную духовную суть.

Может, где-то здесь и кроется одна из причин любви к старцу Льву простого народа, привыкшего черпать назидание не столько в словах – простецы в большинстве своем были безграмотны и маловосприимчивы к возвышенным речам, – сколько в том, что кроется за ними и улавливается детской безыскусностью веры. Так, больше чем одними словами говорили на Руси Христа ради юродивые – странники в этой земной юдоли, не знавшие ни лицепрятия перед царями, ни панибратства перед толпой... Их служение было сродни пророче-

скому – бесстрашным служением высшей Правде – и вместе с тем несло в себе невероятный заряд подлинной любви к человеку. Любви, способной претерпеть и неприязнь, и гонение, ибо плата за великий этот дар высока и сопряжена со скорбями.

«Сердце вырвал у меня отец Леонид!» – говорил о старце уже отнюдь не протест, а великий его современник, дворянин-аристократ и духовный писатель святитель Игнатий (Брянчанинов), бывший в период своего иноческого становления также в числе учеников преподобного. Это благодатное умение «вырвать сердце» – увидеть его внутренними очами и указать ему пути к совершенствованию – также неотъемлемая принадлежность старчества, призванного к мудрому управлению человеческими душами.

Собственный духовный путь старца Льва – суровая стезя неутомимого труженика и первопроходца, того евангельского землепашца, что, однажды взявшись за плуг, уже ни разу не позволил себе устало обернуться вспять, глядя только на бескрайнюю ниву перед собою.

Церковные историки свидетельствуют о том, что именно преподобный Лев направил служение старческое из среды исключительно монашеской к обширному и тяжелому поприщу утоления духовных нужд простого народа, мирян. И действительно, как древняя аскетическая практика старчество могло быть осмыслено только при ознакомлении с писаниями отцов-подвижников, с текстами Добротолюбия, перевод которого едва только появился в послепетровской России, а опытное последование аскетическому учению вообще утратило своих приверженцев – петровские и екатерининские реформы разорили русские монастыри, а вместе с ними и подлинные представления о подвижничестве и, конечно, о старческом окормлении.

Однако потребовался неутомимый гений преподобного Паисия (Величковского), посвятившего жизнь переводам писаний святых отцов, изучению и воплощению на практике их наставлений и заветов, чтобы «наука из наук» – монашество – снова оказалась на должной высоте... Благодаря духовно искусным Паисиевым ученикам возрождение внутреннего делания стало в России налаживаться и, наконец, оживило почти бездыханное тело монастырского монашества. От лампы Паисиевой возжег свою свечу и преподобный Лев, назидательное слово которого свидетельствовало о глубоком знании

святоотеческого наследия, а сама жизнь была опытным и ревностным последованием учению отцов. Есть что-то символическое в том, что Владимирская икона Богоматери, принесенная в 1829 году в Оптину старцем Львом, перед которой плел он свои пояски, совершал исцеления и давал прозорливые советы, перешла к нему из рук его духовного наставника старца Феодора (Перехватова), а тому, как благословение, – от самого преподобного Паисия.

Сведения о детских годах преподобного Льва до нас не дошли. Жизнеописание сообщает, что старец был «из простых», из семьи небогатой, но, как часто водилось в те времена, способные и смышленные подростки ради заработка поступали на жалованье в приказчики к купцам и дальнейшая их жизнь целиком зависела от их собственного трудолюбия, раторности и честности. Все эти качества молодому приказчику были присущи – он многие годы пользовался заслуженным доверием и личной симпатией купца Сокольников, возлагавшего на Льва Даниловича большие надежды и мечтавшего видеть его своим зятем.

Таким образом юношеские годы будущего старца прошли в той же состоятельной купеческой среде, что и юность преподобного Серафима Саровского, преподобных Моисея и Антония (Путиловых) и многих других русских подвижников. По замечанию историка И. К. Смолича, «воспитывавшиеся в атмосфере мирской деловитости, свойственной их предкам в нескольких поколениях», они вполне могли основательно обустроить свою земную жизнь и провести ее в достатке и неге... Но насколько сильна была в русском купечестве практическая смекалка, настолько и силен однажды овладевший сердцем дух благочестия...

Лев Данилович раскрывается на страницах Жития как натура живая, энергичная, способная глубоко чувствовать и неподдельно интересоваться окружающей действительностью – все эти навыки впоследствии мы увидим и в знаменитом на всю Россию старце. В Житии есть примеры того, как по-разному старец Лев мог оказать свою помощь нуждающимся в ней – подчас это был практический совет человека с большим багажом житейского опыта и смекалкой.

Начинал свой иноческий путь старец с той решимостью, с какой он когда-то схватил за глотку огромного волка, вцепившегося ему в ногу, словно усвоил сразу и навсегда: этот волк будет преследовать его до последнего вздоха. О такой благословенной решимости говорил

в свое время преподобный Серафим, считая ее той движущей силой, которая единственно требуется от человека в деле спасения.

Отец Лев отрекался своей воли, забывал усталость и с готовностью исполнял самые нелегкие монастырские послушания. Оптиная была его первым выбором, первой обителью, где он, по собственному признанию, «оставил все свое здоровье». Последовавший затем уход в Белобережскую пустынь был обусловлен вовсе не поиском более легкого места, но необходимостью в наставнике – именно в Белых Берегах Лев встретит угодника Божия отца Василия (Кишкина), а затем и старца Феодора (Перехватова), ученика великого молдавского старца Паисия (Величковского). Оптиная же времен строителя Авраамия, едва оправившаяся от многолетнего, если не от многовекового, запустения и скудости, не могла еще дать молодому подвижнику тех духовных основ, в которых интуитивно он ощущал острую необходимость...

Уже старчеству в Оптиной в 30-е годы XIX столетия, на вопросы удивленной обилием его духовных дарований братии отец Лев бодро ответит: «Леонид всегда был последним...» Эту живую, искреннюю и какую-то беспечальную готовность к самоотвержению, готовность стоять среди последних мы сможем наблюдать в старце на протяжении всего его монашеского пути – от первых иноческих испытаний, когда он, не боясь оказаться изгоем среди своих, шел петь в одиночку всенощную, повинувшись игумену, а не общему бунтарскому духу (и такое бывало временами в монастырях), до той поры, когда уже на него самого за служение страждущим воздвигнут обвинения в самочинии и непокорности.

Его природная основательность и серьезный подвижнический настрой расположили белобережскую братию видеть в нем способного администратора и мудрого хозяйственника, и отцу Льву пришлось подчиниться. Но сам он не искал начальствования и по внутреннему устройству был, конечно же, значительно масштабнее этой должности... Безыскусен и прост был он в обычных трудах рядового сельского жителя, и так же – скромно и неприхотливо – проходил поприще выпавших на его долю настоятельских хлопот, отправляясь по монастырским делам на простой телеге, без кучера и без «парада»...

...Господь благоволил его стремлению к безмолвию... Отказ от начальствования и строгая жизнь под руководством наставника отца Феодора (Перехватова) соделали эту могучую душу способной

послужить спасению многих – и монахов, и мирян... Именно этот духовный дар и прозревал в преподобном Льве монахлюбивый святитель Филарет (Амфитеатров), с которым Лев был знаком еще в бытность того ректором Севской семинарии и который в свое время приглашал отца Льва в оптинский скит... Святитель Филарет впоследствии не раз поддержит старца на его нелегком пути... Однако должны будут пройти годы уединенных подвигов на Валааме и в Александро-Свирском монастыре, череда изгнаний и печального опыта непонимания своими же, прежде чем время для такого перехода наступит – упокоив старца Феодора в Александро-Свирской обители, преподобный Лев уже навсегда поселится в Оптиной...

Оптина пустынь стала для старца Льва местом, где, с одной стороны, его испытанная в подвиге душа явила полноту дарованной ей благодати, с другой же – пошла на большую жертву. Жертва эта – отказ от вожденного безмолвия – для преподобного была, надо полагать, значительно ощутимее той клеветы и гонений, которые не оставят его и в Оптиной. Гонения в одном из писем своих старец спокойно именовал «мнимыми неприятностями», оптинцы же сохраняют в памяти то, с каким внутренним подъемом и легкостью переносил преподобный Лев различные пресечения и поношения.

Настоятель Оптиной преподобный Моисей и его брат, скитоначальник преподобный Антоний, хорошо понимали, сколь важное значение имеет для монастыря старец-наставник, и всячески содействовали укоренению в среде братии должного отношения к отцу Льву. Сами выходцы из среды пустынноческой, знавшие цену безмолвию и уединенному подвигу, они были способны оценить и жертву преподобного Льва, который в монастыре, помимо духовного попечения о братии, кормил и сотни богомольцев, съезжающихся к нему со всей России за советом и утешением. Здесь служение преподобного Льва заложило фундамент знаменитой оптинской школы старчества.

Сюда, в Оптину, ради общения с преподобным Львом перейдет из Площанской пустыни его будущий преемник преподобный старец Макарий, здесь «из пыли в полу» передаст старец Лев под духовное водительство Макарию преподобного Амвросия, тогда еще новоначального инок...

Преподобный крепко удерживал корабль монастырский в спасительной бухте святоотеческого предания. Он оказался той

несокрушимой скалой, о которую вдребезги разбивались мутные волны человеческого самолюбия и тщеславия. Ради правды Божией старец не смущался обличать ни близких ему по духу сподвижников, ни монастырских благодетелей, задевать честолюбивые струны которых казалось делом неприличным. Болезнь всегда требует лекарства, кто бы ею ни был заражен – инок-нестяжатель или богатый вкладчик. Сам же старец Лев, не терпя поругания божественных истин, как должное принимал несправедливые поругания в свой адрес, одаривая отеческой лаской тех, кто в ней нуждался.

Этот нелукавый муж любил и в других прямоту: «Ребята! За что купил, за то и продавай!» – и всякий после откровения помыслов преподобному мог засвидетельствовать, что выходил из его кельи в душевном мире и радости. Так создавалась в Оптиной та небывалая духовная атмосфера, которая прославила ее на весь мир.

Есть еще одно, очень важное, на наш взгляд, осмысление религиозного подвига, открывающееся нам со страниц этой книги. Осмысление, необходимое именно нашему времени – сегодняшнему поколению христиан, с таким воодушевлением ищущему то великих знамений, то явлений прозорливости и благодатной духовной силы, то скорой чудесной помощи по своим собственным, порой недостаточно зрелым понятиям о том, на что направлена должна быть эта сила и эта помощь...

Одному из своих учеников, будущему схимнику и духовнику Киево-Печерской лавры, сетовавшему на то, что не случалось ему видеть от старца чудес, преподобный Лев, уже прославившийся и прозорливостью, и даром исцелений, внушительно заметил, что самое досточудное заключается как раз не в этом. «А то разве не чудо, – сказал послушнику старец, – чтобы обтесать такой базарный пень, из которого со временем выйдет что-нибудь хорошее и годное!»

Нас, хотящих «мимоходом спастись» и «наскоро научиться», так склонных мечтать о себе и стремящихся «задешево купить» то, что покупается дорогою ценой благочестия, основатель оптинского старчества, как отец чадолюбивый, возвращает на путь каждодневной, невидимой миру борьбы со страстями, в которой ни один вздох наш не будет забыт у Бога.

Монахиня Евфимия (Аксаментова)

* * *

Текст жизнеописания и писем печатается по изданию: [Агапит (Беловидов), схиархимандрит]. Первый великий старец Оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). — 2-е изд. — Шамордино Калужской губ. : Козельская Введенская Оптина пустынь, 1917.

При подготовке публикации редакцией сохранены особенности авторского стиля, раскрыты сокращения, упорядочено правописание прописных и строчных букв, орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка, добавлены краткие примечания, раскрывающие смысл устаревших слов и выражений.

В оформлении книги использованы изображения из архива Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиной пустыни, фондов Российской государственной библиотеки, Российского государственного исторического архива, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Церковно-археологического кабинета Московской духовной академии.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ¹

По кончине оптинского старца иеросхимонаха Амвросия (1891 год) осталась рукопись «Копия с собственноручных записок киево-печерского духовника, иеросхимонаха Антония, бывшего ближайшим учеником и сожителем оптинского старца иеросхимонаха Леонида, в схиме Льва». Рукопись эта оказалась у старца Амвросия по следующему случаю. Когда вышло в свет первое издание жизнеописания старца отца Леонида, старец Амвросий послал несколько экземпляров этой книги в Киево-Печерскую лавру, где жили и подвизались некоторые из оставшихся еще в живых учеников старца Леонида, в числе которых был и отец Антоний (Медведев). В письме своем старец Амвросий просил отца Антония по прочтении книги сделать свои замечания и, вместе, написать, что только он мог помнить из обстоятельств жизни старца отца Леонида, с целью при втором издании книги сделать дополнение. Просьба эта отцом Антонием была в свое время исполнена. И старец Амвросий имел утешение получить от отца Антония довольно объемистую рукопись с указанием на некоторые погрешности в напечатанном жизнеописании старца Леонида и с дополнением новых сведений о его жизни. Рукопись эта, по благословению старца Амвросия, немедленно была скопирована, и подлинник отослан был обратно к отцу Антонию в Киевскую лавру.

¹ Предисловие к изданию 1917 года. – *Примеч. ред.*

Но время шло, а обстоятельства не благоприятствовали исполнению благого намерения старца Амвросия. Наконец Господу угодно было, по молитвам почивших старцев, совершить давно желаемое ими дело.

Предлагаемое теперь жизнеописание старца отца Леонида под заглавием «Первый великий старец Оптинский, иеромонах Леонид (в схиме Лев)» вновь переделано, значительно дополнено, и погрешности в нем по возможности исправлены. В состав его, кроме изложенного в записках киево-печерского иеросхимонаха Антония, вошло еще несколько устных рассказов оптинских старожилов-монахов, которых теперь уже давно нет на свете. Также принята во внимание помещенная в «Душеполезном чтении» за апрель 1881 года статья Андрея Ковалевского под заглавием «Воспоминания о духовнике Киево-Печерской лавры иеросхимонахе Антонии». В этой статье автор поместил немало сведений об оптинском старце отце Леониде, слышанных им от иеросхимонаха Антония. Но в статье этой встречаются неточности. Например, предместником Калужского епископа Николая (Соколова) Ковалевский называет Евлампия (Введенского). На самом же деле предместником епископа Николая был епископ Никанор (Клементьевский), впоследствии Санкт-Петербургский митрополит. И между епископом Евлампием, скончавшимся в 1813 году, и епископом Николаем, вступившим на Калужскую кафедру в 1834 году, был целый ряд калужских епископов (см.: «Церковные ведомости» за 1899 год № 33. «Калужские архипастыри»). Еще: оптинского старца иеросхимонаха Макария Ковалевский называет спостником киево-печерского иеросхимонаха Антония. Отца Макария можно назвать спостником Антония, только не киево-печерского, а оптинского скитоначальника иеромонаха Антония (Путилова). Киево-печерский же иеросхимонах Антоний был в то время одним из новоначальных скитских

послушников и вскоре переведен был в Тихонову пустынь. Еще: путешествие киево-печерского иеросхимонаха Антония на Валаам, в Свирский и другие монастыри Ковалевский относит ко времени после кончины старца Леонида и говорит, что ему на дорогу оптинский скитоначальник Антоний дал пять рублей. Но старец отец Леонид скончался в 1841 году, а оптинский скитоначальник Антоний в 1839 году переведен был в Малоярославецкий монастырь в настоятеля, где и прожил более десяти лет.

По всем этим причинам при распределении фактов в жизнеописании старца отца Леонида пришлось держаться более собственноручных записок киево-печерского иеросхимонаха Антония, нежели переданных через него сведений Андрея Ковалевского. Из этих последних извлечено только самое малейшее, не подлежащее сомнению¹.

¹ Нелишне, кроме того, заметить следующее. В одном из периодических духовных изданий напечатано: «Во время жизни своей в скитах он (старец иеромонах Леонид) часто встречался с дикими зверями – с медведями и волками, но звери не делали ему вреда, и только один волк ухватил было его раз зубами за ногу, но тотчас же, точно чем-то испуганный, оставил пустытника и убежал». Из прежних изданий жизнеописания старца Леонида видно, что он жил в двух скитах – в одном скиту на Валааме и через немалое время в другом – оптинском. О валаамском местопребывании иноков бывший валаамский игумен отец Варлаам († 1849), доживавший последние годы своей жизни на покое в оптинском скиту, имел обыкновение при случае говорить: «Хорошо, нечего сказать, хорошо и у вас, а все не то, что на Валааме. Там возьмешь, бывало, краюшку хлеба за пазуху, и хоть три дня оставайся в лесу: ни дикого зверя, ни злого человека; Бог да ты, ты да Бог» ([Леонид (Кавелин), иером.]. Историческое описание скита во имя Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1862. С. 231). Из этих слов отца игумена Варлаама можно заключить, что на Валааме диких зверей нет, и, следовательно, отец Леонид не мог там встречаться с медведями и волками. Живя же в оптинском скиту, отец Леонид, хотя имел обыкновение иногда летом делать по лесу прогулки, но всегда в полуденное время и в сопровождении нескольких своих учеников, которые после кончины старца, при воспоминании о нем, говорили, что и здесь встреч с волками и медведями никогда не было. А что действительно один волк поранил старца Леонида, так это было еще до поступления его в монастырь. О сем в предлагаемом жизнеописании сказано подробно.

***Житие
оптинского старца
Льва***

Глава I

*Рождение и мирская жизнь Льва Даниловича
Наголкина, впоследствии старца Леонида.
Его поступление в Козельскую Оптину пустынь,
переход в Белобережскую пустынь, временное
пребывание в Чолнском монастыре
и переход на Валаам*

Приснопамятный оптинский старец иеромонах Леонид, в схиме Лев, родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии и в Святом Крещении наречен был Львом. Родители его были простые граждане карачевские, мещанского сословия, по фамилии Наголкины. Имя отца было Даниил. Больше о родителях старца отца Леонида ничего не известно. Можно только с достоверностью полагать, что они были люди разумные и благочестивые. К такому заключению приводят разумность и благочестие их молодого сына Льва. Как впоследствии и сам старец отец Леонид по поводу

Город Карачев
Орловской
губернии.
Общий вид.
Открытка.
Вторая половина
XIX века

наследственности добродетелей или пороков от родителей к детям выражался так: «Яблоко от яблони далеко не укажется». При таких душевных качествах родители старца отца Леонида были, как видно, бедные. На эту мысль наводит то обстоятельство, что сын их, молодой Лев, достигнув зрелого возраста, несмотря на свои умственные и нравственные способности, не имел возможности оставаться дома и заниматься хозяйственными делами, а вынужден был поступить на жалованье в приказчики к одному купцу города Болхова Орловской губернии, по фамилии Сокольников, торговавшему пенькой и конопляным маслом, дом которого стоял на Одерской площади. В те, впрочем давние, былые, времена в Болхове, кажется, едва ли еще употреблялось название «приказчик», а просто называли «работник» или «малый».

Редко кому-либо из болховских приказчиков приходилось разъезжать по разным сторонам России. Кожевники бывали иногда в Харькове и по другим украинским ярмаркам, а торговавшие пенькой дальше своего уезда не ездили. Накупив по разным селам и деревням достаточное количество пеньки и масла, они сбывали все это белевским купцам, которые имели дело с Петербургом.

Но Лев был малый расторопный и сметливый, честный и верный. По примеру некоторых смельчаков он и сам сбывал свой товар непосредственно тогдашним петербургским купцам. Сбыт этот производился в городе Сухиничи Калужской губернии. И хозяин вполне доверял честному своему «малому» сухиничское дело. Почему и приходилось сему последнему в продолжение зимы бывать в Сухиничах по нескольку раз. Впоследствии при воспоминании о сем старец отец Леонид приговаривал: «Плохинская дорога из Болхова в Сухиничи мне так была знакома, как с печки на лавку»*.

В то время, к которому относится рассказ, дорога эта пролежала среди густых непроходимых лесов. Проезжая однажды этим путем, Лев встретил волка, который начал нападать на молодого парня. Но Лев обладал большой телесной силой – он мог поднимать тяжесть до двенадцати пудов. Потому, схватив имевшуюся при нем дубину, он ошеломил волка. Оправившись от удара, разъяренный зверь вскочил к Льву в сани и вырвал у него из икры правой ноги часть мяса, как впоследствии говорил старец: «Пожалуй, в фунт не уберешь». Затем опять бросился на него с разинутой пастью, в которую Лев успел всунуть руку и своими мощными пальцами крепко уцепился за горло зверя, что и обессилило его. Между тем испуганная лошадь во всю мочь, как на крыльях неслась с двумя седоками. Наконец в виду деревни совсем обессиленный волк свалился с саней. А Лев, при помощи Божией, добрался до своего Болхова. Рана у молодого дюжего человека скоро зажила, однако оставила след на всю его последующую жизнь – он на правую ногу несколько прихрамывал, а в шрам, образовавшийся от раны, мог вмещаться волоцкий** орех.

Проезжая часто по торговым делам из Болхова в Сухиничи и обратно, Лев имел случай нередко сталкиваться

* В прежних изданиях жизнеописания старца иеромонаха Леонида сказано, что он в должности купеческого приказчика делал часто большие и дальние разъезды. Но это ошибка, по замечанию киево-печерского иеросхимонаха Антония, ближайшего ученика старца отца Леонида.

** Волоцкий (вар. – волошский) орех – так называли в России грецкий орех, который первоначально завозили в основном из Греции. – *Примеч. ред.*

*Вид
Оптиной
пустыни
с западной
стороны.
Акварель.
1826 год*

с людьми разных званий и состояний. И так как он одарен был хорошими умственными способностями, имел прекрасную память, любознательность, наблюдательность, дальновидность и соображение, то приобрел через это весьма много разнообразных нужных и полезных сведений. Память же у него была такова, что, услышав однажды от путешественников о какой-либо местности, в другой раз через долгое время он говорил о ней уже как очевидец и коренной житель того места. Знал все слышанные им подробности – хозяйство обитателей, промышленность, семейный быт и прочее. Прекрасно понимал жизнь наших бар, их быт, воспитание, службу, утонченность обращения; также военный быт, флотскую службу, полевую и морскую нужду – все это как будто он видел своими глазами и вымерял своими шагами. И потому, разговаривая обо всех этих и подобных предметах, он как будто читал развернутую книгу. Таким-то образом, он хорошо знал почти всю Россию. Имея же общение с людьми всех сословий, Лев Данилович через это еще в мире приобрел большое знание людей и опытность,

которую впоследствии употреблял для пользы ближних, обращавшихся к нему за духовными советами.

Добродетельная жизнь и способности ценятся везде. Видя усердие и во всем исправность своего «малого», зажиточный хозяин дома готовил ему свою дочь в замужество. Но у Льва Даниловича было совсем другое намерение и стремление, а потому он наотрез отказался от этого счастья. После, когда он уже был старцем в Оптиной пустыни, эта бывшая его невеста вместе с другими спутницами приходила к нему в Оптину как посетительница и богомолица. На двадцать девятом году своей жизни, именно в 1797 году, Лев Данилович оставил многомятежную и суетную жизнь мира сего и первоначально поступил в Оптину Введенскую пустынь Калужской епархии*. Настоятелем монастыря в то время был игумен Авраамий, первый восстановитель и возобновитель совсем было пришедшей в упадок сей пустыни.

Ревностно принялся молодой послушник за труды монастырской жизни и своей богатырской силой по временам удивлял сожителей своих и вообще соприсутствовавших. Приводим здесь сему пример. В одно время с Львом Даниловичем поступил в Оптину другой молодой послушник (впоследствии бывший настоятелем Московского Симонова монастыря архимандрит Мелхиседек). Оба они равны были силой. Вот открылась надобность соединить каналом два небольших озера вблизи монастырской бани, и почему-то требовалось окончить дело в один день. К этой работе нужно было приставить до двадцати человек поденных**. Два упомянутых богатыря решились принять этот труд на себя и во что бы то ни стало окончить работу в один день, и, к изумлению всех, намерение свое привели к желаемому концу. Только в этот день они отличились особенным аппетитом, как впоследствии неоднократно, подшучивая над собой, рассказывал о сем сам

* Впрочем, Калужская епархия в то время еще не была самостоятельной. Она входила в состав Московской епархии и получила самостоятельность только в 1799 году.

** Подённый (устар.) – временный наемный рабочий, подённый. Не имел определенной профессии, получал плату за труд по количеству отработанных дней. – *Примеч. ред.*

* Фунт – русская мера веса, равная 409,5 г.

** «Судя по трудам и по труженикам, – замечал блаженной памяти старец иеросхимонах Амвросий, – это немного». В самом деле, если приходившиеся семь с половиной фунтов на одного человека разложить на четыре части – завтрак, обед, полдник и ужин, то в каждый раз приходилось одному съедать один фунт и три четверти с осмой. Это за один раз съест и каждый обыкновенный рабочий крестьянин.

старец отец Леонид: «Мы вдвоем съели в этот день пятнадцать фунтов* хлеба»**.

Недолго прожил в Оптиной пустыни молодой послушник Лев – всего два года; но в этот короткий срок своими непомерными трудами успел расстроить крепкое свое здоровье, как сам он писал о сем уже в преклонных летах.

В 1799 году он перешел из Оптиной в пустынную обитель Белобережскую Брянского уезда Орловской епархии. Неизвестно, какая причина побудила его к сему переходу. Если предположить тяжелые труды в Оптиной, от которых он потерял свое здоровье, так и в Белобережской обители его ожидали те же труды, на которые он обрек себя при поступлении в монастырь. Вероятнее всего, его потянуло туда неудержимое желание обучаться жизни духовной, так как настоятельствовал в то время в Белых Берегах иеромонах Василий (Кишкин) — старец духовной жизни, подвизавшийся немалое время на Афонской Горе. Итак, не для облегчения трудов и не для телесного успокоения перешел послушник Лев в другую обитель. Напротив, и здесь, как и в Оптиной, он проводил дни свои в непрерывных трудах, подавая собой всем братьям пример трудолюбия и искреннего послушания. А такая жизнь сама собой возвышала его перед прочими братьями и не могла не обратить на него особого внимания отца настоятеля.

И вот через два года по поступлении в Белобережскую пустынь (1801 год) Лев пострижен был в монашество и наречен Леонидом. Вскоре затем, в том же 1801 году 22 декабря, он рукоположен был во иеродиакона, а 24 декабря – во иеромонаха. Таким особенным вниманием настоятеля к вновь поступившему послушнику и быстрым производством в чины монастырские *не вознесёся сёрдце* его, *ниже вознесётся очи* его (Пс. 130, 1) и не ослабела в нем ревность к трудам и послушанию.

Однажды при наступлении храмового праздника клиросные братия, недовольные чем-то, отказались петь бдение, полагая, что этим принудят настоятеля исполнить некоторые их требования. Но настоятель не захотел уступить их неразумному домогательству и, чтобы смирить их, велел позвать отца Леонида с другим близким к нему братом и им вдвоем пропеть все бдение. Отец Леонид в это время возил с хутора сено. Усталый, покрытый пылью, он только сел за стол подкрепиться незатейливым монастырским ужином. Но вот ему передают волю настоятеля, чтобы он немедленно шел в церковь и становился на клирос отправлять бдение. Ни слова ропота и противления настоятельской власти не вышло из уст истинного послушника. Не dokonчив даже своего ужина, он поспешил в церковь и вдвоем с товарищем, к удовольствию настоятеля, исполнил волю его. Голос он имел довольно сильный – теноробас*, хотя несколько резкий, пел правильно и хорошо знал порядок церковной службы.

Другой случай показывает, что в отце Леониде вместе с трудолюбием и послушанием соединялось и великое человеколюбие. Во время пребывания его в Белобережской обители был там один брат, впадший в прелесть**. Взошел он однажды на колокольню и кричит оттуда во всеуслышание: «Смотрите, смотрите! Я вергнусь низу и не разобьюсь; ангелы Божии примут меня на руки свои. Сказано: *Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани́ти тя... и: На рукахъ возмутъ тя, да не когда́ преткне́ши о камень но́гу твою́* (Пс. 90, 11–12)». Между тем бывший на какой-то работе отец Леонид вдруг бросает работу и что есть силы бежит на колокольню. Лишь только он успел вбежать туда, как прельщенный, окончив свою речь, бросился было через балясник. Но в это мгновение отец Леонид успел схватить его за край одежды, втащил обратно на колокольню и позаботился о пользе его души и спасении.

* Вероятно, имеется в виду баритон. – *Примеч. ред.*

** Прелесть – слово славянское, по-русски – обман. Монастырское выражение «впасть в прелесть» значит «быть обманутым злостным бесом».

*Иеромонах Василий
(Кишкин). Гравюра.
Вторая половина XIX века*

В 1804 году иеромонах Леонид братством Белобережской пустыни избран был в настоятеля сей обители на место оставившего начальническую должность строителя старца отца Василия. Это случилось на пятый год по поступлении отца Леонида в Белобережскую пустынь и седьмой с поступления его в Оптину. Срок до избрания на настоятельскую должность вообще очень короткий. Но он показывает, что отец Леонид в это недолгое время так преуспел в жизни духовной, что опередил на этом поприще многих старожилов монахов. Замечательно, что самое избрание иеромонаха Леонида на настоятельство застало его в трудах послушания.

Дело было так. Собрались монастырские братия и стали рассуждать, кого бы избрать на место прежнего строителя. Но отец Леонид уклонился от этих толков. «Выберут кого-нибудь и без меня, а слышно, что в обители вышел весь квас», – подумал он и пошел квас варить. Между тем братия после долгих толков решили, что, кроме отца Леонида, в настоятеля избрать некого. Пошли всем собором в квасоварню, взяли из его рук черпак, который он в это время держал, сняли с него фартук, приличным образом одели и повезли в Орел для представления его преосвященному Досифею и утверждения в должности настоятеля, каковое утверждение в то же время со стороны владыки и последовало.

Начальственная должность отца Леонида не изменила его простого образа жизни. Так, если дело заставляло его куда поехать, нередко он ездил на одной лошадке, в простой тележке и без кучера. В Белобережской пустыни

Глава I

был иеромонах Гавриил, карачевский уроженец, который вскоре по посвящении в сан иеромонаха, вследствие представления отца строителя, изъявил последнему свое желание побывать с ним в Карачеве – месте своей родины. Отец строитель не отказал ему в этом, а сказал, чтобы, как только откроется первый случай, он напомнил ему об этом. Случай не замедлил открыться. Отцу настоятелю почему-то нужно было поехать в Карачев, и потому накануне поездки он велел отцу Гавриилу готовиться к пути. Но у отца Гавриила давно уже все нужное было подготовлено – праздничная ряска и камилавка, уложенная в камилавочник. Настал час отъезда. Помолились Богу. Выходят. Смотрит отец Гавриил – подали телегу с передком, запряженную в одну лошадь. «Где же кучер?» – спрашивает отец Гавриил. «Какой?» – возражает настоятель. Отец Гавриил: «Чтобы править». Настоятель: «Чтобы у меня для одной лошади трех кучеров? Спасибо! Садись-ка, брат, на передок, а устанешь – я сяду. А это

Вид
Белобережской
Брянской
пустыни.
Троицкий собор
Фотография
В. Машукова.
1898 год

Схимонах
Феодор
(Перехватов).
Гравюра.
XIX век

* Житие схимонаха Феодора издано было в первый раз в Москве в 1839 году, вторично – в 1847 году и в третий раз – в 1907 году. Издание принадлежит Оптиной пустыни. (Порфирий (Григорьев), [мон.]. Жизнь и подвиги схимонаха Феодора.)

** В прежних жизнеописаниях старца отца Леониды сказано, что он во время своего

что? Камилавочник и ряска? Да я и сам камилавки не беру с собой. А ты, если берешь с собой парад, так садись на мое место, а я лошадью править буду». Тотчас и сел на передок. Сконфуженный отец Гавриил был уже и не рад, что взял свой «парад». Немедленно снес его в келью и попросил отца строителя сесть на свое место, а сам занял должность кучера.

До занятия настоятельской должности отец Леонид (конечно, с согласия и благословения своего отца строителя) временно пребывал в Чолнском монастыре Карачевского уезда, где в то время поселился только что прибывший из Молдавии карачевский уроженец, земляк отца Леонида, схимонах Феодор, ученик великого старца Паисия, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей. Многие из братьев Чолнской обители пользовались духовными наставлениями опытного в подвижнической жизни и умудренного благодатию Святого Духа старца отца Феодора*. Под руководством сего-то наставника и отец Леонид обучился противоборству страстям и достиг духовного просвещения. Чистейшая любовь неразрывными узами соединяла наставника с учеником.

Заметим кстати, что в то же время отец Леонид имел еще духовное общение с настоятелем Брянского Свенского монастыря, ректором Севской духовной семинарии архимандритом Филаретом** (впоследствии Киевским митрополитом), который, при научном образовании, через общение с подобными отцу Леониду иноками рано обучился ценить духовный разум опытных в духовной жизни

старцев, хотя бы и не получивших школьного образования, и, думается, как сам подвижник и монахолюбивый, был коротко знаком со старцем отца Леонида схимонахом Феодором.

Когда отец Леонид был простым иеромонахом, тогда ему удобно было временно проживать в Чолнском монастыре при старце отце Феодоре. Когда же он определен был белобережским строителем, тогда уже лишился возможности жить с ним в чужой обители. Тяжело было ему уезжать от своего старца-наставника. Но Провидение разлучило сподвижников ненадолго. Беспокойство от посетителей, нарушавших безмолвие монашеской жизни в Чолнском монастыре, особенно же слава о добродетелях и подвигах отца Феодора, от которой он всегда, по смирennemудрию, бегал, понудили его в 1805 году для более удобного молитвенного служения Господу переселиться в пустынную обитель Белобережскую. С любовью принят был смиренный старец своим присным учеником, настоятелем пустыни отцом Леонидом, который обрадовался приходу мудрого наставника как обретению великого сокровища. Совместное жительство и частое собеседование со старцем еще более усовершило отца Леониды в духовной жизни и более поощряло его к дальнейшему прохождению подвигов духовных.

Недолго, впрочем, судил Господь пребыть отцу Леониду в должности настоятеля обители – всего четыре года, ибо не по сердцу была ему многозаботливая настоятельская жизнь. В Белых Берегах в 1807 году старца его, отца Феодора, постигла сильная и продолжительная болезнь. Девять дней он не принимал никакой пищи и трое суток пробыл в летаргическом сне. Испытав в этой болезни, как говорит описатель жизни и подвигов отца Феодора, сладостные ощущения благодатных даров Духа Божия, старец возжаждал еще более уединенной

начальствования в Белобережской пустыни имел духовное общение с настоятелем Брянского Свенского монастыря, ректором Севской духовной семинарии архимандритом Филаретом (Амфитеатровым). Но отец Леонид определен был настоятелем в 1804 году, когда именно в том же 1804 году архимандрит Филарет переведен был из Севска в город Уфу, тоже на должность ректора семинарии. Следовательно, духовное их сближение было раньше, когда отец Леонид еще не был настоятелем. Сведения об архимандрите Филарете взяты из книги: Жизнеописание Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова) / Сергей (Василевский), арихим. Казань, 1888.

и безмолвной жизни и объявил об этом желании отцу настоятелю и братии. По любви и уважению к нему немедленно устроили для него уединенную келью в глуши леса, в двух верстах от обители, где он и поселился вместе с другим великим подвижником, иеросхимонахом Клеопой. К ним-то в скором времени перешел и смиренный отец Леонид, добровольно сложивший с себя в 1808 году настоятельство. И здесь-то, как было в свое время слышно, живя с упомянутыми двумя подвижниками в пустынном безмолвии, он принял келейно пострижение в схиму, а с ней и прежнее свое имя – Лев.

Но сказал Господь: *не вжигают светильника и ставят его под судом, но на свещнице, и светит всем, иже в хра́мине (суть)* (Мф. 5, 15). Скоро Провидение открыло людям пустыннолюбивого отца Феодора. Слава о высокой жизни и мудрости его пронеслась повсюду, и вскоре к дверям кельи его стали стекаться тысячи посетителей, нарушавших тишину пустынной жизни подвижников Христовых.

Тяготясь молвой, сколько приятной для самолюбия, столько же неприятной для смиренномудрия, а вместе и зная, что новый отец настоятель монастыря смотрит на эту молву народную как на нарушение мира всей обители, они возымели сильное желание переселиться в отдаленные северные пределы царства Российского. Немало времени продолжалось и возрастало в них это желание. И вот прежде всех оставил обитель ученик старцев, подвижник, живший в монастыре, вышеупомянутый иеромонах Гавриил и, так сказать, проложил путь самим старцам. Он переместился на Валаам. Затем сгорела пустынная келья отца Феодора от нечаянного случая и недосмотра самих пустынников, так что и сами они едва спаслись от огня. После сего уже и старцу Феодору суждено было Промыслом Божиим прежде своих сподвижников также оставить

Белые Берега. Предавшись воле Всемогущего, носящего *всяческая глаголом силы Своея* (Евр. 1, 3), он в 1809 году направил путь свой в Новоезерский монастырь, находящийся на востоке Новгородской губернии. Впрочем, там не остался, а по воле Санкт-Петербургского митрополита Амвросия поместился в Палеостровской пустыни, на острове Онежского озера, где и провел три скорбных для него года.

На месте же сгоревшей пустынной кельи отец Леонид с отцом Клеопой озаботились построить новую келью. Впрочем, им недолго пришлось пожить в ней. Вероятно, и к ним, как к отцу Феодору, ходили за советами мирские посетители и братия, что, как выше замечено, не нравилось новому отцу настоятелю. Потому со стороны его последовал об этом преосвященному Досифею донос. А владыка, желая успокоить отца настоятеля, приказал отцу Леониду уже и поневоле выйти из Белобережской пустыни, сказав, что «два волка в одной берлоге не живут». Таким образом, побуждаемые необходимостью, а вместе и желая жить несколько поближе к своему духовному наставнику и другу отцу Феодору, отец Леонид с больным отцом Клеопой, в сопровождении монаха Амфилохия (ученика отца Леонида), в 1811 году переселились на жительство в Валаамский скит, куда в следующем 1812 году удалось перейти из Палеостровской пустыни и самому старцу Феодору.

*Иеромонах
Леонид
(в схиме Лев).
Гравюра.
1840-е–1850-е
годы*

Житие оптинского старца Льва

Обстоятельства, как видим, слагались обычным порядком, но все невидимо управлялось и устроялось премудрым Промыслом Божиим к пользе избранных рабов Его. Семья пустыннолюбцев неожиданно собралась воедино. Отец Леонид и отец Клеопа, сблизившись на Валааме с отцом Гавриилом, наконец имели утешение соединиться и с гонимым за правду старцем отцом Феодором. Впрочем, гонение это было вследствие недопонимания палеостровского отца настоятеля. В жизнеописании старца отца Феодора читаем: «Довольно сказать, к славе имени Божия и к чести виновника временных скорбей Феодора (в Палеостровской пустыни), что он (виновник) пять часов от глубины сердца сокрушенного, повергшись к стопам больного Феодора, за 25 дней до смерти его, проливал перед ним слезы раскаяния и умиления и простился с ним при смерти как искренний друг и благодетель».

Глава II

*Жительство иеромонаха Леонида
в валаамском скиту. Его переход в Александро-
Свирский монастырь, затем в Площанскую пустынь
и, наконец, в Оптину пустынь Калужской епархии*

«С лава милосердому нашему Богу, – писал вскоре по прибытии на Валаам отец Феодор подвижнику Площанской пустыни отцу Афанасию, – слава милосердому нашему Богу, что сподобил и меня, недостойного и скверного, сожительствовати со отцы моими в скиту Валаамском. Уже теперь перед милосердым нашим Создателем и Испытателем не можем никакого извинения и оправдания принести. Он исполнил все наше желание... Вправду можно похвалиться милосердием Божиим, на нас, недостойных, явленным. Привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем. Только помолитесь милосердому Богу, да даст поне отныне начало

положить Его возлюбити, и по Его святой воле жити, и Божественные Его заповеди сохранять».

Около шести лет пробыли три доблестных сподвижника, отцы Феодор, Клеопа и Леонид, в валаамском скиту как в надежном пристанище спасения и, как выражался иносказательно живший в то время в тех пределах юродивый Антон Иванович, «торговали здесь хорошо», чем намекал он, с одной стороны, на их происхождение из купеческого звания, а с другой – на духовную их куплю – приобретение Христу душ чрез честнейшие злата и серебра их мудрые советы и наставления. Ибо и здесь великие старцы своей духовной мудростью и смирением привлекли к себе многих братьев, которые начали к ним ходить, желая пользоваться их духовным руководством. Ученик же их, прежде переместившийся из Белобережской пустыни в Валаамский монастырь, иеромонах Гавриил, хотя имел с ними духовное общение, но вместе с ними в скиту не жил.

В числе пользовавшихся духовными наставлениями отца Феодора и отца Леонида был келлиарх Валаамского монастыря отец Евдоким, духовник валаамский. Прежде он проходил жизнь монашескую без духовного руководителя, уповая достигнуть духовного преуспевания одними внешними подвигами и совершенной покорностью своему отцу настоятелю, игумену Иннокентию, учеником которого он считался. Но ни послушание, изъясняемое готовностью умереть во исполнение заповеди настоятеля, ни внешние подвиги его не приносили существенных плодов монашеской жизни. Отец Евдоким не замечал в себе ни кротости, ни смирения, ни слез, ни любви. Напротив, сухость, жестокость души, зазрение всех и другие, хотя и скрываемые, страсти томили подвижника. Он не находил себе покоя, хотя исполнял все, по его мнению, должное и по книгам, и по опыту. Отец Евдоким доходил до отчаяния, и лукавые помыслы склоняли его к самоубийству, советуя броситься

*Скит
преподобного
Александра
Свирского
на Валааме.
Фотография.
Начало XX века*

со скалы в залив. Но вот Господь внушил ему, оставив надежду на свою праведность, прибегнуть к отцу Феодору и к отцу Леониду. Опытные старцы очень скоро помогли ему, открывши на основании святых отцов, что одно внешнее делание и телесные подвиги не ведут инока к преуспению, особенно если они, являемые человекам, влекут его к тщеславию и гордости и ко всем последствиям этих страстей – к ожесточению, осуждению и отчаянию, и что без внутреннего, смиренного, неявляемого делания молитвы и без совершенной невменяемости* нельзя смягчиться, смириться и повеселеть детской евангельской радостью. Старцы показали ему истинный ключ к отверзению сердца, и отец Евдоким, монах внешний, но искренний и готовый ради спасения на смерть, понял смиренную науку отцов, начал возрождаться, смиряться и постепенно успокоился. Впоследствии он всеми почитаем был на Валааме. Известный валаамский настоятель, отец игумен Дамаскин, как слышно было в свое время, пользовался его советами и говорил

* Невменяемость, по учению преподобного Варсонофия Великого, значит: считать себя за ничто, считать себя землею и пеплом, ни с кем не сравнивать себя и не говорить о своем добром деле: «И я это сделал» (Ответы 269 и 610).

*Игумен Дамаскин
(Кононов),
настоятель
Валаамского
Спасо-Преобра-
женского
монастыря.
Гравюра.
1878 год*

некоторым, что имена отца Феодора и отца Леонида постоянно были на устах отца Евдокима и что он всегда вспоминал о них с благодарностью и глубочайшим уважением.

Слава о старцах более и более распространялась. Вместе с отцом Евдокимом и по его примеру еще более братий стало приходить к ним. Посетители монастыря всех сословий также стекались к келье старцев, чтобы воспользоваться их благоразумными советами.

Но вот горе – это руководство старцев-подвижников в самом Валаамском монастыре было еще новостью и не все могли понимать как бы следовало учение их, в особенности же их сокровенную высокую жизнь. Потому, в то самое время, как одни, получавшие от их советов и наставлений великую духовную пользу, относились к ним с уважением и благоговением, – другие, даже из благомыслящих подвижников валаамских, смотрели на жителство старцев с недоумением.

Одновременно со старцами-наставниками жил в том же валаамском скиту иеромонах Варлаам (бывший впоследствии валаамским игуменом). Великий любитель безмолвия, он недоумевал, как эти старцы проводили целые дни в многолюдстве, беседуя с приходившими к ним ради советов духовных, и пребывали несмущенными. Однажды он обратился к старцу Феодору с такими словами: «Батюшка! Я блазнюсь на вас: как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними (с мирскими посетителями), каково есть дело сие?» – «Экой ты, братец,

чудак! – ответил старец. – Да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным». Из этого ответа известного уже своими подвигами и благодатными дарованиями старца отец Варлаам вразумился навсегда познавать различие путей «смотрящих от общих», то есть путей особенных, которыми ведет Промысл Божий избранных Своих, от путей общих, по которым шествуют все православные христиане, жаждущие душевного спасения¹. Находились, наконец, еще и такие люди, в сердцах которых возбуждалось против старцев-наставников и неудовольствие, которое отчасти происходило от немощи человеческого сердца, отчасти же от наветов злокозненного врага диавола. Ибо, по учению преподобного аввы Дорофея, «не только самое наставление ненавидит лукавый, но даже и самого голоса, произносящего оное, не может слышать; даже ненавидит и самый голос наставления, то есть то самое, когда говорят что-либо служащее к наставлению»*.

Об отце Евдокиме говорилось уже, что он считался присным учеником тогдашнего валаамского настоятеля отца Иннокентия. Когда же отец Евдоким, а за ним и другие братья обратились к старцам за наставлениями, отец игумен увидел себя как бы оставленным от преданнейшего

* Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Издание Оптиной пустыни. Поучение 5-е. О том, что не должно полагаться на свой разум.

¹ Святой Иоанн Лествичник говорит: «Поистине великое дело благодушно и мужественно подвизаться в безмолвии... Но без сравнения большее дело – не бояться внешних молв, а среди шума их сохранять неподвижное и небоязненное сердце и, с человеками обращаясь по внешности, внутренне пребывать с Богом» (Слово к пастырю. Гл. 9 // Иоанн Лествичник. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица и Слово к пастырю). Впрочем, сей меры возраста духовного достигают немногие и непросто, а получают ее как воздаяние за многие труды, наипаче же за смирение. И тогда-то, будучи промыслительно вызваны на подвиг служения ближним, могут приносить им великую духовную пользу, сами не вредясь нисколько от соображения с другими. Таковы и были приснопамятные старцы отец Феодор и отец Леонид, – присовокупим к сему: и преемники отца Леонида – оптинские старцы отец Макарий и отец Амвросий.

ему человека и счел себя презируемым от братий, полагая, вероятно, что настоятель должен быть единственным духовным руководителем в обители.

В древнее простое время большей частью так и было. Но в наше связанное формальностью время самому настоятелю, без помощи опытных духовников и старцев, неудобно принимать на себя духовное окормление братии. Это сознавал еще и в давнее время один из величайших наставников монашества преподобный и духоносный отец Феодор Студийский*. Но не с такими мыслями и чувствами смотрел отец Иннокентий на отца Феодора и отца Леонида. Их отеческая ко всем любовь, общительность и свобода обращения представлялись ему непокорностью настоятелю и вмешательством в его управление. Их учение казалось каким-то странным нововведением. Неудовольствие его против старцев еще более усилилось, когда министр духовных дел, князь А. Н. Голицын, приехавши на Валаам, все время своего пребывания там провел в келье старцев; даже велел приготовить себе у них чай и пригласить туда из монастыря настоятеля.

Наконец отец игумен решился жаловаться митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросию на старцев-пришельцев, возмутивших, по его мнению, мир обители. Митрополит знал валаамского настоятеля с хорошей стороны, как человека честного и трудолюбивого подвижника, а против старцев был предубежден и готов был уже осудить их. Стали поговаривать, что отца Феодора, как не русского, а молдавского постриженника и в России просто карачевского мещанина, хотят выслать из обители и обратить в первобытное состояние**; что и отцу Леониду не миновать беды. Однако митрополит поручил исследовать это дело благочинному над монастырями, коневскому строителю отцу Илариону (бывшему впоследствии тихвинским архимандритом).

* Свидетельство о сем преподобного Феодора Студита можно читать в следующей III главе сего жизнеописания, где он отделяет старца-затворника от настоятеля.

** Первобытное состояние – словесное положение человека до принятия монашества. – *Примеч. ред.*

Глава II

В феврале 1817 года отец Иларион прибыл в Валаамский монастырь и допрашивал отца Феодора с его сподвижниками, предложив им до тридцати письменных вопросов. С удивлением прочитал отец Иларион их ответы и после всегда говаривал, что ему нигде не приходилось вычитать то, что высказали ему в своих ответах простые старцы. Святое их буйство оказалось выше мудрости человеческой. Отец Иларион всячески старался примирить отца игумена со старцами. Он действовал так отчасти по сознанию истины и чувству справедливости, отчасти же, может быть, и потому, что вместе с ним прислан был на Валаам со стороны министра духовных дел, князя А. Н. Голицына, доверенный человек, некто А. Н. Никольский, для дознания о возникшем деле и для защиты старцев. Между тем преданными им лицами доведено было о затруднительном их положении до сведения двух петербургских архимандритов, впоследствии великих святителей, – Филарета, митрополита Московского, и Иннокентия, епископа Пензенского.

Эти христианские философы, знавшие несколько отца Леонида, приняли участие в старцах, заступились за них, и слова их подействовали на митрополита Амвросия. К этому времени пришло еще и донесение от отца Илариона о невинности старцев. Митрополит с огорчением увидел, что он едва не сделал большую несправедливость. Игумен Иннокентий вызван был к владыке и встречен грозным и бесцеремонным вопросом: «Что ты, старый ...»

*Преподобный Феодор
Студийский. Фреска. 1380 год.
Новгород. Церковь Спаса
Преображения в Ковалеве*

*Амвросий (Подобедов),
митрополит Новгородский. Портрет.
Неизвестный художник.
Первая половина XIX века*

со мной было сделал? По твоей милости я чуть было не осудил людей, лучших нас с тобой». Игумену велено было всячески покоить старцев в своей обители с угрозой, что, в случае их жалобы, он будет сменен. Старцам же передано было, чтобы они были уверены в защите высшего начальства. Но это не согласно было с понятием смиренномудрых подвижников о монашестве. Они никак не могли и не хотели согласиться как бы то ни было преимуществовать перед настоятелем, волю которого каждый истинный монах считает за выражение воли Божией и потому скорее согласен терпеть от него скорби, нежели возвышаться над ним. А кроме того, зная хорошо

сердце человеческое, старцы не надеялись, чтобы настоятель совершенно умиротворился по отношению к ним. Вследствие чего они признали за лучшее оставить Валаам. Впрочем, не следует по одному этому случаю считать отца игумена Иннокентия человеком недоброжелательным, ибо он оставил по себе добрую память. Если же и случилось с ним описанное искушение, то, как всякий может видеть, оно было следствием его непонимания.

Незадолго перед выходом из валаамского скита отец Леонид был в Санкт-Петербурге и являлся к митрополиту Амвросию, вероятно, для личного объяснения о постигшем его с отцом Феодором искушении, а вместе и с просьбой о дозволении им переменить место жительства.

Глава II

В это время он имел случай познакомиться с полковницей Акилиной Ивановной Черкасовой, вдовой, жившей со своей больной дочерью, Любовью Николаевной. Этой Акилине Ивановне отец Леонид оказал великую помощь. К сведению примем, что в Александро-Невской лавре жил один из учеников отца Леониды, монах Иоанникий, который проходил послушание свечника. Вдова-полковница, похоронивши мужа своего в Лавре, обратилась к сему отцу Иоанникию с просьбой, где бы он посоветовал ей нанять квартиру поближе к монастырю, чтобы удобнее было ходить в храм Божий и на могилу мужа своего. По его указанию квартира скоро нашлась. В саду у одного приходского диакона стоял особый флигелек, куда она, после обычных предварительных условий с хозяином, и переехала. Между тем она сильно тосковала по своему муже, так что желала бы хоть тень его видеть. К удивлению скорбевшей супруги, желание ее не осталось тщетным. Она не только могла видеть своего покойного мужа, но даже и разговаривать с ним. Как раз к этому времени прибыл в Петербург отец Леонид. Узнавши от отца Иоанникия о прелестном состоянии Черкасовой, он сумел, при помощи Божией, раскрыть заблуждение ее и восстановить в ней правую веру относительно душ отшедших от мира сего людей; и мечтание тотчас исчезло.

Следующий случай с той же Черкасовой показывает, как светел был взгляд отца Леониды и глубоко понимание им жизненных обстоятельств. Живши с мужем, Черкасова не занималась хозяйством, так что и понятия о нем не имела. Вследствие сего, оставшись вдовой, она вскоре все нажитое мужем состояние прожила. Тогда она начала закладывать в банк свои драгоценности. Билетов закладных набралась порядочная пачка, о чем она сама неоднократно рассказывала, что и отец Иоанникий подтверждал как очевидец. «Когда батюшка отец Леонид

* Думается,
что отец Леонид углублялся
в умную молитву.

с отцом Иоанникием, – так говаривала Черкасова, – посетил нас, я бессознательно вынула из комода эти билеты и положила перед ним, не сказав ни слова, а он молча пододвинул их к себе ближе и начал разбирать. Потом и опустил свою голову*. Мы перепугались, думая, уж не сделалось ли что с батюшкой. Но через несколько минут он простонал: „Ах, бедная! Ты должна заживо пропасть“. – „Что все это значит?“ – возразила я. „А то, – отвечал батюшка, – что по этим билетам ты должна вносить проценты, а не будешь вносить, тогда будут нарастать проценты на проценты; затем все твои вещи должны будут поступить в продажу, а чего неостанет, ты обязана будешь доплатить. Банк своего не уступит. И за малость посидишь в долговом отделении или попросту в тюрьме“. – „Ах, батюшка, что же мне делать?“ – „А вот что“. Тут он отобрал один билет и сказал: „Надобно эту вещь выкупить и продать, а на вырученные деньги выкупить другую и также продать и так далее“. Для этого дела пригодился расположившийся всем сердцем к отцу Леониду один вольноотпущенный К. Салтыковой, Диомид Кондратьев. Он все это аккуратно выполнил, так что Черкасова вскоре освободилась от процентов, а затем ей скоро пришлось получить и пенсии за себя и за больную дочь, как воспитанницу Смольного института. И таким образом находившаяся в крайности полковница была избавлена от великой ожидавшей ее беды.

А еще случай с той же госпожой уже указывает на благодатный дар прозорливости в отце Леониде. У упомянутого диакона освободилась на дворе квартира. Он и стал предлагать Черкасовой, чтобы она из находившегося в саду флигеля перебралась к нему на двор. Но она отказалась, сказав, что ей и здесь хорошо. Не прошло и четверти часа, как является к ней отец Леонид в сопровождении отца Иоанникия. Хозяйка квартиры передала им предложение отца

диакона. На это отец Леонид и говорит: «А я за тем и пришел к тебе. Сейчас перебирайся на новую квартиру. Позвать отца диакона!» Черкасова просила было отложить это дело хоть до завтра, но отец Леонид настойчиво сказал: «Нет, сейчас же перебирайся или никогда». С приглашенным отцом диаконом немедленно согласились. Взяли рабочих, которые и перенесли вещи из садовой квартиры в новую, на дворе; а хозяин запер во флигеле ставни и двери.

Но вот утром приходит отец диакон к Черкасовым и говорит: «Откуда это Бог послал вам Ангела Хранителя?» – «А что такое?» – возражают ему. «Да если бы вы остались на ночь в старой квартире, – продолжал диакон, – не быть бы вам живыми. Там, оказалось, дверь и ставни в окне спальни сломаны, и потому вас непременно бы убили». Вскорости сделалось известным, что во главе злоумышленников был прежний добрый слуга Черкасовых; ибо все они пойманы были в другом месте в подобном деле и при допросе сами признались в своем злом умысле. А предводитель их при поимке и жизни лишился от нанесенного ему тяжелого удара. Но это еще не было известно. При свидании же и разговоре Черкасовой с отцом Леонидом коснулась речь хорошего и верного когда-то их слуги. Отец Леонид промолвил: «Э! поминай как звали». – «Но ведь он еще жив?» – спросила Акилина Ивановна. «Нет, уже кровь прияла суд; остается молиться за него». Через несколько дней жена покойника при личном свидании с Черкасовыми подробно все описанное рассказала*.

Закончив в Петербурге все нужные дела, отец Леонид, вскоре по возвращении из столицы, вместе с отцом Феодором переместились в Александро-Свирский монастырь, считая себя отребием мира и недостойными мирного и постоянного пребывания на земле. Это было в июне 1817 года. Сподвижник же их отец Клеопа скончался немого раньше, именно 19 мая 1816 года.

*Эти мать с дочерью, Черкасовы, по переходе старца отца Леонида в Оптину пустынь приехали к нему из Петербурга и, при его содействии, определены были в Калужский женский монастырь, где несколько времени жили и скончались.

*Троицкий собор
Александро-
Свирского
монастыря.
Фотография.
Начало XX века*

Как подвизались старцы на новом месте своего жительства, сведений не имеется. Известно только, что в последний год жизни старца отца Феодора, скончавшегося через пять лет по переходе в эту обитель, отец Леонид, по свидетельству самого старца, преуспел в иноческом житии более, чем во все предшествовавшие годы своего монашества. И замечательно, что отец Феодор, бывши старцем-наставником отца Леонида, в то же время имел его своим духовником и другом духовным. Опасаясь, как бы отец Леонид как ученик не стал действовать в отношении к своему старцу по пристрастию снисходительно, отец Феодор, приступая к исповеди, скажет, бывало, иногда: «Ну, Леонид, смотри, чтобы не щадить». И если отец Леонид делал своему старцу какое-либо замечание, оно всегда принималось им с любовью и благодарностью.

Ко времени пребывания старцев в Александро-Свирском монастыре относится весьма любопытный рассказ о посещении этой обители императором Александром I. Рассказ, из которого видно, что слава об их

подвижнической богоугодной жизни следовала за ними повсюду, хотя бы они не желали того.

В 1820 году государь объезжал северные свои владения. Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря. Жившие там старцы, отец Феодор и отец Леонид, почтительно предложили своему настоятелю, отцу архимандриту, приготовиться к встрече государя, хотя в маршруте монастырь этот не был означен. Отец настоятель принял это предложение, и в часы, назначенные для проезда императора, ожидал его у ворот. Между тем государь на пути, по своему обыкновению, расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков, иногда сам, а иногда через кучера Илью, неизменного своего возницу. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест в знак близости монастыря и для указания к нему пути, государь спросил: «Что это за крест?» Узнав же, что недалеко Свирский монастырь, он велел туда ехать. При этом он начал расспрашивать, каково в монастыре и каковы братия. Ямщик, нередко туда ходивший, отвечал, что ныне стало лучше прежнего. «Отчего?» – спросил государь. «Недавно поселились там старцы, отец Феодор и отец Леонид; теперь и на клиросе поют получше*, и во всем как будто более порядка».

* Отец Феодор был превосходный певец и знаток церковного клиросного чина.

Государь, слыхавший от князя Голицына эти имена, пожелал со старцами познакомиться. Между тем ожидавшие царя-посетителя испытанные скорбями старцы сотворили между собой краткое совещание – как поступить, если государю угодно будет обратить на них внимание. «Если из-за князя Голицына было нам искушение, – сказал отец Феодор, – то что будет из-за государя? Потому, отец Леонид, не будь велеречив, а всячески помалчивай и не выставляйся».

Подъезжая к монастырским воротам, высокий посетитель удивился нечаянной встрече настоятеля и тотчас спросил: «Разве ждали меня?» Отец архимандрит не приписал себе одному такую готовность, а сказал, что

по совету старцев вышел в сретение возлюбленного монарха. Вошедши в церковь и приложившись к мощам преподобного Александра, при которых гробовым был один из старцев, государь, по своему смирению, пожелал принять благословение у иеромонахов с приказанием, чтобы не отнимали рук, когда он будет целовать их. При этом он спросил: «А где здесь отец Феодор и отец Леонид?» Старцы несколько выдались, но на все вопросы императора отвечали елико можно сдержанно и отрывисто. Государь, как видно, сам это заметил и прекратил вопросы, считая, может быть, и неуместным предлагать их в храме Божиим. Наконец, подойдя к отцу Феодору, он просил у него благословения. «Я монах непосвященный, – сказал смиренный старец, – я просто мужик». Государь вежливо откланялся и поехал в дальнейший путь.

7 апреля 1822 года, в вечер Светлого пятка, отец Феодор окончил многотрудное поприще земной своей жизни, испустив дух на руках любимого своего ученика, а вместе и духовного отца своего, отца Леонида. Вот в каких умилительных подробностях описывает блаженную кончину старца его жизнеописатель: «Еще за полгода до кончины постигла отца Феодора тяжкая болезнь. „Слава Богу, слава Богу! – повторял он в минуты жестоких мучений своих. – И я вижу наконец берег житейского моря, по которому доселе, как утлая ладья, носилась душа моя напастей бурей“. Настал вечер Светлого пятка. Лицо старца просияло; радостная улыбка оживила уста его. Печальные ученики, безмолвно окружавшие смертный одр его, забыли слезы и сетования; с благоговейным трепетом и изумлением смотрели они на блаженную кончину раба Господня. Архимандрит Макарий напутствовал его Елеосвящением и Приобщением Святых Таин; и чистая, светлая душа его отлетела в горние обители блаженной вечности».

Глава II

После кончины старца отца Феодора отец Леонид не желал оставаться в Александро-Свирском монастыре как ради учеников своих, которые не могут еще понести молвы от большого стечения народа в обители, так и по некоторым другим причинам, а имел намерение с учениками своими и единомысленными братьями перейти в более уединенное место. Вот как писал он об этом иеромонаху П.: «Вы изволите писать, что в нынешние пребедные времена, кажется, нужно собраться нам всем воедино и выпросить у какого-либо монахолюбивого архимандрита куточек. Это ваше мнение и мы одобряем... Да и батюшка наш, отец Феодор, насчет соединения, дабы нам не разлучаться, но сожительствовать вкупе, неоднократно подтверждал. Особливо, когда дар прозорливства перед смертью получил, уговаривал отечески тако: отцы мои! Господа ради друг от друга не разлучайтесь, поелику в нынешнее пребедственное время мало найти можно, дабы с кем по совести и слово то сказать. Да вы теперь сие и на опыте, яко в зеркале, видите. Но, к сожалению, за премногие грехи мои, в нашем союзе не находится ныне такого мужественного и достойного строителя, который бы мог содержать обитель и нас окормлять по преданию святых отец и назидать благорассмотрительно... Но собраться воедино, кажется, полезно для подкрепления друг друга».

Когда сделалось известным желание отца Леонида оставить Свирский монастырь, тогда его с учениками стали приглашать в разные места. Знаменитый в то время Казанский архиепископ Амвросий (Подобедов), слышавший о старце Леониде от духовника своего, иеромонаха Иова (впоследствии жившего в оптинском скиту), изъявлял готовность принять его в свою епархию. Кроме того, ему предлагали перейти в Площанскую пустынь Орловской епархии и во вновь устроенный скит при

*Богородицкая
Площанская
пустынь
Орловской
епархии.
Гравюра.
Вторая
половина
XIX века*

Оптиной пустыни. От перехода в Казанскую епархию старец отказался, а более имел наклонность перейти в Оптину пустынь, куда его приглашали калужский архипастырь, преосвященный Филарет, оптинский игумен Даниил и основатель скита отец Моисей со скитскими старцами. «Наши сердца, – писал он, – наклонность туда имеют, поелику я там начало полагал и здоровье потерял. И наш прежний любитель и благодетель, преосвященный Филарет, яко монахолюбивая душа, того желает».

С желанием старца отца Леонида согласны были и приближенные его ученики. Один из них, вышеупомянутый Гавриил, остававшийся в Валаамском монастыре, в 1823 году первый переселился в оптинский скит.

В том же году 17 августа посетил Оптину пустынь калужский владыка, епископ Филарет, и утвердительно сказал оптинским старцам, что он чувствует, что отец Леонид непременно будет в Оптиной пустыни или вообще в его

епархии. И предсказание владыки действительно исполнилось, только не скоро.

Пять лет удерживали отца Леонида в Александро-Свирском монастыре, несмотря на его усиленные просьбы отпустить; даже не отпускали в Киев на богомолье. Но в этом несогласии начальства с желанием просителя последний усматривал, что еще не было воли Божией на переход его в другое место. А многие из посетителей Свирской обители были весьма рады, что старец там оставался, потому что жаждали слышать от него слово назидания. Впрочем, эта привязанность к нему народа не могла бы там удержать его. «Ей, ничего так не жаль здесь нам оставить, – писал он, – как только останки прелюбезнейшего нашего благодетеля, достоблаженного батюшки отца Феодора. Однако и о сем да будет воля нашего Создателя и Искупителя! Мы мыслим и судим яко человецы, да и человецы еще плотстии. А премилосердый Господь вся весть, еще и несодеянное наше...» «Где воспоследует воля Божия, – писал он в другом месте, – там никакие пресильные препятствия не преодолеют». Эта вера старца Леонида оправдалась самым делом. Пять лет, как сказано, его насильно удерживали в Александро-Свирском монастыре, а в начале шестого года Господь так устроил, что его уволили оттуда без всякого затруднения.

По выходе из Александро-Свирского монастыря отец Леонид предварительно направил путь свой в Киев для поклонения святым мощам угодников Божиих. Там во время его пребывания случилось неприятное происшествие. В дальних пещерах, где несколько раз старец слушал раннюю Божественную литургию, один раскольник, воспользовавшись удобным случаем, похитил руку от мощей преподобного Вениамина. Начались розыски. И так как пещерники заметили в числе богомольцев отца Леонида, то прямо к нему и обратились с вопросом, не имеет ли

он на кого подозрения. Старец описал приметы одного, по его мнению, подозрительного человека и то, когда он ходил в пещеры. Похититель и святыня были таким образом отысканы, а отцу Леониду от всех было большое спасибо.

Возвращаясь из Киева, старец отец Леонид, несмотря на то, что высказывал в свое время желание поместиться в Козельской Введенской Оптиной пустыни, не прямо, однако, туда направился, а сначала прибыл в Богородицкую Площанскую пустынь Орловской епархии. Это было 6 октября 1828 года. Приезд этот старца Леонида в Площанскую пустынь, как можно видеть из жизнеописания оптинского старца отца Макария, был не простой случайностью, а устроился по особенному Промыслению Божию. В обители этой давно подвизался добрым подвигом сейчас упомянутый иеромонах Макарий (Иванов), который незадолго перед тем лишился своего старца и духовного наставника схимонаха Афанасия. Скорбя о своем духовном сиротстве, отец Макарий усиленно начал молиться, чтобы Господь послал ему наставника с даром духовного рассуждения. Прибытие отца Леонида в Площанскую пустынь и было ответом на эту молитву. И отец Макарий несказанно рад был старцу.

Впрочем, не менее рад был и старец Леонид встретить в отце Макарии столь даровитого инока, так хорошо подготовленного к высоким подвигам иноческой жизни. Без сомнения, это духовное сближение, а вместе и крайняя нужда отца Макария, который еще требовал для себя вождя духовного, и были причиной того, что отец Леонид решился, хотя, может быть, временно, остаться на жительство в Площанской пустыни. Пламенно любивший свою святую обитель, отец Макарий по обычаю восхвалял ее и многим желавшим поступить в монастырь советовал тут оставаться. Но отец Леонид, которому по благодати Божией открыто было будущее Площанской пустыни, всегда

Глава II

говаривал отцу Макарию: «Погоди-ка, погоди! Вот будет тебе Площанск; ой, будет, аль-ни голову почешешь». Слова эти старца Леонида вскоре стали исполняться на деле. По неведомым судьбам Промысла Божия попущены были в обители некоторые нестроения и разлад в иноческой жизни, так что старец Леонид мог прожить в Площанской пустыни только полгода и по прошествии зимы, в апреле 1829 года, перешел наконец в Оптину пустынь.

Глава III

О старчестве

Переход старца отца Леонида в Оптину пустынь весьма замечателен тем, что им введено и упрочено было в этой обители так называемое старчество. И так как этот основанный на евангельском, апостольском и святоотеческом учении образ монашеского жития в наше время малоизвестен, хотя в последнее время и немало писали о нем, то, прежде чем продолжать рассказ о жизни старца отца Леонида, желательно сказать несколько слов о старчестве. Не новое, впрочем, что-либо будет сказано об этом предмете, а уже давно высказанное покойным оптинским же старцем иеросхимонахом Амвросием и напечатанное в прежних изданиях жизнеописания старца отца Леонида. К сему дерзаем прибавить только нечто малое, может быть, излишнее для уяснения предмета*.

Старец, старцы** – это общеупотребительное в монастырях название старых и старших монахов, в особенности

* Приведенные в свое время старцем Амвросием выдержки из святых отцов-подвижников на славянском наречии теперь приведены для более удобного понимания на русском и с указанием их по русскому Добротолюбию.

** Нелишне заметить, что в монастырях некоторые славянские

же отличающихся строгостью иноческой жизни и по преимуществу могущих руководить других в жизни духовной.

Что такое старчество? Старчество, если смотреть на него, так сказать, с внешней стороны, есть не что иное, как монастырское установление или часть монастырского устава (где только, конечно, оно введено). Самое же дело, или, выражаясь монастырским языком, делание, или, наконец, старчество, по внутреннему своему значению, в отношении к старцу-наставнику, называется старческим окормлением (от слова кормчий), или, ближе к русскому языку, старческим руководством, или просто старчествованием. В отношении же к руководимым его можно назвать старческим путем, которым старец-наставник ведет имеющих к нему духовное отношение к совершенствованию в жизни духовной. Старчество в этом последнем смысле, то есть как путь старческий, по определению блаженной памяти покойного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, состоит в искреннем духовном отношении и послушании духовных детей своему духовному отцу, или старцу.

Достоинство старчества:

А. Начало старчества.

Старчество ведет свое начало от Безначального. Мы видим в Самом Едином Триипостасном Божестве безусловную покорность и послушание Сына Божия и Духа Святого Ветхому деньми (см.: Дан. 7, 9). Например, Господь наш Иисус Христос говорит о Себе в Святом Евангелии от Иоанна: *снидох с небесё, не да творю волю Мою, но волю послáвшаго Мя Отца́* (Ин. 6, 38); еще: *Моё учéние несть Моё, но Послáвшаго Мя* (Ин. 7, 16). И: *о Себё не приидох, но есть истинен Послáвый Мя* (Ин. 7, 28). И: *Аз заповеди Отца́ Моего́ соблюдох* (Ин. 15, 10). И у апостола Павла: *послушилв быв да́же до сме́рти, сме́рти же крёстныя* (Флп. 2, 8).

слова получили право гражданства. Например, делание – дело, работа, занятие; окормлять – управлять, наставлять, руководствовать; прелесть – обман, так как впадшие в прелесть обыкновенно бывают обмануты лукавыми бесами.

И об Утешителе Духе Святом в прощальной беседе Своей с учениками Господь Иисус Христос сказал, что Он не Сам Собою придет, но *Егѡже по́слет Отѣц* (Ин. 14, 26). А вследствие единой со Отцом власти и силы в другом месте говорит об Утешителе: *Егѡже Аз по́слю вам*; и затем все-таки прибавляет: *от Отца́* (Ин. 15, 26). И еще о Духе Святом: *Не от себѣ бо глаго́лати ѿмать, но елика́ ѡще услы́шите, глаго́лати ѿмать* (Ин. 16, 13).

Из приведенных мест Священного Писания и из других многих можно видеть, что два Лица Святой Троицы – Сын Божий и Дух Святой, несмотря на то, что имеют с Богом Отцом единую сущность и равную силу и славу, находятся в безусловной подчиненности Богу Отцу, или, низводя эту подчиненность до понятий человеческих, если не дерзко так выразиться, состоят в искреннем к Нему отношении или просто в послушании.

Б. Всеобщность.

За достоинство старчества ручается его всеобщность. Как Един есть Творец всех тварей невидимых и видимых и все твари более или менее носят на себе отпечаток Божиих свойств, так естественно всем им должен быть присущ, по подобию своего Творца, и общий закон подчиненности низших тварей высшим. Этого требует и единство, и порядок всего мироздания, как множество разнообразных частей в одной благоустроенной машине. Так, мы знаем, что в мире ангельском низшие чины получают ведение о Недоведомом и Непостижимом и просвещение чрез высших или старейших чинов (святой Дионисий Ареопагит о небесной иерархии). Души отшедших из сей жизни праведников вместе с ангелами благодествуют живущим на земле, вразумляя их и способствуя к богоутождению.

Минуя иерархическую соподчиненность в Церкви воинствующей, скажем, что подвижающиеся в жизни временной внити в живот вечный руководствуются (и иначе нельзя)

*Поучение Иоанна
Лествичника
монахам.
Книжная
миниатюра.
Фрагмент.
XV век*

советами и указаниями старейших или опытных в жизни духовной старцев. Прибавим: всякое научное знание, искусство, художество и даже простое ремесло непременно требуют своих наставников. Самое, наконец, зло подчиняется тому же закону. Искусившиеся в порочной жизни бывают руководителями на пути порока еще не искусившихся.

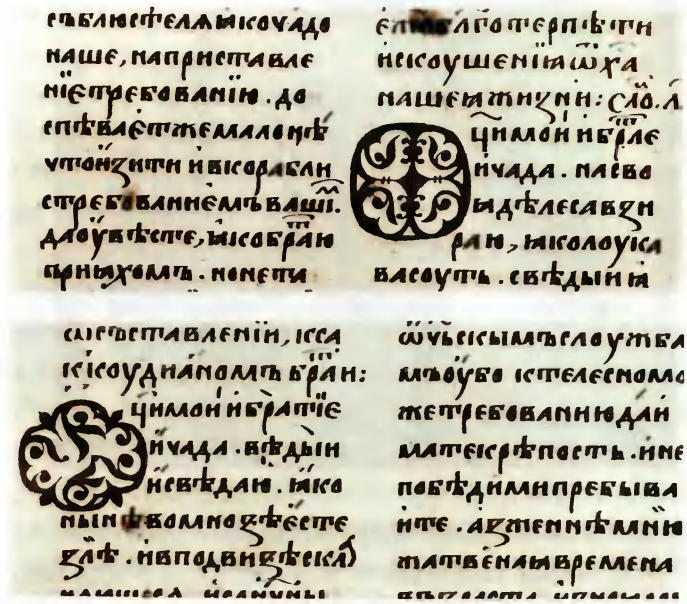
Потому святой Григорий Синаит и говорит: «Невозможно кому-либо самому научиться художеству добродетелей, хотя некоторые пользовались своим опытом, как учителем. Ибо самому по себе, а не по совету преуспевших действовать – самомнение наводит, или, лучше, порождает. Если Сын (Божий) ничего от Себя не творит, но, как научил Его Отец, тако творит (см.: Ин. 5, 19) и Дух глаголати имать не от Себя (см.: Ин. 16, 13), то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чьем-либо тайноводстве? Безумие паче, нежели добродетель, имеющим кажется таковой в самопрельщении»*.

В. Потребность старческого окормления.

Потребность и даже крайняя нужда старческого окормления в отношении жизни духовной естественно

* Русское
Добротолюбие.
Т. 5. Святого
Григория
Синаита главы
о молитве и без
молвии.
Гл. 15. С. 255.

Феодор Студит.
Слова
огласительные.
Фрагмент.
Полуустав.
Из Кирилло-
Белозерского
монастыря.
1417 год

вытекает из самой поврежденной грехом природы человеческой. Грех омрачил душевные очи человека. О духовных предметах он имеет самые смутные представления. Он и видя не видит, и слыша не слышит. Воспитанный среди мирских греховных обычаев и сам приобретший множество худых навыков, он часто имеет понятие о религии и нравственности самое поверхностное, а иногда совсем извращенное. Все такие люди, не исключая и так называемого образованного класса, водятся обыкновенно одним внешним. Сходить в праздник в церковь, поставить перед иконой свечу, положить несколько поклонов – вот и все делание духовное таких людей. А о том, что в храме Божиим и вообще среди молитвы от *сѣрдца* *исхóдят* *помышлѣнія злѣя, убійства, прелюбодеѣнія, любодеѣнія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы* и вообще помышления суетные, то есть обо всем постороннем, нужном и ненужном, *сквернящая* внутреннего человека (Мф. 15, 19–20), –

об этом и горя мало. Часто таковые помышления и за грех не считаются. Между прочим, в этом-то и заключается самая суть зла и греха. А в наше ужасное время, прибавим к сему, разливается уже и совершенное неверие в Бога, в Промысл Божий и во все святое.

Худые помышления – корни худых поступков. Потому преподобный авва Дорофей и говорит: «Если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сегодня и не прелюбодействовал, но похоть не перестанет внутренне смущать тебя, пока не вовлечет тебя и в самое действие. Если ты гневаешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и в злословие; (потом) начнешь и коварствовать (против него) и, таким образом, мало-помалу идя вперед, дойдешь, наконец, и до убийства»*. Потому и Господь говорил фарисеям: *фарисее слепый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда* (Мф. 23, 26). И через пророка: *отимите лукавства от душ ваших пред очима Моима* (Ис. 1, 16).

* Преподобного аввы Дорофея поучение 1-е.

Затем еще большее затруднение. При слепоте нашей душевной и путь-то, которым мы должны следовать к горнему нашему отечеству, по словам Самого Господа, *тесный* (Мф. 7, 14), пролегающий посреди ужасных стремнин и пропастей. И потому требуется с нашей стороны большая внимательность и осторожность, чтобы идти этим опасным путем. И Священное Писание предостерегает нас в этом случае: да не уклонишься *ни на десно, ни на лево*, но путем царским ходи (Втор. 5, 32; 17, 11). И Сам Спаситель сказал: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62). Наконец, по словам преподобного Иоанна Лествичника, «мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, держащих огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем**», врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых»***.

** То есть пламенем собственных его страстей.

*** Лествица. Слово 26, отд. 207. С. 262.

*Лествица. Образ монашеского жития.
Книжная миниатюра. XV век*

* Прельстились, то есть обманулись. Издание Оптиной пустыни – Лествица. Слово 1, отд. 7. С. 16.

** Лествица. Слово 26, отд. 237. С. 265.

*** Послание к Николаю иноку. // В книге преподобного Марка Подвижника, изданной Оптиной пустыней.

Г. Опасность для проходящих жизнь духовную без духовного окормления.

Потому и говорит тот же преподобный: «Прельстились* те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе».

«Как не имеющий путеводителя удобно заблуждает на своем пути, хотя бы и весьма был умен, так идущий самочинно путем иночества легко погибает, хотя бы и всю мудрость мира сего знал»**.

«Кто идет (иноческим путем) самочинно, без евангельского разума и без всякого наставления, – говорит преподобный

Марк Подвижник, – тот много претывается, впадает во многие ямы и сети лукавого, и во многие впадает беды, и не знает, какой конец получит. Ибо многие прошли путь свой со многими трудами, подвижничеством и злостраданиями и многие труды претерпели Бога ради; но самочиние, нерассуждение и то, что они не искали от ближнего наставлений, соделало таковые труды их тщетными»***.

Причина же прелести самочинно живущих монахов, между прочим, есть то, что бесы всегда стараются показывать нам свет тьмой, а тьму светом, как сказано у святого апостола: *сам сатана́ преобразу́ется во а́нгела свѣтла* (2 Кор. 11, 14).

Духовное руководство – незаблудный путь. Напротив, «невозможно, – говорит святой Кассиан Римлянин, –

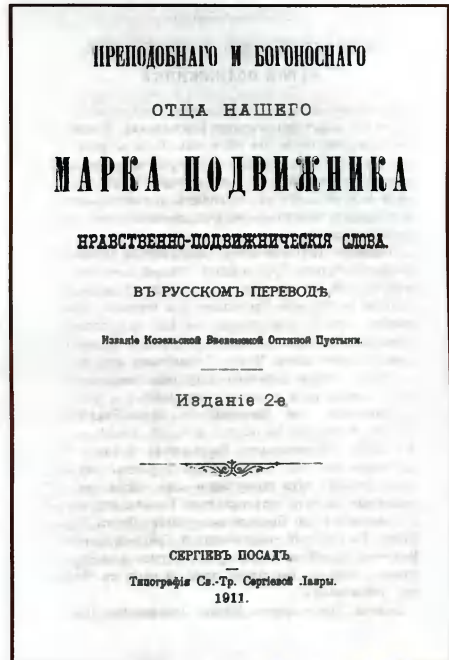
впасть в бесовскую прелесть тому, кто живет не по своему хотению и разумению, а по наставлению старцев. Не может лукавый враг посмеяться над неопытностью того, кто не привык, по причине ложного стыда, скрывать все возникающие в сердце его помышления»*.

«Как корабль (говорит святой Иоанн Лествичник), имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией безбедно входит в пристань, так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда сделала»**.

Д. Признаки искреннего духовного отношения духовных детей к старцам-наставникам.

Преподобные Каллист и Игнатий в Добротолюбии выставили пять признаков искреннего духовного отношения духовных детей к старцам-наставникам: 1) полная вера к своему наставнику и предстоятелю; 2) истинствовать пред ним в слове и деле; 3) не исполнять ни в чем своей воли, а стараться во всем отсекал оную, то есть ничего не делать по своему желанию и по своему разумению, а всегда обо всем вопрошать и делать по совету и воле наставника и предстоятеля; 4) отнюдь не прекословить и не спорить, так как прекословие и спорливость бывают от рассуждения с неверием и высокоумрием и 5) совершенное и чистое исповедание грехов и таин сердечных***.

Поясняя сей последний пункт, старец Амвросий говорит далее подробнее: «Духовное отношение требует от руководимых, кроме обычной исповеди пред Причащением Святых Таин (если, конечно, старец – иеромонах и духовник),

* Собеседование 2-е.
О рассуждении.
Гл. 10.

** Лествица.
Слово 26,
отд. 236. С. 265.

*** Добротолюбие.
Т. 5. Иноков Каллиста и Игнатия наставления для безмолвствующих.
Гл. 15.

и частого по потребности исповедания старцу и духовному отцу не только дел и поступков, но и всех страстных помышлений и движений и таин сердечных, как о сем говорят Василий Великий в Правилах, пространно изложенных (вопрос 26), Симеон Новый Богослов в первой части Добротолюбия (глава 122) и другие святые отцы».

Е. Необходимость откровения помыслов.

Исповедание это, или откровение, уже потому необходимо, что, по словам преподобного Иоанна Лествичника, «помыслы, не объявляемые духовному отцу, переходят в дела»*. А «объявление и открытие пред отцами злых помышлений (по словам преподобного Кассиана Римлянина) иссушает оные и ослабляет»**.

Кого же, собственно, должно иметь наставником? «Впрочем (говорит святой Григорий Синаит), не всех вопрошать надо, но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнью блистает и кто, будучи беден, многих богатит, по Писанию (см.: 2 Кор. 6, 10). Многие неопытные повредили многим неразумным, за коих суд примут по смерти. Ибо не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано божественное рассуждение *духовом*, отличающее лучшее от худшего мечом слова. Каждый имеет свой разум и свое рассуждение естественное, деятельное или научное, но не все имеют рассуждение духовное. Почему премудрый Сирах и говорит: *Мирствующии с тобою да будут мнози: советницы же твои един от тысяч* (Сирах. 6, 6). Немал же труд найти руководителя незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях. Незаблуден ли кто, узревается из того, если он имеет свидетельство от Писания и на деяние и на разумение, смиренномудрствуя в том, о чем должно мудрствовать»***.

Должно искать и молить Бога, чтобы указал незаблудного наставника. Многие в настоящее время, особенно из отвергающих путь духовного отношения, в оправдание

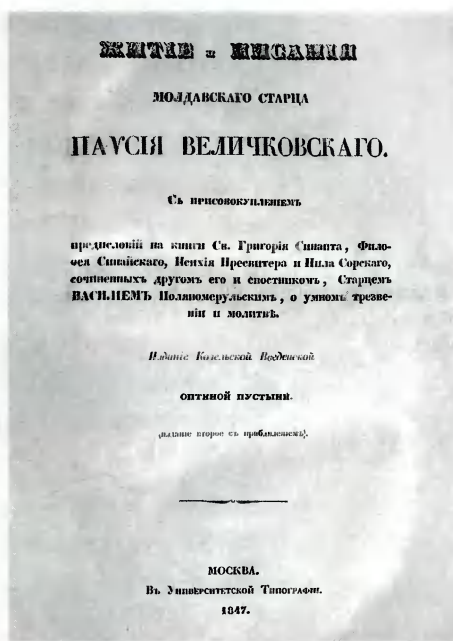
* Лествица.
Слово 26, отд. 207.
С. 262.

** Писание преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина в русском переводе, 1877. С. 191. (Иоанн Кассиан Римлянин. Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина : пер. с латин. [еп. Петра]. М., 1877.)

*** Добротолюбие. Святого Григория Синаита. 5. О прелесть и о других предметах.

свое ссылаются на недостаток и оскудение духовных наставников. Но святой Василий Великий говорит, что если кто усердно поищет доброго учителя, то и непременно найдет*. И святой Симеон Новый Богослов учит: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя». И далее говорит: «Лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно и обирать бесполезные плоды своей воли»**.

Впрочем, если бы кто и по тщательном и усердном искании не мог обрести духовного наставника и руководителя, в таковой нужде старец отец Паисий (Величковский) в письме к иерею Димитрию предлагает следующий совет: «В нынешние тяжелые времена, что достойно многого плача и рыдания, при крайнем оскудении таковых наставников, если бы какие ревнители из иноков захотели таковым жительством угождать Богу, то Сам Бог и божественное писание преподобных оных отцов, общежительных наставников, даже и доселе сохраненное Божиим Промыслом, служит учителем и наставником. С рассмотрением внимая оному (писанию), как бы им самим, читающие со страхом Божиим и разумением могут отчасти, поспешествуемые Богом, и житию их богоугодному быть подражателями, будучи окормляемы и вразумляемы своим отцом, о имени Христовом собравшим их или ими единомудушно выбранным, не от себя, но от Священного Писания и от того же учения святых отцов научающим духовных чад своих»***.

* Слово подвиж-
ническое.

** Добротолюбие.
Т. 5. Гл. 33: Двенад-
цать слов святого
Симеона Нового
Богослова. Русск.
пер. Изд. Оптиной
пустыни.

*** Житие и писа-
ние молдавского
старца Паисия
Величковского.
Москва: Изд.
Свято-Введенской
Оптиной пустыни,
1847. С. 248.

Ж. Старец может и не иметь высоких духовных дарований.

Прибавим еще к сему, что нет особенной нужды домогаться отыскивать старца-наставника с высокими духовными дарованиями, свидетельство чему можно видеть в Лестнице*. Тут только требуется человек, искусившийся в ратоборстве со страстями и невидимыми врагами. Почему описываемый здесь старец отец Леонид так высоко ценил это искусство или опытность в жизни духовной и нередко имел обыкновение говорить: «Искусство – половина святости».

3. Значение духовного старца-наставника.

Как высоко значение духоносного старца-наставника, можно видеть из слов преподобного Феодора, игумена Студийского. Этот угодник Божий в предсмертном своем завещании братьям касательно выбора и назначения настоятеля пишет так: «Во-первых, оставляю вам (как наставника) господина и отца моего, и отца вашего, преподобнейшего затворника и отца, и светило, и учителя. Ибо он о Господе выше и меня, и вас; и он – наша глава, хотя и подчинил себя, живя безмолвно в христоподражательном смирении. Его наставлениями и молитвами, верую, спасетесь, если только окажете ему должную благопокорливость и послушание... А потом, – продолжает тот же святой отец, – кого общим избранием боголепно поставите в настоятели, по предварительному отеческому совету,

СКИТЬ СВ. ПРОРОКА ИЛИИ

Вид русского
скита святого
пророка Или
на Святой
Горе Афон
с основателем
преподобным
Паисием
(Величковским).
Литография.
1856 год

и кого будет желать все братство, на избрание того и я соизволяю»*.

И. Важность духовного отношения к старцам.

Великая же важность духовного отношения к старцам добровольно подчинивших себя послушников доказывается особенно двумя следующими примерами. Преподобный Феодор Студит пишет: «Один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все отлагал. Недовольный сим старец в негодовании

* См.: Преподобного Феодора Студийского огласительные поучения в русском переводе. Москва : изд. Свято-Введенской Оптиной пустыни, 1872. С. 334. Поучение 33.

* Слово 4, отд. 112; слово 26, отд. 110 и слово к пастырю. Гл. 8. С. 4.

наложил на ученика запрещение – не вкушать хлеба, пока не исполнит порученного дела. Когда ученик пошел, чтобы исполнить повеление, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от наложенного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец ученик обратился со своей просьбой к Константинопольскому патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев. Но ни патриарх, ни собравшийся собор не нашли возможным разрешить епитимию старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищей из одних овощей*.

* Преподобного
Феодора Студий-
ского огласитель-
ные поучения
в русском перево-
де. Поучение 33.

В Прологе 15 октября повествуется: «В скиту жил монах, который в продолжение многих лет был послушлив своему отцу; наконец, по зависти бесовской, отпал от послушания и без всякой благословной причины ушел от старца, презрев и запрещение, ибо он имел от старца запрещение (епитимию) за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и принуждаем тамошним князем отречься от Христа, но остался непоколебим в твердом исповедании веры и за это был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили оную в святом храме. Но в каждую литургию, когда диакон возглашал: „Елицы оглашении, изыдите“, – рака с телом мученика, к удивлению всех, невидимой силой выносилась на паперть, а по окончании литургии сама собой поставлялась опять в храме. Один александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения. И ему открыто было в видении, что замученный монах был ученик такого-то старца и за непослушание был связан от него епитимиею. Как мученик, он получил венец мученический, а как связанный запрещением старца, не может оставаться при

совершении Божественной литургии, пока связавший не разрешит его.

Тогда же отыскан был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже никогда не трогалась со своего места»*.

К. История старчества.

В заключение всего сказанного о старчестве проследим вкратце историю старчества в монашеских обителях от начала до нашего времени, имея в виду собственно Оптину пустынь.

Путь старческого окормления во все века христианства признан всеми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви самым надежным и удобным из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях; впоследствии насаждено на Афоне, а с Востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорского старческий путь многим был ненавистен, а в конце XVIII столетия и почти совсем стал неизвестен. Восстановлению в России этого основанного на учении святых отцов образа монашеского жития много содействовал знаменитый и великий старец, архимандрит молдавских монастырей Паисий (Величковский). Он с великим трудом собрал на Афоне и перевел с греческого языка на славянский творения аскетических писателей, в которых содержится учение о монашеском житии вообще и в особенности о духовном отношении к старцам. Вместе с тем в Нямецком и других подчиненных ему молдавских монастырях он показал и применение этого учения к делу. Одним из учеников архимандрита Паисия схимонахом Феодором, прожившим в Молдавии около 20 лет, этот порядок монашеской жизни передан

*Желающие иметь более подробное понятие о пути старчества да прочтут: Василия Великого – слова о подвижничестве и правила, странно и кратко изложенные (часть 5, в особенности с. 49–51, 80–83, 157, 442–458; ч. 6, с. 57); святого Иоанна Лествичника слово 4 и слово к пастырю; преподобного аввы Дорофея слово 5; преподобного Феодора Студита огласительные слова (изданные Оптиной пустынью), в особенности: 2, 4, 8, 9, 10, 12, 17, 26, 29, 46, 47 и 95; Симеона Нового Богослова главы 15–19, 38–44 (в 1-й части славянского Добротолюбия); преподобного Кассиана Римлянина слово о рассуждении и Феодора Едесского главы 40–46 (в 4-й части славянского Добротолюбия). Также могут прочитать сборник писем оптинского старца иеросхимонаха Макария, особенно 4-ю часть – к монахи-ням.

Житие оптинского старца Льва

описываемому здесь иеросхимонаху отцу Леониду, а отец Леонид, как сказано выше, ввел старчество в Оптиной пустыни. Продолжателями же этого руководства духовного были следовавшие по преемству старцы-наставники – иеросхимонахи Макарий, Амвросий, Анатолий, Иосиф и игумен (впоследствии схиархимандрит) Варсонофий.

Глава IV

Водворение старца отца Леонида на скитской пасеке. Его отличительные свойства, духовные дарования и наружный вид

Теперь будем продолжать рассказ о жизни старца иеросхимонаха Льва. В Оптиной Введенской пустыни уже давно жили и подвизались два ангела во плоти – настоятель обители отец игумен Моисей (Путилов) и родной его брат, начальник скита иеромонах Антоний. Оба они, как положившие основание своего иночества в пустынных брянских лесах, под руководством строгих отшельников, в духе прежних великих пустынножителей, пламенно желали ввести старчество в родной им Оптиной обители, но сами не могли выполнить этого дела, так как озабочены были многосложными и многотрудными монастырскими делами, а еще и потому, что, как уже замечено выше, соединение в лице начальника двух обязанностей, настоятельства и старчества, в наше время весьма неудобно и даже невозможно.

*Преподобный Моисей (Путилов).
Худож. иеромонах Гавриил (Спасский).
1855 год*

В жизнеописании покойного оптинского настоятеля архимандрита Моисея, бывшего в описываемое нами время игуменом, высокочтимый автор сделал такую заметку: «Смеем думать, что он (игумен Моисей) и много, и усердно молился о сем Богу», то есть о послании в возобновляемую им обитель духовно опытного старца. Этому предположению смело можно придать силу действительности. Ибо если принять во внимание, что духовные мужи и во всех случаях жизни обращаются с усердной молитвой ко Господу, то в таком важном деле, как введение старчества в обители, нельзя и сомневаться, что отец игумен Моисей (прибавим только: вместе

с братом своим скитона начальником иеромонахом Антоном) горячо молился Богу об исполнении их пламенного желания. И тем более должно так думать, что они, как исполнители заповедей евангельских, имели для сего прямую заповедь Спасителя: *Мо́литесь у́бо Госпо́дню жáтвы, я́ко да изведёт де́латели на жáтву Свою́* (Мф. 9, 38).

Кроме того, отец игумен Моисей с оптинскими старцами, как выше упомянуто, и приглашали отца Леонида в только что устроенный скит на жительство. И вот наконец водимый Промыслом Божиим старец прибыл и принят был оптинцами с великой радостью, как особенный

дар небесный. С ним вместе прибыли и шесть учеников его: монах Макарий (Грузинов) из петербургских купцов, послушники – вышеупомянутый Диомид (Кондратьев), постриженный в болезни келейно в схиму площанским строителем Маркеллином и потому до 1840 года ходивший в рясофоре, Александр Михайлов Сапожников из солигаличских посадских, Георгий Васильев из московских купеческих детей, Иван Николаев из московских мещан и Павел Петров Тамбовцев, белгородский купеческий сын. Вскоре за ними поступил в скит под руководство старца отца Леонида инженерный офицер Димитрий Александрович Брянчанинов (впоследствии епископ Игнатий)*. Впрочем, он прожил здесь недолго.

Ко времени прибытия старца в Оптину пустынь находящийся при ней скит, по замечанию оптинского старожилы, иеросхимонаха Игнатия**, не был еще окончательно отстроен. В нем все было бедно. Простая маленькая деревянная церковь посреди скита во имя святого Пророка и Предтечи Господня Иоанна, с очень скромным иконостасом; при церкви тоже деревянная колокольня с четырьмя малыми колоколами. Вокруг церкви несколько небольших деревянных неоштукатуренных домиков, крытых тесом. Ограды вокруг скита еще не было, а обнесен он был плетнем, и то не весь. Зато густой бор с елями и соснами громадных размеров, притом с густой зарослью, окружал его со всех сторон как бы сплошной недосыгаемой оградой. С северной стороны скита было отделено место для пасеки, где и поставлен был тоже небольшой домик, который и предназначался собственно для старца отца Леонида. В этом домике он и поместился. А прибывшие с ним ученики – какие остались тут же при нем для послужания, а какие размещены были в самом скиту. Цель же отдельного помещения старца от прочих скитских братий, по согласию его самого и настоятеля обители со скитона-

* Скончался на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии 30 апреля 1867 года.

** Иеросхимонах Игнатий поступил в скит в 1830 году и, переведенный в монастырь, скончался в 1897 году на 95-м году от роду.

чальником, была та, чтобы все, желавшие пользоваться духовными старческими советами и наставлениями, монашествующие и миряне обоих полов, могли приходить к нему во всякое время невозбранно. Ибо, по установлению положившего основание скиту преосвященного Калужского Филарета (впоследствии митрополита Киевского) вход в скит женскому полу был возбранен, да и прочим посетителям пола мужеского был ограничен, чтобы и безмолвие скитян не нарушалось.

Немедленно по водворении в Оптиной пустыни старца отца Леонида настоятель отец игумен Моисей поручил его руководству всех жительствовавших в обители братий со всеми вновь поступившими в монашество. Да и сам он подчинился влиянию старца. Ибо, по словам оптинского старожила, отца игумена Марка*, «старец отец Леонид, как имевший дар прозорливости, вникал во все. В то время назначение послушаний, келий и тому подобное – все делалось большей частью по указанию старца. Старец же решал вопрос о том, где жить новонаначальному – в монастыре или в скиту. Духовное общение от этого между настоятелем и старцем не страдало. Старец заправлял не только внутренней, духовной, но и внешней стороной братства обители».

* Скончался
18 марта 1909 года.

Вышеупомянутые чудодейственные случаи, виновником которых был описываемый старец отец Леонид, смело могут ручаться за то, что он теперь достиг высокой меры духовного возраста и во всеоружии духовной силы вышел на новое великое служение человечеству, к которому призван был Промыслом Божиим на новом и последнем месте своего земного пребывания – в Оптиной пустыни.

Предлагая вниманию читателей рассказ о важнейших событиях жизни великого раба Божия, хотелось бы вместе с внешней его деятельностью изобразить хоть в некоторых главных чертах и внутреннюю его жизнь. Но жизнь

внутренняя мужей духовных всегда остается тайной, известной Единому Сердцеведцу Богу, и ни один из них не мог или, вернее сказать, не хотел высказаться вполне и открыть сокровище своей души. А внутренняя жизнь отца Леонида была особенно неуловима и, хотя он проводил дни свои открыто в толпе народной, осталась тайной даже для ближайших наблюдателей и присных его учеников. Поэтому и нам теперь приходится сказать об отличительных внутренних свойствах описываемого старца и его духовных дарованиях лишь очень немного – насколько они отразились в его внешней деятельности.

По учению святого Иоанна Лествичника, «молитва есть пребывание и соединение человека с Богом... источник добродетелей, виновница дарований»*. С этой царицы добродетелей мы и начнем, при помощи Божией, по возможности излагать свойства старца отца Леонида. Он был великий молитвенник. Обращаясь по внешности с людьми, он внутренне непрестанно пребывал с Богом. Зрелище великих человеческих страстей и бедствий, которых он был всегдашним слушателем и в которых принимал искреннее христианское участие, извлекало у него глубокие вздохи и слезы, потрясая всю его внутренность. И тогда обращенный ко Господу вздох или взор к иконе Божией Матери, перед которой у него теплилась неугасимая лампада, – эти простые знаки сердечного чувства – были выражением его духовной любви к ближним, а вместе

Святитель
Филарет
(Амфитеатров),
митрополит
Киевский
и Галицкий.
Литография.
1850–1860-е годы

* Лествица.
Издание Оптиной
пустыни. Слово 28
о молитве, отд. I.
С. 287.

* Подобный пример можно видеть из рассказа о преподобном Иоанне Колове: «Однажды хозяин верблюдов пришел к авве Иоанну, чтобы взять его корзины и увести их, куда следовало по назначению. Авва вошел в келью, чтобы вынести ему корзины, и, взяв одну корзину, забылся, потому что ум его был восхищен к Богу. Хозяин верблюдов опять побеспокоил его, постучавшись в двери. Авва вышел к нему, но, возвратясь в келью, опять забылся. Хозяин верблюдов постучался в третий раз. Авва вышел к нему и, возвращаясь в келью, твердил: „Корзины – верблюды, корзины – верблюды“. Твердил он это, чтобы снова не забыть-ся». («Отечник» епископа Игнатия (Брянчанинова). О преподобном Иоанне Колове, отд. 43.)

** Точно так же говорил об Иисусовой молитве и старец иеросхимонах Амвросий. Смотря жизне-

и молитвенного настроения его души. Когда же посетителей было очень мало, старец нередко так углублялся во внутреннюю молитву, что не замечал происходившего около него. Один из приближенных учеников отца Леониды рассказывал, что, когда приходилось ему быть при нем без народа, старец, погруженный в молитву, совсем забывал о нем, не слышал его объяснений и несколько раз заставлял повторять одно и то же*. Ученикам же своим запрещал не только братья за высокую умную молитву, но даже и говорить о ней из опасения, чтоб кто из них не повредился умом**.

Затем обратим внимание на три богословские добродетели. Старец отец Леонид имел живую веру в Промысл Божий, соединенную с крепкой надеждой и преданностью воле Божией. Во всех затруднительных случаях своей жизни он с упованием взирал на Начальника веры и Совершителя Иисуса. Так писал он впоследствии (1831 год) к одному лицу: «Архипастырь наш по наговорам нами недоволен. Но Архиерей грядущих благ, Господь Бог наш, более сего знает и, следственно, может более нами управлять. И так паки реку о сем: буди воля Господня!» «...Вспомните, прелюбезнейший, – писал он в другой раз приближенному своему ученику, – вспомните нашего всеобщего батюшку отца Феодора, как он всегда предавался воле всемогущего Попечителя и Промыслителя. Да и не погрешил в своем последовании, но достиг благонадежного пристанища. И нас с тобой поручил всемогущему Промыслу. Он нам всегда советовал и увещавал полагаться на Промысл нашего Икупителя и нелестного Попечителя. Милосердый же Господь исполняет и обращает все в Свою волю и на пользу нашу, хотя по-видимому и противными нам средствами и последствиями. Мы, при помощи премилосердого Господа Бога, потерпим, да и посмотрим...» Даже и печаль о заблудших умерялась в старце верой в Промысл Божий.

Когда, как увидим ниже, бывал он стеснен в приеме посетителей, ему приятно было несколько успокоиться от трудов своих. Впрочем, ни о покое своем, ни о славе своей он никогда не заботился, а жалел только и душевно соболезовал о приходивших к нему, что душевные их нужды оставались неудовлетворенными. Однако и в этом случае с упованием полагался на волю Божию. «Прошу вас, – писал он духовному своему сыну, – не давать другим совета ко мне приходить. Пусть сами как хотят, но без поощрения. Бог силен помочь и без моего недостойства».

Выражением же любви евангельской была вся жизнь старца отца Леонида, проходившая в служении Богу и ближним. Ради сих последних он постоянно находился в трудах и подвергался великим скорбям, даже превышавшим обыкновенные силы человеческие. К близким своим послушникам и монахам относился с нежной отеческой любовью, называя их «деточками» и стараясь всегда помогать им во всех их нуждах. Самых же приближенных именовал приветливо: Яша, Саша и прочее. Не пренебрегал старец и теми из людей, коих все презирали. «Одна женщина-странница, – рассказывал иеромонах Антоний (Бочков), – неотвязно была при старце Леониде во время пребывания его, как о сем сказано будет ниже, в Тихоновой пустыни и всем нам очень надоела. Ее ласки, земные поклоны и разные гримасы казались, особенно мне, комедией и обманом. Я осмелился сказать батюшке, что не я один, а все наши братия досаждают на эту безотвязную и что ее, по ее же словам, выгоняли отовсюду, из всякой обители, что никакой старец выносить ее не мог. „Правду ты говоришь?“ – спросил старец. „Я это слышал от нее же“. – „А если я ее отгоню, – продолжал отец Леонид, – куда же она денется? И в ней душа, а душа человеческая в глубине своей таит много добра. Надобно только его отыскать“».

описание его, составленное архимандритом Агапитом (Беловидовым. – *Примеч. ред.*). Часть 2. С. 69. (Агапит, архим. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия.)

При искреннем же расположении ко всем ближним старец, однако, ни к кому не прилеплялся особенной, исключительной любовью. Знакомым и незнакомым, родным и не родным – у него всем был одинаковый почет. Пришла однажды к нему родная его сестра. Он принял ее наравне с другими странницами и оказал ей пособие такое же, какое оказывал и прочим нуждавшимся, то есть дал ей пятиалтынный. По этому поводу старец некоторым говорил, что если монах родному против чужих даст лишний пятак, то этим покажет, что он еще не освободился от уз плотского родства и не всех людей равно любит, а с различием.

Всегда старец был отечески снисходителен к немощам своих духовных детей. Впрочем, эта его снисходительность растворялась и святой ревностью по благочестию и благоразумной строгостью. Часто он говаривал: «Если спрашивать меня, так и слушать, а если не слушать, так и не ходить ко мне». Вот еще как старец писал одному иноку, принятому им при пострижении от Евангелия, когда тот уклонился в некоторое самочиние: «Смотри! Хотя не могу тебе прямо сказать, что от сонмища нашего отлучен будешь, ибо связь Евангелия святого – союз ненарушимый, но от примера святых отцов, а особливо святого Исаии Скитского, хотя и страшно, но к облегчению моей совести прилично тебе сказать: смотри! Ежели не будешь в законном (повиновении) и к назиданию души твоей слушать многогрешного мнимого старца твоего Льва, то отступление твое накажет тя».

Описываемый старец обладал еще глубоким смирением, по которому не приписывал себе никаких достоинств. Так, например, писал он своему духовному сыну: «Удивляюсь вашей неограниченной вере к моему ничтожеству. Неоспоримо, выключая мое недостоинство, это весьма похвально. Только, между прочим, вы изволите писать, чтобы я принял

в свое мнимое покровительство желающего истинным путем спастись собрата П. Но, о любезнейший! Прошу вас порассмотреть: сие, кажется, приличествует не мне. Вы и сами знаете, что я из низких людей и не заслуживающий о Господе внимания, хотя с моей стороны ради заповеди Божией, елико можно, обязан требующим по вере их советовать в случающихся с ними затруднениях, по свидетельству отец святых». В конце посылаемых писем старец иногда подписывался: «непотребнейший иеромонах Леонид». При жизни своего старца отца Феодора в письмах к разным лицам отец Леонид всегда подписывался вдвоем с отцом Феодором; по смерти же его прилагал к своему имени имя своего духовного сына Антиоха, хотя последний несколько не участвовал в его письмах. А когда при нем не было и отца Антиоха, тогда обыкновенно подписывался так: «иеромонах Леонид с приверженною братиею». Этим старец как бы желал всем показать, что он мог преподавать духовные советы только при помощи и по молитвам живущих с ним отцов и братьев.

Со смирением в старце отце Леониде неразрывно соединялось и иное боголюбозное качество – кротость. Никто не видал его возмущенным от страстного гнева и раздражения. В самые тяжкие дни его жизни никто не слышал от него гласа нетерпения и ропота, никто не видал его в унынии. Нельзя было не дивиться его всегдашней веселости. Спокойствие, младенчество евангельское и христианская радость никогда не оставляли чадолюбивого отца.

Но, считая себя в чувстве сердца непотребнейшим из людей, победитель страсти гнева и нетерпения, старец отец Леонид при твердости характера обладал мужеством души. Смелый и великодушный, он действовал всегда открыто и своей жизнью как бы вызывал на себя гонения, которые, как неизбежный удел почти всех рабов Божиих, и следовали за ним повсюду до самой его кончины.

«Что ж? Берите, судите меня, если на то дана вам власть. Я живу и хожу пред Богом моим, живу для ближних моих, откинув всякое лицемерие и страх мирского суда; я не боюсь никого, кроме Бога. Когда совесть моя мирна, сердце весело играет, как у младенца; когда вся жизнь моя была одним днем служения Богу, моему старцу и детям моим о Христе, то чего мне бояться?» Так чувствовал, так мыслил великий муж! И потому старец Феодор, когда жил вместе с отцом Леонидом, имел обыкновение в шутку называть его «смиренный лев».

Имея всегда в виду лишь славу Божию и пользу ближних и веряя спасение всех Отцу Небесному, старец отец Леонид был чужд всяких человеческих опасений. Все мелкие предосторожности он оставил, полагаясь на Господа своего Иисуса Христа и святого Ангела Хранителя человека. Их незримому водительствуверял он и себя, и вхождение, и исхождение своих посетителей и, как скала посреди обуревающих ее волн, оставался непоколебимым от нападений врагов видимых и невидимых.

Когда он жил в Оптиной пустыни, случалось, что некоторые из посетителей монастыря по какому-либо случаю знакомились с теми из братий, которые были не расположены к старцу. Видя это, ученики его, по немощи человеческой, скорбели и боялись, что эти братья отвлекут посетителей и не допустят их до старца. Но сам отец Леонид судил об этом иначе. «Э, не беспокойтесь! – говаривал он в подобных случаях своим ученикам. – Свой своего всегда найдет». Старец этим хотел выразить, что, если кто искренно и от всей души ищет спасения, того Бог и приведет к истинному наставнику. А кто, желая спастись, вместе с тем допускает человеческие расчеты или увлекается двоедушием, неверием или самомнением и самооправданием, тот к такому советнику и наставнику и попадет. Таким образом, отвергнув всякое человекоугодие, смирennemудрый

старец вовсе не домогался, чтобы посетители монастырские непременно шли к нему, и из приходивших никого не уверял в своем к ним расположении.

При всех сих боголюбезных добродетелях старец отец Леонид сподоблен был от Господа высоких духовных дарований. Изучив под руководством старца Феодора писания отцов-подвижников о монашеской жизни и находясь в продолжение многих лет в искреннем ему послушании и повиновении и под духовным его окормлением и, вместе с тем, бывши еще прежде истинным послушником, он послушанием своим стяжал дар духовного рассуждения, или разума духовного, по коему ясно мог распознавать дух истинный и дух лестчий – действие благодати Божией и прелесть вражью, хотя бы тонкую и сокровенную. Во всяком случае и во всякой вещи он в точности постигал и другим указывал, что угодно или неужодно Богу, и верно мог судить о душевном устроении других, даже и таких, которых многие почитали за людей духовных, и, таким образом, вполне мог быть старцем-наставником*. А это дается от Бога немногим.

Как пример духовного рассуждения приводится следующий рассказ. В конце двадцатых или в начале тридцатых годов старец отец Леонид посетил Софрониеву пустынь Курской губернии Путивльского уезда. В то время там жил в саду в затворе иеросхимонах Феодосий, которого многие почитали духовным мужем и прозорливцем, так как он предсказал в свое время Отечественную войну 1812 года и некоторые другие события. Отцу Леониду его устроение показалось сомнительным. Побеседовав с затворником, старец спросил его: как он узнаёт и предсказывает будущее? Затворник отвечал, что ему возвещает будущее Дух Святой. А на вопрос старца – каким образом возвещает? – объяснил, что Дух Святой является ему в виде какого-то голубя и говорит с ним человеческим голосом. Видя, что

* «Отчего в настоящее время мало хороших старцев?» – спросили однажды афонского духовника. «Оттого, – отвечал он, – теперь мало хороших послушников. Первые образуются из последних».

Иоанно-
Предтеченский
скит
Софрониевой
пустыни.
Фотография.
Конец XIX века

ВИДЪ СКИТА СОФРОНІЕВОЙ ПУСТЫНИ, СЪ СЪВЕРНОЙ СТОРОНЫ

это явная прелесть вражия, отец Леонид начал предостерегать затворника, что подобным вещам не следует доверять. Но тот оскорбился и с негодованием возразил старцу: «Я думал, что ты, подобно другим, хочешь от меня попользоваться, а ты пришел меня учить!» После того старец отец Леонид удалился и, уезжая из обители, сказал настоятелю: «Берегите вашего святого затворника, как бы с ним чего не случилось». Едва отец Леонид доехал до Орла, как узнал там, что несчастный Феодосий удавился. Из сего можно заключить, что, хоть этот затворник находился в обольщении вражием, но милость Божия не совсем от него отступала. Когда же он отверг благожелательное предостережение мудрого и опытного старца, Господь за это оставил его, и он погиб такой ужасной смертью.

Вместе с даром разума духовного старец отец Леонид, как мы уже отчасти и выше видели, имел от Господа и дар прозорливости. По рассказам учеников его известно, что он как бы читал в душе каждого из них сердечные тайны,

что от пронизательного его взора не могли утаиться сокровенные их помыслы, которые он нередко явно, в присутствии других приходивших к нему, обличал ради их душевной пользы. Особенно же старец имел от Бога дар открывать и напоминать искренно относившимся к нему забытые ими грехи. Скитский иеромонах отец Иларий (в мире Иван Иванович Гурьянов), из козельских купцов, многим рассказывал о себе следующее: «Еще до поступления моего в число братий пришел я однажды из Козельска в Оптину пустынь, желая приобщиться Святых Таин. Но, исповедавшись у монастырского духовника, почувствовал в душе какое-то безотчетное смущение и беспокойство и пред самой литургией пошел объяснить об этом старцу отцу Леониду. Старец сказал мне: „Смущение, вероятно, происходит в тебе оттого, что ты не все открыл духовнику на исповеди, что следовало бы“. И потом в несколько минут сам искусно напомнил мне о не исповеданных мной согрешениях, говоря так: „Может быть, не сделал ли того-то и того-то?“ Когда я сознался, что действительно виноват в том, на что намекал мне старец, смущение во мне исчезло, я совершенно успокоился и, по совету же старца, открывши не исповеданные мной грехи духовнику, у которого прежде исповедался, и получив от него разрешение, уже в мирном душевном устроении приобщился Святых Христовых Таин»*.

Другой ученик старца Леонида, отец П., рассказывал, что, исповедуя ему свои помыслы, он, случалось, иное скрывал невольно, другое же и вольно, по страху или от стыда. Отец Леонид, выслушав исповедь, сам высказывал все утаенное, прибавляя: «А этого-то что же не говоришь?» Тем старец побуждал ученика к чистосердечному исповеданию всех смущающих помыслов. При таких дарованиях духовных старец отец Леонид был муж учительный. Но подробно о сем будет говориться далее, в следующей главе.

* Иеромонах Иларий скончался в 1872 году и при жизни своей именно так передал описанный рассказ лично составителю сего жизнеописания.

* Какая-то богатая госпожа, излечившись в свое время горькой водой от головной боли (употребляя оную через день на ночь после ужина по рюмке), купила секрет этой воды за десять тысяч рублей ассигнациями. Вот ее состав: три золотника нашатыря и три золотника сабура растворяются в штофе кипящей воды, и, когда остынет, вливается туда три золотника крепкой водки. Сверх того старец приказывал вливать туда немного елея от своей келейной Владимирской иконы Божией Матери.

** Открытие мощей святителя Митрофана было в 1832 году, 6 августа.

*** Икона эта теперь находится в Калужской Тихоновой пустыни, куда она перенесена была из Оптиной после кончины старца Леониды учеником его и сыном духовным монахом Иоанникием, в схиме Леонидом (сведения 1917 года).

Здесь же скажем еще о том, что старец сей имел от Господа и дарование исцелений. Относившимся к нему братьям и мирским посетителям за духовными советами он не отказывался подавать помощь и в телесных болезнях, указывая некоторым на испытанные народные средства. Преимущественно он употреблял для лечения так называемую горькую воду, которой у него выходило в день иногда до полутора ушата. Горькую воду не переставали в обители готовить и раздавать одержимым внутренними болезнями и после кончины старца, но вода эта после него уже потеряла ту многоцелебную силу, чтобы помогать от всяких болезней, хотя от некоторых помогает*.

Некоторых из приходивших старец посылал в город Воронеж к мощам в то время новоявленного угодника Божия святителя Митрофана**. И бывали примеры, что больные, прошедши или проехавши сотни верст, исцелялись на пути и, подобно евангельскому самарянину, возвращались благодарить подавшего им совет старца. Многим страдавшим от недугов телесных, часто соединенных с душевными и потому не всегда понятных для людей обыкновенных, старец отец Леонид преподавал благодатную помощь, помазывая их елеем от неугасимой лампы, теплившейся в его келье перед Владимирской иконой Божией Матери, которая получена была им в благословение от своего старца, схимонаха Феодора. Этой иконой великий старец Паисий (Величковский) напутствовал схимонаха Феодора при выходе его из Молдавии в Россию, а отец Феодор, отходя ко Господу, благословил ею отца Леониды как общника его скорбей и наследника духовных дарований. Потому она и почиталась старцем Леонидом как особая святыня. Изображенная Царица Небесная видом Своим вдыхает в души молящихся пред Нею успокоение***. В Ее святом лике не видно изысканного умиления и женственной красоты. Черты строгие, и очерк лица

более русский, нежели греческий.

Помазывая болящих елеем из лампады от этой иконы, старец видимо возлагал всю свою надежду на милость и помощь Божию, на заступление Царицы Небесной и на молитвы своего духовного отца. По вере старца отца Леонида и приходивших к нему помазывание это оказывало великую благодатную силу. Через него многие получали утешение в скорбях, облегчение в душевных бранях и исцеление телесных болезней. Так,

отец игумен П-й рассказывал, что, когда келейники старца отца Леонида жаловались на какую-либо болезнь, он помазывал их елеем из лампады и болезни проходили.

Приводили к старцу отцу Леониду и многих бесноватых. Было также немало и таких, которые прежде сами не знали, что они одержимы бесом, и только в присутствии старца по обличении им таившейся в них прелести начинали бесноваться. Так нередко бывало с теми из мирских неразумных подвижников, которые, пришедши к старцу, сами открывались ему, что они носят вериги, а вместе с тем жаловались, что не обретают душевного мира. Оказывалось, что, проходя самопроизвольно суровые телесные подвиги, они не переносили со смирением ни ниспосылаемых от Бога скорбей, ни укоризненных слов от людей и, удручая тело свое веригами, в душе питали вражду и злопамятность против оскорбителей, увлекаясь

*Преподобный
Паисий
(Величковский)
Литография.
1840-е годы*

* У послушника, которому поручалось хранение этих вериг, после кончины старца отца Леониды их нашлось до 25 штук, каждая весом от 25 фунтов и до пуда.

самоуверенностью, и вообще нисколько не заботились об очищении сердца от страстей, доходя иногда таким образом и до прелести. С таких безрассудных подвижников отец Леонид приказывал снимать вериги*, научая их, что чрезмерные телесные подвиги без смиренного мудрия и духовного рассуждения не только не приносят пользы, но и вредят ревнующим о своем спасении и что христиане прежде всего должны обращать внимание на необходимейшие и обязательные для всех евангельские заповеди Господни, без соблюдения которых спастись нельзя. Когда же по воле старца вериги снимались, на некоторых из закованных ими нападало беснование. На всех таких страдальцев старец возлагал епитрахиль и читал над ними краткую заклинательную молитву из Требника, а сверх того помазывал их елеем из лампы или давал им онный пить. Вследствие сего было очень много поразительных случаев исцелений. Некоторые тогда говорили, а может быть, скажут и теперь: да это не трудно, и всякий может помазать елеем и прочитать заклинание. В ответ на такое их возражение можно напомнить пример сыновей иудея Скевы, которые начинали было, по примеру святого апостола Павла, изгонять бесов именем Иисуса Христа: *Иисуса знаем*, – ответил бес, – *и Павла свем, вы же кто естё?* (Деян. 19, 15). Победа над бесами одержана была отцом Леонидом, конечно, после победы над своими страстями.

Говаривал отец Леонид: «В наши времена Бог не посылает подвижникам таких испытаний, как древним, потому что не могли бы понести, и не подает древних дарований, чтобы не вознеслись безмерно». Так он говорил вообще о современных ему монахах; но сам по простоте христианской и смирению, по претерпенным им скорбям и по духовным дарованиям был яко один от древних. Некто из присных учеников старца, видя его однажды в особенно веселом и откровенном расположении духа, спросил:

«Батюшка! Как вы захватили такие духовные дарования, какие мы в вас видим?» Старец отвечал: «Живи попроще – Бог и тебя не оставит». Потом прибавил: «Леонид всегда был последним в обителях; никогда ни от какого поручения настоятеля не отказывался. В навечерие великих праздников другие, бывало, стремятся в церковь, а Леонида посылают на хутор за сеном для лошадей приезжих гостей, а потом усталого и без ужина посылают на клирос петь, и он безропотно повиновался. Старайся и ты так жить, и тебе Господь явит милость Свою». Таковы были по внешним действиям внутренние свойства и качества описываемого старца отца Леонида!

Прибавим к сему еще несколько слов о его наружности. По описанию отца игумена Антония (Бочкова), старец от природы был тучного телосложения. Лицо его круглое, смугловатое, от подвигов бледное и благообразное*, с выражением строгости и мужества, обрамлено было небольшою бородой. Волосы на голове густые и длинные. Под старость они сделались настоящей львиной гривой, желтоседой, волнистой, и спускались гораздо ниже плеч**.

Глаза небольшие, сероватые, смотрели прямо, не наблюдая за пришедшим и не догадываясь, что таится в его душе. С одного взгляда старец знал, что привлекло к нему иного странника, прошедшего тысячи верст. Руки были очень стройны и красивы, при полноте и длинноте живописных перстов. Только одного указательного на

*Старец Лев.
Литография.
1868 год*

* Некоторые писатели писали и печатали, что старец Леонид удивительно похож был на льва (зверя). Но портреты старца говорят сему противное. Живший при старце Леониде упоминаемый в сем жизнеописании отец игумен Антоний (Бочков) только и похожего на льва находит, что в длинных и волнистых волосах старца. Но и это выражение употреблено

Житие оптинского старца Льва

было им более для красоты речи, так как схимническое имя его – Лев.

****** Подлинные слова отца игумена Антония (Бочкова). И далее, до окончания главы, его же слова.

левой руке у него не доставало, так как по нечаянности он был обрублен старцем во время рубки дров в валаамском скиту. Рост его был выше среднего. Походка красивая; мужественная и вместе с тем легкая; мерная поступь показывала, что он легко носил свое довольно тяжелое тело. Никакой сутуловатости и согбенности старческой не видно было в этом утвердившемся в битвах духовных воине Христовом.

Глава V

Келейная жизнь старца отца Леонида и общий взгляд на его старчествование, или учительство, с его благими последствиями

И зложив по возможности отличительные свойства и высокие дарования духовные старца иеромонаха Леонида, вернее же сказать – некую часть их, коснемся далее его келейной жизни и затем бросим общий взгляд на его старчествование в Оптиной пустыни, или учительство, с его благими последствиями.

Жизнь старца отца Леонида текла правильно и безукоризненно и если отличалась от обычной монастырской жизни, то разве чрезмерными трудами в служении ближним. Вот его келейная жизнь. В два часа пополудни начиналось у старца с учениками утреннее правило. Читались утренние молитвы, затем и вся полунощница, двенадцать избранных псалмов, канон дневному святому с поучением из Пролога и первый час. Дневной канон неизменно

читал келейник старца отец Макарий (Грузинов). Третий и шестой часы с изобразительными читались отдельно во время ранней обедни. Вечернее правило, состоявшее из девятого часа и двенадцати избранных псалмов с тремя канонами – Спасителю, Божией Матери и святому Ангелу Хранителю – и одним по дню* акафистом, совершалось в те же часы, что и в монастыре вечерня. Старец выслушивал это правило у себя в келье. Наконец, после вечерней скитской трапезы прочитывались: повечерие, вечерние молитвы, две главы из Апостола и одна глава из Евангелия. На отпустах своих келейных молитвословий старец всегда поминал и имя преподобного Александра Свирского, в обители которого прожил около двенадцати лет и к которому имел великое благоговение. В келье старца имелась и большая икона сего угодника Божия, написанная на холсте в рост, перед которой и совершались келейные правила. Подобная ей была в келье старца и другая икона – святого Ангела Хранителя; а между этими иконами стояла Владимирская икона Божией Матери – благословение схимонаха Феодора.

* На каждый день недели (понедельник, вторник и так далее) или на праздник, случившийся в этот день, существуют акафисты для келейного чтения. – *Примеч. ред.*

На последнее вечернее правило, пред отхождением ко сну, а кстати и для откровения помыслов, собирались скитские братья в келью к старцу. Пришедшие с летних работ, подкрепивши себя незатейливой вечерней трапезой, сидели на полу и отдыхали в чаянии пищи духовной. По наступлении урочного часа с благословения старца началось чтение. Чтец должен был читать не протяжно и «не борзясь», без ложной чувствительности, не тщеславясь своим чтением. Причем старец временем останавливал его своими замечаниями. Вследствие сего образовывались прекрасные чтецы. Среди молящихся было примерное благочиние. Охотники до чтения должны были признаваться при всех, что желают читать, поднимая руку вверх, чрез что научались сознанию своей немощи. Евангелие

читывал сам старец высоким голосом, по молдавскому способу, который заимствован из Великой лавры старца Паисия*. В числе чтецов, преимущественно утренних, был некоторое время Алексей Поликарпович Бочков**. Вот как передавал он о том, какого внимания к себе и усердия требовал старец от своих учеников: «Вставать ночью надобно было ранее двух часов за четверть часа. Однажды старец, вставши на утреннее правило, не застал меня в передней, а когда я пришел, хотя до начала правила, но только за одну минуту, он сделал мне выговор: „Ты хвастаешься усердием ко мне; почему же Господу Богу не посвятишь четверти часа до полунощницы? В это время ты бы мог молитвой умной приготовиться и к словесной, сиречь к чтению“».

Через каждые две недели старец приобщался Святых Христовых Таин в скитской церкви, куда он, будучи впоследствии переведен в монастырь, сначала ходил, а в последние годы, по немощи и бессилию, ездил для сей цели. «Однажды, – как рассказывал близкий к старцу отцу Леониду ученик его, очевидец, упомянутый Алексей Поликарпович, – когда старец шел из монастыря скитской дорожкой на Приобщение, заметил я на глазах его блеснувшие слезы духовного умиления. Но, не желая быть замеченным, он удержал себя, и мгновенно спрятались эти капли сердечного чувства в его очах».

Время молитвенных правил было единственным свободным среди дня временем старца отца Леонида. Остальное же, за исключением краткого послеобеденного отдыха, и то не в положенные часы дня, а когда случалось, всегда посвящалось им на служение своим ближним. Ночной легкий сон старца, вместе и с дневным отдохновением, в продолжение суток длился не более трех часов; но часто и самый ночной отдых прерываем был приходившими к нему по крайней нужде братьями.

* В прежних изданиях напечатано было: «В лавре св. Паисия». Но в рукописи написано было «св. (святого)» вместо «ст. (старца)» по ошибке переписчика и по недосмотру составителей. Немного выше сказано, что отец Леонид читывал Евангелие по молдавскому способу. Это выражение, «по молдавскому способу», показывает, что упоминаемая лавра святого Паисия должна бы находиться в Молдавии. А в Молдавии, кроме Великой лавры старца Паисия (Величковского), другой лавры святого Паисия никогда не было и нет.

** Впоследствии игумен Антоний, настоятель Черемнецкого монастыря Петербургской губернии Лужского уезда; петербургский уроженец, получивший хорошее воспитание.

Пищу вкушал старец дважды в сутки – что Бог посылал. Выпивал иногда рюмку вина или стакан пива. Во время трапезования шла у него с учениками оживленная беседа. Допускались им скромные и незлобивые шутки и рассказы, которые имели у него духовную цель. Старец иногда рассказывал анекдоты из римской истории, которую знал хорошо из старинных переводов Тацита и других писателей. Одного из своих учеников, вышеупомянутого отца Антония (Бочкова), шутя называл последним римлянином; может быть, потому, что этот ученик выражал такое мнение, что мы переживаем последние времена монашества, падающего, по его словам, от тех же причин, которыми доведена была до падения и Римская империя: от роскоши, изнеженности и человекоугодия. Но сам старец был точно неприступный для мирского духа остров, мимо которого текли реки мира сего, не колебля его нисколько. Напротив, разбитые мирским волнением спасались от душевного потопления в его келье, как в надежной пристани.

* Мухояровый – здесь: хлопчатобумажная ткань, могла быть с примесью шерсти. – *Примеч. ред.*

Одежду носил старец самую простую – мухояровый* подрясник, рясу и мантию. А у себя в келье принимал посетителей в простом белом холщовом, иногда очень заношенном, балахоне.

При постоянном и многотрудном своем занятии с посетителями старец отец Леонид имел и посильное рукоделие: во время самого приема плел простые пояски, которые и раздавал некоторым из них на благословение. Когда же посетителей не было, он во время плетения поясков имел обыкновение напевать «Милость мира, Жертву хваления», известную в оптинском скиту под названием «Молдавской», или же тихо нашептывал Иисусову молитву. Когда жил в скиту, после обеда для моциона** рубил дрова и в то же время принимал братию и мирян, которые подходили к нему поодиночке и объясняли ему свои нужды.

** Моцион — ходьба, прогулка для укрепления здоровья или для отдыха. – *Примеч. ред.*

Но как и чему обучал старец-подвижник духовно относившихся к нему и в особенности ближайших своих учеников? Следуя заповеди апостола: *Настой благовременно и безвременно, обличий, запретий, умолий со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2), отец Леонид учил их словом, как понимать евангельское учение, как приводить его в исполнение и как врачевать им душевные немощи; учил и делом, что более действует на сердце человека и убеждает его; учил и собственным примером, или своей жизнью; и, таким образом, для всех, обращавшихся к нему за духовными советами и наставлениями, был, так сказать, живой книгой.

О том, каких вообще правил держался старец в обращении с духовными своими детьми, можно видеть из следующего его наставления своему ученику, настоятелю Калужской Тихоновой пустыни отцу игумену Геронтию. «Вы, прелюбезнейший наш отец, – так писал ему старец, – просите мою худость, дабы я, непотребнейший из непотребных, преподал вашей любви благопотребный совет, как вам управлять и назидать врученные вам от Бога словесные овцы и распоряжаться по обители делами. Хотя благопотребный вопрос ваш, с верой и благоговением предлагаемый, всячески превосходит смысл мой и силы, но по мере только веры вашей предложу вам возложить себя и вас окружающих всемогущему Господу и всемилосердой Его воле; поелику Самим Спасителем сказано в Святом Евангелии: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). А потому мы должны внимать сим Христовым словам при всяком начинании. Если призовем Его всещедрую помощь, то все благопоспешно устроится и невидимо благодатию Божиею умиротворится. Также прошу вас и молю, как и прежде вам советовал, не быть тонким истязателем, но всячески держаться умеренности. Что потребует исправления – действия употреблять

с рассмотрением и долготерпением». Таков был общий характер духовного окормления старцем Леонидом своих духовных чад – усердная о них молитва, рассматрительность и долготерпение.

Теперь скажем о приемах сего окормления, или старчества. О старце отце Леониде и его сотруднике и преемнике по старчеству иеросхимонахе Макарии епископ Игнатий (Брянчанинов) в своих «Аскетических опытах»^{*} говорит так: «Оба старца были напитаны чтением отеческих писаний о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаниями, руководствовали сими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда они не давали советов от себя, но всегда представляли в совет изречение Священного Писания или святых отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование». Но еще более придавало силы советам обоих старцев то, что они, как упомянуто выше о старце Леониде, не только в книгах изучили, но и деятельно правильно проходили духовную жизнь.

Таким образом, обладая опытной духовной мудростью, старец отец Леонид изобильно преподавал свое учение другим и, не стесняясь никакими человеческими соображениями и опасениями, во всяком случае, где только требовалось, просто, прямо, открыто и искренно возвещал слово истины, не заботясь наперед об изысканной учтивости, смягчении выражений и о том, кому что сказать; а говорил и действовал без приготовления, по духовному чувству, или внушению Божию, и почти со всеми обращался на «ты». В разговоре старца замечалась какая-то резкая особенность, только ему одному свойственная. Совокупляя духовную силу слов Писания

^{*} Часть I, с. 535–542, в первом издании.

с краткословным, но выразительным русским народным наречием, он попеременно растворял одно другим, где находил это полезным. Понижая и возвышая тон речи, иногда же по мере надобности изменяя и самый голос, он сообщал слову своему особенную силу, так что оно падало прямо на сердце, производя в каждом приличное действие: одного утешало в скорби, другого возбуждало от греховного оцепенения, одушевляло безнадежного, разрешало от уз самого отчаяния, заставляло повиноваться и веровать неверующего; сказать кратко – могло человека плотского обратить на путь духовной жизни, конечно – искренно ищущего сего.

По временам старец растворял простую речь свою шутливостью, доходившей иногда даже как будто до полуюродства, которое вполне описать и изобразить почти невозможно и, во всяком случае, неудобно. Так что и близкие к старцу люди, смотря на его по-видимому неуместные поступки и слушая его как будто неприличные речи, увлекались иногда помыслами лукавого врага и начинали иметь о нем невыгодное мнение. Одна из таковых, преданная старцу отцу Леониду дочь священника, каялась перед ним, говоря: «Простите меня, батюшка, я иногда смотрю на вас как на человека святого; а иногда помысл мне говорит, что вы колдун». Нисколько этим не смутившись, старец, улыбаясь, ответил ей в шутливом тоне: «Да, должно быть, того и другого есть понемножку».

Некоторые полагали, что обстоятельства того времени – молва человеческая, тайная зависть и, наконец, как увидим ниже, открытое преследование и стеснение – понуждали его несколько придерживаться юродства. Но вернее можно сказать, что Сам Господь умудрил его под видом буйства Христа ради приносить душевную пользу ближним. Поступая так, он укрывался от славы человеческой, опасной и для великих подвижников, отклонял

праздное любопытство и невозбранно подавал духовную помощь всем нуждавшимся и искавшим ее.

Прикрывая мудрость свою простотой обращения и соединенной с шутливостью крайней простотой слова, по-видимому неуместной, но всегда оправдывавшейся самым делом, старец часто и среди собрания мог предлагать духовные врачевства к тайным душевным ранам различно недуговавших посетителей и посетительниц; а сверх того всем доставлял свободный к себе доступ. Некоторые ученики и ученицы старца отца Леонида сознавались, что перед другими старцами, строгими на вид и серьезными в обращении, души их невольно сжимались и они не могли свободно им исповедать сокровенные душевные свои немощи. Напротив, простое, открытое, свободное обращение старца отца Леонида развязывало их души, и они перед ним легко и свободно высказывали даже то, в чем иногда и перед собой им трудно было сознаться. Иногда же старец, смотря, конечно, по проступкам и душевному устроению, вразумлял виновного в присутствии прочих, по заповеди апостольской: *согрешающих же пред всеми обличай, да и прѣчии страх ѣмуть* (1 Тим. 5, 20), не боясь этим огорчить его или соблазнить других.

Наконец, изложим, по возможности, и сущность учения старца отца Леонида. Всем и каждому он внушал, что нелегко достается душевное спасение ищущим его. Нередко старец в подтверждение сей истины повторял простую сложенную им поговорку: «Душу спасти – не лапоть сплести». В самом деле, приходит из мира человек гордый, тщеславный, самолюбивый, сластолюбивый, сребролюбивый, веществолюбивый. Сердце его – это *море великое и простиранное; тамо гады, им же несть числа* (Пс. 103, 25). Или – это нива, вся заросшая тернием. Нужно это терние очистить, насадить семена благие и озаботиться, чтобы

они выросли и принесли добрые плоды, конечно, при помощи вседействующей благодати Божией. Сколько тут требуется трудов, и знания, и умения в этом превышающем обыкновенные силы человеческие деле! Потому, когда один из учеников старца отца Леониды задался такой мыслью, почему ему не случилось видеть от своего батюшки чудес, тогда как от других братий он часто о сем слышал, и когда он пришел к старцу с намерением открыть ему этот свой помысл, старец, преподав ему благословение, сказал: «А это разве не чудо, чтобы обтесать такой базарный пень (разумея пришедшего брата), из которого со временем выйдет что-нибудь хорошее и годное!» Имя брата этого было Александр, впоследствии иеросхимонах Антоний, известный своей благочестивой жизнью духовник Киево-Печерской лавры, скончавшийся 10 октября 1880 года. Родом был из малоархангельских мещан, по фамилии Медведев.

Главное свое внимание и заботу старец отец Леонид обращал на своих ближайших учеников. Не увлекаясь стремлением к мнимому высокому жителству и не ища прежде времени великих Божиих дарований, он, как сперва сам шел, так потом и духовных своих детей вел безопасным путем, указанным в писаниях богомудрых наставников монашества, которые учат, что новонаначальному Христову подвижнику прежде всего должно заботиться о познании себя и об укрощении своих страстей*. Посему старец особенно обращал зоркое внимание на душевные страсти тех, кто к нему обращался, и научал всех следить за ними, не действовать по внушению и влечению их, а, призывая Божию помощь, противоборствовать им; прежде же всего не оправдывать их и познавать свою душевную немощь; к благим начинаниям не примешивать тщеславия, человекоугодия или другого какого-либо нечистого побуждения, а искренно и с чистым произволением, нелукавой

* См. в Приложении назидательное о сем предмете письмо старца Леониды № 14.

Вид Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни с северной стороны. Гравюра с раскраской. Вторая половина XIX века

* Простоте, или искренности и незлобию, противопоставляется лукавство, или лицемерие. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Как лукавый есть нечто двойственное, один по наружности, а другой по сердечному расположению (то есть

простотой* и незлобием служить Единому Господу, как сам он писал в одном письме.

Не слишком старец остерегался, где нужно было, затронуть самолюбие своих духовных детей. Напротив, все его обращение с ними направлено было к искоренению этого скрытого, но губительного порока. Прикрывая свою духовную мудрость и смиряя себя, он в то же время умел смирать и других. Он хорошо знал, как и чем кого пристыдить и вразумить, чтобы наставление подействовало на кого следовало и было для него чувствительно; но,

вместе, до тонкости понимал, кто что может понести и как и чем кого утешить и успокоить. При видимой простоте, а иногда и как бы грубости, обращение его никого не оскорбляло и в этом отношении представляло совершенную противоположность тому, что видим мы у людей, на которых нередко исполняется псаломское слово: *умякнуша словеса их паче елѣа, и та суть стрѣлы* (Пс. 54, 22). У старца отца Леонида, напротив, в формах по-видимому иногда резких высказывалась всегда святая истина и видна была незлобивая и любящая душа и отеческая заботливость о спасении духовных его детей.

«Бывало, – так рассказывал один ученик старца, – батюшка сделает мне такой строгий и грозный выговор, что едва на ногах устою; но тут же и сам смиритя, как дитя, и так умиротворит и утешит, что на душе делается легко и отрадно; и уйдешь

от него мирный и веселый, как будто батюшка меня хвалил, а не укорял».

Старцу отцу Леониду не нравились, как он в одном письме выразился, ученого штиля политика и душевного человечества художественное соображение (см.: 1 Кор. 2, 14). «Ребята! За что купил, за то и продавай», – говаривал он своим ученикам, уча их держаться простого, открытого, непринужденного обращения, в котором бы не было ничего поддельного и затаенного. «Если бы ты был, яко апостол, простосердечен, – сказал он

по наружности ласков, а в сердце таит злобу), так простой – не двойствен, но есть нечто единое (то есть и в сердце имеет любовь ко всем ближним, и по наружности приветлив и почитителен)». (Сл. 4. Гл. 21).

однажды приближенному своему ученику, – если бы ты не скрывал своих человеческих недостатков, не притворялся себе особенного благоговения, ходил бы не лицемерствуя, – то этот путь ближайший ко спасению и привлекающий благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души – вот что приятно смиренному сердцем Господу: *Аще не будете яко дѣти, не внідете в Царство Божіе* (см.: Мф. 18, 3)».

Потому учениками старца отца Леонида не могли быть люди лукавые или политики (лицемеры). Они не выдерживали его взгляда и хотя прилеплялись к нему, но ненадолго. Скрепя сердце они скоро отбегали от этого ученика Христова, увидев на деле, что притворная мирская вежливость и лживая почтительность непригодны для кельи старца, где воцарилась духовная простота и младенчество христианское. Все веровали, что обмануть отца Леонида невозможно ни изворотами ловкой лжи, ни притворным смиреннословием. Старец знал цену всяких наружных изъяснений. Он не любил, если кто, придавая важность тому, в чем нет особенной важности, хотя бы без лукавства и лицемерия, усиленно выражал в словах и внешних поступках свое смирение, усердие, благоговение. Отец Леонид называл это химерой. Однажды кто-то спросил его, что он понимает под этим словом. Старец отвечал: «Видал ли ты, как цветут огурцы? Есть цвет настоящий, и есть цвет без завязи, на котором не бывает огурца, то есть пустоцвет. Это-то и есть химера». Старец желал, чтобы и духовное свое расположение к нему ученики его доказывали не наружными изъяснениями, а более исполнением его наставлений. «Ты на лету хочешь схватить мои слова, – сказал он одному духовному своему сыну, – хочешь мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, целование батюшкина плеча или руки. А я при отце Феодоре был к нему без фанатизма (отец

Леонид часто употреблял это слово); мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением».

Особенно же старец увещевал учеников своих хранить между собой взаимную любовь, мир и единомыслие. Часто он повторял трогательные слова Христовы: *О сем разумёют вси, яко Мой ученицы естё, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35); и это были его любимые слова к близким своим ученикам.

Хотя сам старец отец Леонид был из простого звания и не получил внешнего образования, но умел ценить и отличать людей всякого звания, отдавая должную справедливость и внешним дарованиям при правильном и смиренном стремлении к духовной жизни.

Жалобы и доносы духовных своих детей на кого бы то ни было старец всегда принимал с большой рассматрительностью и осторожностью, многократно приводя в пример настоятеля Глинской пустыни отца Филарета, который был муж мудрый и духовный, но от излишней доверчивости к своим духовным чадам немало пострадал. Этот отец Филарет по поручению своего Курского преосвященного Евгения в 1821 году составил устав для Борисовской женской пустыни и установил там хороший монастырский порядок, много способствовавший благоустройству обители,

*Игумен Филарет (Данилевский),
настоятель Глинской пустыни.
Литография. 1856 год*

Домик
старца Льва
на пасеке.
Рисунок.
Худож.
С. Афонина

и потому имел в ней много духовных дочерей. Были в той же пустыни духовные дочери и старца отца Леонида. И хотя Леонидовых учениц числом было несравненно меньше, но они почему-то имели в обители большее значение и преимущество перед ученицами Филаретовыми, занимая высшие монастырские должности. Ученицы же отца Филарета за это возревновали и начали приносить ему жалобы на учениц отца Леонида, будто бы они по наставлению своего старца держатся какого-то странного и неправильного учения. По доверию к своим чадам духовным отец Филарет не проверял их жалоб, а без рассмотрения передавал их своему владыке, который, наконец, поручил опытному протоиерею с настоятелем соседнего Хотмыжского монастыря произвести строгое дознание. Исследование дела кончилось в пользу учениц старца Леонида. Оказалось, что жалобы учениц отца Филарета были неосновательны и несправедливы. Тогда отцу Филарету, установившему благоустроенный порядок в Борисовской пустыни, Курский преосвященный с негодованием сказал: «После этого чтобы и нога твоя не была в этой обители!» Припоминая этот случай,

старец отец Леонид нередко повторял: «Поверь ревнивым деткам – они тебе наскажут».

Относительно поста и прочих телесных подвигов старец отец Леонид наставлял своих учеников по совести исполнять все должное. И если кто самовольно нарушал положенные правила, старец строго обличал того, говоря, что небрежение и в малом душевредно и ведет к пагубным последствиям. Но, с другой стороны, не одобрял, если кто все совершенство духовное заключал в соблюдении одних внешних правил монашеского жития и всех, слабых и крепких телесными силами, без разбора подводил под одно правило или, оставив благоразумную умеренность, вдавался в чрезмерные телесные подвиги (например, ношение вериг), надеясь спастись как будто ими одними.

Благодетельно стали отражаться богомудрые наставления старца отца Леонида на оптинском братстве. Весь внутренний строй монастырской жизни стал изменяться. Ничего важного в монастыре не предпринималось и не делалось без благословения старца. К его келье ежедневно, особенно в вечерние часы, стекались вместе со скитскими и монастырскими братья с душевными своими потребностями. Каждый спешил покаяться перед старцем, в чем согрешил в продолжение дня делом, словом или помышлением, просить его совета и разрешения во встретившихся недоумениях, утешения в постигшей скорби, помощи и подкрепления во внутренней борьбе со страстями и с невидимыми врагами нашего спасения. Старец всех принимал с отеческой любовью и всем преподавал слово опытного назидания и утешения. И, таким образом, оптинское братство мало-помалу начало совершенствоваться в нравственном отношении.

Вот как описывает келью отца Леонида очевидец, ученик его, вышеупомянутый отец Антоний (Бочков): «Келья старца, от раннего утра до поздней ночи наполненная

* Исповедание помыслов на коленях в знак смирения – древний христианский обычай (см. Лествицу. Слово 4, отд. 62–64).

** Послушник Димитрий Ш.

*** Алексея Ивановича Желябужского, боярского помещика.

**** Иеромонаха отца Макария (Иванова), преемника по старчеству отца Леонида.

***** В одном периодическом издании описанная картина вставлена была в очерк жизни оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Но зачем же так? Оптинские старцы имели свои особенности. Старец Амвросий при жизни говорил: «У старца Льва (Леонида) было просто: и мужчины, и женщины, и монахи, и монахини нередко вместе окружали его и открывали свои помыслы». У старца же Амвросия было иначе. Хотя и он преподавал общее благословение, но особо – мужчинам

приходившими к нему за духовной помощью, представляла картину, достойную кисти художника. Старец в простой одежде, в короткой мантии, был виден из-за круга учеников своих, которые стояли перед ним на коленях*, и лица их были одушевлены разными выражениями чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором и не помыслил бы не проходивший послушания; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не может одолеть помыслов, от которых желал бы бежать на край света; на другом выражалась хладнокровная улыбка недоверия ко всему видимому – он пришел наряду с другими явиться только к старцу и уйти неисцеленным; но и он, страшась пронизательного его взгляда и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением. Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там немощной, отринутый всем миром, болезненный юноша не отходил от колен отца Леонида, как от доилицы ее питомец**. Между прочими видна была седая голова воина***, служившего некогда в отечественной брани и теперь ополчившегося под начальством такого искусного вождя против врагов невидимых. Здесь белелись и волосы старца****, который, признавая свое неискусство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником. Таким-то разнообразным обществом был окружен великий старец и вождь духовный. В этой чудной келье можно было видеть зрелища столь же поучительные, как и все события, напоминавшие лучшее время христианства. „Собрание смиренных – яко собрание серафимов“, – сказал святой Исаак Сирин*****».

В частности же то, как благотворно отзывалось духовное руководство старца отца Леонида на скитских братиях, описывает вышеупомянутый оптинский старо-

жил иеромонах Игнатий, поступивший в скит в 1830 году: «Все скитяне составляли тогда одну духовную семью. Мир и любовь царствовали в ней. Все отличались глубоким смирением. Каждый старался превзойти другого в этом отношении. Даже взглядом боялись друг друга оскорбить, испрашивая прощение при малейшем оскорблении брата. Все сохраняли безмолвие. По кельям друг к другу не ходили. Некоторые только выходили иногда для уединенных прогулок в скиту в ночное время. Новоначальных наставляли не столько словами, сколько примером своей жизни. Благой пример старших братий благотворительно действовал на них, располагая их к подражанию. На общие послушания выходили все обязательно (исключая некоторых почтенных старцев). Дрова для топлива келий собирали сами в лесу. Чай пили только по субботам, воскресным и праздничным дням, собираясь для сего у старца отца Леонида на пасеке. Самоваров же по кельям братия не держали. Приготовление пищи по кельям и вообще держание съестных припасов в кельях было воспрещено. О водке и табаке* не было и помину. Для откровения помыслов все братия ходили ежедневно к старцу на пасеку после вечерней трапезы и у него же в келье выслушивали молитвы на сон грядущим. Больше всего поучал старец смирению».

Мудрость старца, свидетельствуемая любовью и почитанием к нему настоятеля и братии, и искусное врачевание немощствующих душ скоро сделали отца Леонида известным и вне обители. Ради духовных советов начали приходить к дверям его кельи из городов и селений люди разного рода: дворяне, купцы, мещане и простой народ обоого пола. Все были принимаемы старцем с отеческой любовью, и никто из них не выходил из его кельи, не быв утешен им духовно.

Понимавшие хорошо духовную жизнь мужи, но подвизавшиеся в затворе или безмолвии**, с разных сторон

и особо – женщинам; для откровения же помыслов принимал поодиночке. Скажут: тут нет особенной важности. Но все же лучше говорить правду.

* Некоторые думают и даже с уверенностью говорят, что курить и нюхать табак не грешно. Но это недоумение разрешается очень простым сообщением: курить и нюхать не есть необходимая естественная потребность, а есть прихоть; прихоть же есть грех. Еще: святой апостол сказал: *плоти угождая не творите в похоти*. По-русски: *попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13, 14). Курение же и нюхание — что иное, как не удовлетворение своего хотения или похоти? Следовательно, курящие и нюхающие табак суть преступники апостольской заповеди.

** Таковы, например, Георгий, затворник Задонский, Иларион Троекуровский и др.

России стали присылать в Оптину пустынь под руководство отца Леонида для обучения в монашеской жизни всякого сословия людей, искавших для сего более надежного пристанища. Отовсюду начали стекаться и монашествующие братья, ревнующие о своем душевном спасении, как пчелы в улей, дабы напоить сердца свои потоками сладости божественной, истекавшими из медоточивых уст старца.

С каждым годом стечение народа в Оптиной пустыни значительно умножалось, благодаря чему она и внешне начала понемногу благоустраиваться.

Но что в особенности привлекало к старцу отцу Леониду сердца всех, монашествующих и мирян? Это дар благодати Божией, почивавшей на нем. Вследствие чего все с верой относившиеся к нему единогласно свидетельствовали, что в его присутствии они ощущали внутренний мир, успокоение сердечное и духовную радость. Часто приходили к нему с великим горем, а вошедши в его келью, забывали, зачем приходили и что за горе тревожило их, – оно оставляло их на пороге. Помыслы, казавшиеся страшными и неодолимыми, в присутствии старца исчезали, как будто их никогда не было; но они опять появлялись, когда относившиеся к старцу ленились приходиться к нему. Благодатной силой наставлений старца отца Леонида многие семейства умиротворены, проводившие порочную жизнь наставлены на путь истины, многие раскольники обращены к Православной Церкви.

* Впоследствии архимандрит Леонид, наместник Троице-Сергиевой лавры, скончавшийся в начале девяностых годов XIX столетия.
(†1891. – Примеч. ред.)

«Случилось мне однажды, – писал Лев Александрович Кавелин*, – проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. По дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об отце Леониде. На вопрос: почему вы его знаете? – они отвечали: „Помилуй, кормилец, как нам не знать отца Леонида? Да он для нас, бедных, неразумных, пуще

Глава V

отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые“. Вот памятник, который вековечнее многих мраморов и гранитов!»

Кроме обычных своих занятий с монашествующими и мирскими посетителями старец получал множество писем от разных лиц, просивших у него разрешения в недоумениях. По любви к ближним он и их не оставлял без внимания, но или сам писал, или диктовал ответы, приличные каждому к укреплению и утешению в скорбях, или же, наконец, чаще всего поручал отвечать сожителю-ствовавшему с ним иеромонаху, впоследствии старцу, отцу Макарию.

Глава VI

Недоброжелательство, а затем и явное восстание некоторых не понимавших жизни духовной оптинских монахов и мирян против старца отца Леонида, хотя без особенно худых последствий. Соприкосновенный сему рассказ новонаначального брата Александра (впоследствии иеросхимонаха Антония киево-печерского), в описываемое время принятого старцем в скит на жительство

Не напрасно говорят святые отцы, что, кто совершит дело, угодное Богу, того непременно постигнет искушение и что всякому доброму делу искушение или предшествует, или последует. Слова печерского летописца, что иноческие обители воздвигаются молитвенным по́том и слезами, могут быть отнесены и к введению в Оптиной пустыни старчества – основы иноческого жития. Оно введено и упрочено здесь со многими трудами и скорбями.

Согласно удостоверяют святые отцы, что враг рода человеческого не любит не только самого откровения помыслов, но даже и шума слов этого откровения; ибо знает, что этим разрушаются все его козни и коварства. Посему неудивительно, что он не замедлил против этого, в особенности ненавистного ему, иноческого пути употребить разные свои козни и за великое дело введения в обители старчества воздвиг сильное гонение против старца отца Леонида. И тем удобнее враг-искуситель мог злокознствовать против старца и старчества, что не всякий мог правильно судить о сем, как и сам старец впоследствии писал своим духовным детям, когда в 1836 году против него уже сильно стали распространяться разные толки и хульные порицания. «О жизни высокой, – так писал он, – монашеской или схимонашеской не всяк может здраво судить, а особенно неочищенно имущий душевное око. Прочтите о сем у святого Симеона Нового Богослова главы 70, 71, 72, из коих увидите о правости суда людского...»*

Согласно со святым Симеоном Новым Богословом и иные святые отцы учат, что люди обыкновенные, не имеющие духовного рассуждения, не могут правильно судить о душевном устройении людей духовных, как и святой апостол говорит: *духовный (человек) судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2, 15).

С другой стороны, и почва для врага невидимого была весьма благоприятная. В числе прежних оптинских братьев были благоговейные, добрые иноки, но каждый из них жил по своим понятиям и подвизался как сам умел. Главное же их внимание обращалось на внешние труды и на деятельные добродетели, как-то: пост, неопустительное хождение к службам церковным и подобное. О старческом же пути они не имели никакого понятия. Потому, когда поселился в обители старец отец Леонид со своими

* Вот главы, указанные старцем. Глава 70 «Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку, исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных, – многие почитают как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и не в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговействе, добродетели и простоте сердца и суть вонистину святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что». Глава 71 «Говоруна и показливого такие почитают более учительным и духовным, а молчаливого и блюдущегося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным». Глава 72 «От того, кто говорит в Духе Святом, высоко-

умные и недугующие диавольскою гордынею отвращаются, как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, – хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом, между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей и дело спасения)». (Указанные старцем Леонидом по славянскому Добротолюбию слова святого Симеона Нового Богослова приведены здесь в русском переводе по Добротолюбию епископа Феофана, где они означены 79, 80 и 81 главы.)

* Слово к пастырю. Глава 9.

учениками, когда заговорили о старчестве и духовном окормлении, об очищении совести и откровении помыслов, об отсечении своих хотений и рассуждений, о внутреннем делании, – все это многим показалось каким-то новым непонятным учением, которое некоторые даже прямо стали называть новой ересью.

Еще упомянуто выше, что в обращении с людьми разного рода старец придерживался шутливости, доходившей иногда как бы до полуюродства. И так как он всегда действовал открыто, нисколько не стесняясь и не заботясь о том, что люди будут говорить о нем, то некоторые, не имевшие понятия о духовной жизни, стали соблазняться им. Одни, например, соблазнялись тем, что схимник, который, по мирским понятиям, должен бы проводить время исключительно в молитвенных трудах и затворе, был постоянно окружен толпой народной. Они не понимали того, что старец отец Леонид оставил дорогое свое безмолвие не ради каких-либо корыстных целей или гнилого тщеславия, а единственно движимый духовною любовью к страждущим и немощным братьям, по слову Спасителя: *бóльши сея любвѣ никто́же ѿмать, да кто дѹшу свою положѣт за дрѹги своя* (Ин. 15, 13); и что такая жизнь старца, по замечанию святого Иоанна Лествичника, есть величайший подвиг*. Иные же соблазнялись простой и шутливой речью и обращением старца, а иные тучностью его телосложения, тогда как тучность эта происходила от болезни. Старец в последние годы своей жизни почти не мог приискать пищи по своему желудку и во все время своей монашеской жизни принимал ее в самом умеренном количестве.

Был еще повод к соблазну. Сказано прежде, что старец целил болящих помазанием елея из неугасимо теплившейся лампы в его келье перед Владимирской иконой Божией Матери. Но так как он помазывал у страждущих

женщин крестообразно не только чело, уста и ланиты, но иногда также крестообразно гортань и грудь, то за это он терпел большое нареkanie от соблазнявшихся. Некоторые, даже и из учеников его, просили его оставить такой способ целения, но никак не могли в этом убедить его. Конечно, силу и значение такого помазания старец знал лучше их, когда употреблял оное до самой предсмертной своей болезни, и всегда благотворно. Ближайший ученик старца вышеупомянутый Алексей Поликарпович Бочков, благовоспитанный столичный уроженец, беспредельно любил старца отца Леонида и все его простые и вместе мудрые слова слагал в сердце своем, но как только увидит очень свободное и открытое его обращение с посетителями и посетительницами, из себя, бывало, выходит: «Ну что это, батюшка?.. Ему то и то неприлично». А старец только, бывало, скажет: «Это правда, что неприлично, но что будешь делать?..»

Следствием этих обстоятельств было то, что прежние монашествующие братия, которым по летам их трудно было изменить понятия, в коих провели большую часть своей жизни, явно восстали против нововведений старца отца Леонида и как на него самого, так и на его учеников стали смотреть недоверчиво и неприязненно. По наставлению старца ученики его по возможности смиряться перед почтенными старичками и со своей стороны соблюдали все, чтобы не нарушать мир обители. Сам же старец при удобных случаях умел и вразумлять бесчинных.

Такой был случай. Некоторые нерасположенные к старцу отцу Леониду иеромонахи из так называемых ученых – вдовых священников в монастыре частенько собирались вместе для беседования. В одно из таких собраний между ними зашел вопрос о каком-то тексте из Апокалипсиса. И вот один из собеседников, отец И-й, вызвался, между прочим, озадачить этим вопросом старца Леонида. Все

*Миниатюра из книги
«Апокалипсис трехтолковый».
Начало XX века*

одобрили это. Немедленно отправился отец И-й на скитскую пасеку. Старец в это время был свободен, принял посетителя ласково и попросил садиться. «Да нет, – сказал отец И-й, – ведь я пришел к тебе за важным делом. Что значит в Апокалипсисе вот такой-то текст? А? – растолкуй-ка». – «О, отче, – смиренно ответил старец, – я за такие мудрости не берусь». – «Так я тебе растолкую», – продолжал отец И-й. «Ну, так теперь уже, отче, садись. Дело-то немаленькое; да чем же бы тебя угостить? Не угодно ли чайку?» – «Хорошо». Вскоре подан был чай и потребное к чаю. Когда же посетитель довольно поугостился, тогда старец воочию показал ему,

что людям сластолюбивым, им же бог чрево, браться толковать и объяснять высокие апокалипсические сказания, быть зрителем коих сподоблен был великий апостол святой Иоанн Богослов, наперсник и друг Христов, есть великая дерзость. Этим очень пристыжены были как совопросник, так и все его сообщники.

Еще обстоятельство. В городе Козельске жил в то время известный почетный гражданин миллионер Димитрий Васильевич Брюзгин. По его положению и потому, что он принимал участие в устройении оптинского скита, настоятель Оптиной пустыни отец игумен Моисей оказывал ему большое почтение. Взаимно и Брюзгин любил отца игумена Моисея и, вследствие хорошего отзыва сего последнего о старце Леониде, приглашал его из Свирского монастыря в оптинский скит, обещая и келью для него устроить.

В проезд старца из Свирского монастыря в Киев Брюзгин имел случай лично видетъся со старцем и познакомиться и просил его на обратном пути из Киева пожаловать прямо в скит, где для него келья уже будет готова. Келья действительно была приготовлена; но, вероятно, по той причине, что старец отец Леонид остался было на жительство в Площанской пустыни, досталась другому – иеромонаху Иову. Но это, впрочем, так, к слову. Для старца же собственно приготовлена была келья, как упомянуто выше, на скитской пасеке, где он и водворился в свое время. Поначалу старец был в хороших отношениях к Брюзгину, но только до первого Великого поста, когда Брюзгин обратился к старцу для исповеди. Старец заметил, что пришедший к нему на исповедь молился раскольническим перстосложением, и тут же объяснил ему, что истинный сын Православной Церкви должен безусловно повиноваться всем ее правилам и постановлениям, и потому советовал ему переменить перстосложение на православное. Такому важному человеку, бывшему у всех в почете, в доме которого всегда имели квартиру и архиереи, и губернаторы и которому еще никто не осмеливался делать замечаний касательно его перстосложения, замечание старца-пришельца было очень чувствительно. Он отверг старческое предложение, а старец отказался быть его духовным отцом. С тех пор Брюзгин перешел на сторону противников старца и в таком отношении к нему оставался уже до самой своей кончины.

По твердости характера и непреклонности воли старец, одушевляемый святой ревностью о славе Божией, не мог действовать иначе; между тем как таковые его действия не только не смягчали людей, проводших всю свою жизнь в излюбленных ими понятиях, но более ожесточали. Пошли на старца доносы к епархиальному начальству. Дело, конечно, описывалось по-видимому справедливо; но оно

представлялось так, как его понимали противники старца и старчества. В самом деле, лишь только появился в Оптиной какой-то старец-пришлец, настоятель тотчас же поручил его духовному окормлению все братство, даже и сам подчинился его влиянию так, что без совета старца не предпринимал никаких важных дел по обители. Не обидели это для монахов-старожилов? И вот наконец дело доведено было до того, что из Калужской духовной консистории получен был указ, чтобы из старшей братии четыре иеромонаха, вместе с настоятелем и казначеем, участвовали в совещаниях по всем важнейшим делам пустыни и без общего их согласия ничего относившегося к благоустройству обители не предпринимать и не приводить в действие. Это было в 1830 году, только год спустя по водворении старца отца Леониды в Оптиной пустыни.

Впрочем, ожидания противной стороны не вполне оправдались. Тогдашний калужский архипастырь епископ Гавриил (Городков)* взглянул на дело иными глазами. При посещении Оптиной пустыни он в присутствии всего братства оказал настоятелю отцу Моисею милостивое внимание, а недовольным сделал замечание и велел исправить себя.

Хотя и после этого волнение в обители не совсем утихло, но отец игумен Моисей и старец отец Леонид, много-

Вид
Введенской
Оптиной
пустыни
с северо-
западной
стороны.
Литография
с раскраской.
Вторая
половина
XIX века

летним опытом утвердившиеся в терпении, преодолевали неблагоприятные обстоятельства, питая себя благой надеждой, что при помощи Божией дела обители по времени будут благоустроеннее. Так писал старец Леонид к площанскому иеромонаху Макарию (Иванову), с которым, как мы видели выше, сблизился во время своего кратковременного пребывания в Площанской пустыни:

* Епископ-
ствовал в Калуге
с 20 мая 1828 года
по 26 августа
1831 года. Скон-
чался на покое
в Рязанском Оль-
гине монастыре
7 апреля 1862 года.

«Премилостивый Бог мира силен есть и всемогущ поущенную бурю, и волнение, и искушение в благоотишие превратить и мир водворить; и да будет имя Господне благословенно от ныне и до века; и якоже всесвятой воле Его угодно, тако да управляет нами – созданием Своим». Надежда старцев на всеблагий Промысл Божий не обманула их. По времени смущение в обители действительно несколько улеглось.

Но через недолгий промежуток времени неожиданно и совершенно случайно для старца последовало новое искушение, и теперь уже со стороны мирских людей. Невидимый враг рода человеческого везде ловит благочестно живущих рабов Божиих. Предложим здесь читателям рассказ со слов упомянутого выше киево-печерского духовника иеросхимонаха Антония, бывшего в то время еще молодым мирянином Александром.

«В первый раз, – говорит он, – я услышал святое имя – отец Леонид – от благочестивого нашего уездного малоархангельского стряпчего, Николая Иоакимовича Баркова, с которым старец свел знакомство в Площанской пустыни в 1828 году на возвратном своем пути из Киева. Потом батюшка, проезжая через город Карачев, был в доме у Баркова с (вышеупомянутым) Дмитрием Александровичем Брянчаниновым, бывшим в то время еще мирянином, но уже в послушнической одежде. Он отправлял при старце должность кучера. Такое глубокое смирение Брянчанинова удивило Николая Иоакимовича и еще более расположило душу его к мудрости и святости великого старца. Сему-то боголюбцу я обязан ознакомлением с батюшкой, которого еще лично не видел. Когда отправился я в 1833 году для богомолья в Соловецкий монастырь, по пути был и в Оптиной пустыни, с письмом к батюшке от Баркова. Прежде всех мне пришлось встретиться в Козельске с отцом Георгием, бывшим в то время у старца келейником (впоследствии

Геронтием, игуменом Калужской Тихоновой пустыни). Но батюшка был в это время в Воронеже для поклонения нетленным мощам святителя Митрофана. Узнав о моем намерении поступить в монастырь и благорасположении к батюшке, отец Георгий ознакомил меня с благомыслящими и единомудренными скитскими братьями, в числе которых был и Михаил Иванович Антимонов*, которому благословил меня Бог в свое время и глаза закрыть.

Был я и у болезненного иеромонаха отца Антония, бывшего тогда начальником скита, весьма тяжелобольного. Это было в двадцатых числах июля. А в декабре около 15-го числа, когда я так горячо стремился видеться с батюшкой, нашел учеников его в сильном горе. Ибо учитель их и наставник был в это время формально вытребован епархиальным преосвященным Никанором** в Калугу, вследствие донесения начальника жандармов Жемчужникова, высочайше уполномоченного для водворения порядка между орловскими гражданами. Донесение состояло в следующем. Когда батюшке, проездом в Воронеж и обратно через Орел, приходилось видеться в Орле с благорасположенными к нему лицами, эти последние, от простых до аристократок, при встрече с ним публично становились пред ним на колени и кланялись ему в ноги. Жемчужниковым это было заподозрено. По должности своей он донес Калужскому преосвященному, что он заметил необыкновенное явление: простому иеромонаху воздают богоподобную честь. Сообщая об этом, он и выражал свое подозрение – не кроется ли тут какая-либо секта.

Впоследствии сам батюшка, – продолжает рассказчик, – сообщал мне следующее: „Явился я к преосвященному, принял от него благословение и объяснился – кто я. „Подожди, отец Леонид, – сказал владыка, – сейчас кончу одно дело и займусь с тобой“. Окончивши дело, прочитал мне донесение Жемчужникова и спрашивает: “Что

* Сын почетного потомственного гражданина города Курска миллионера Ивана Васильевича Антимонova, впоследствии отец Мелетий – архимандрит, епископ Киевско-Печерской лавры, скончался в 1865 году на 72-м году от роду.

** Никанор (Клементьевский) управлял калужскую паствою с 9 сентября 1831 года по 5 сентября 1834 года, доктор богословия; скончался митрополитом Санкт-Петербургским 17 сентября 1856 года.

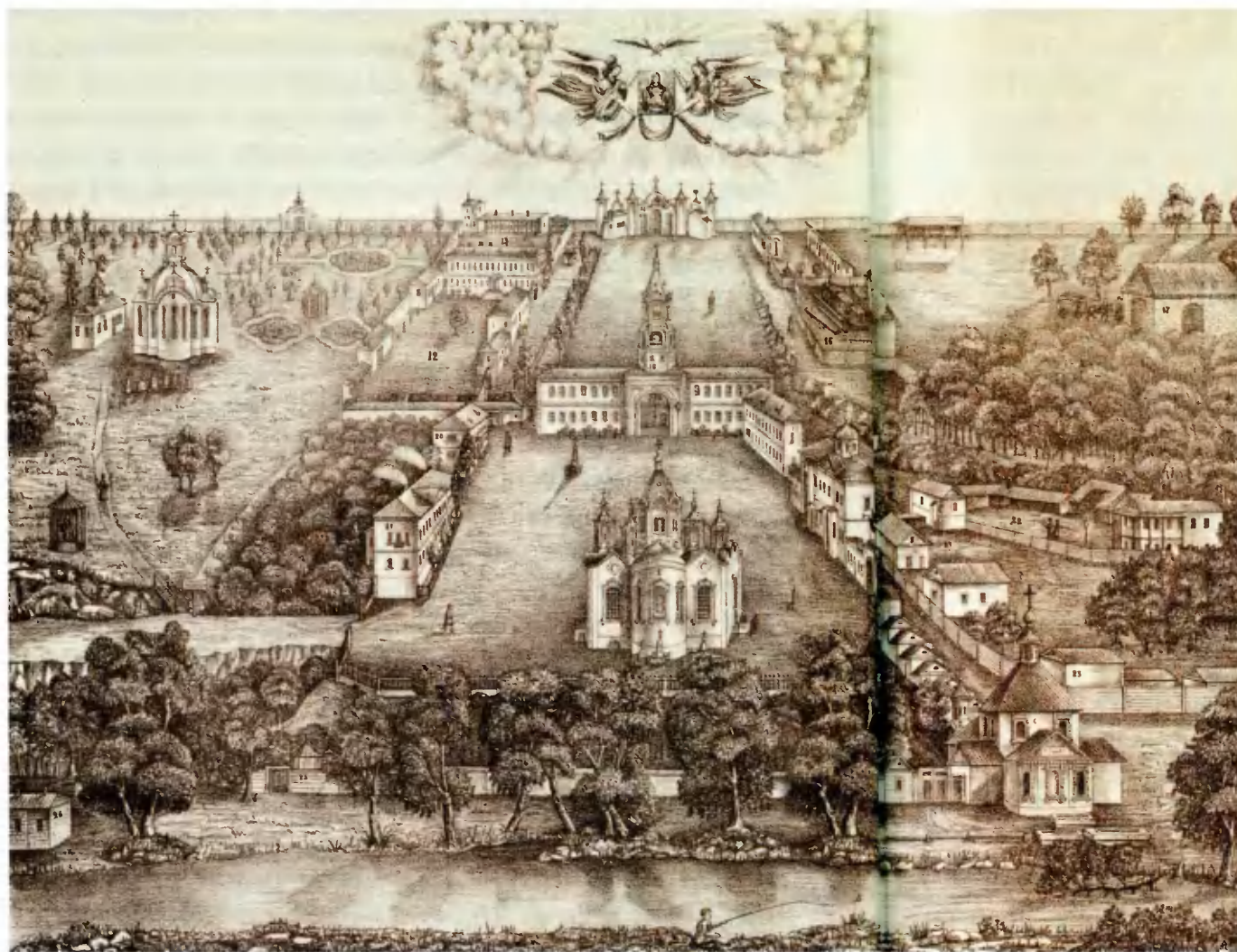
ты скажешь на это, отец Леонид?" Отвечаю: "Справедливо оно, но что же мне делать с бестолковыми бабами? Кланяются, как истукану; а что я не принадлежу ни к секте, ни к расколу, а чисто православный сын Христовой Церкви, в этом не сомневайтесь". – "Объясни же мне, как ты веруешь". – "Извольте, преосвященнейший владыко, но как благословите объяснить – просто или по-киевски?" Удивленный вопросом, владыка сказал: "Ну, хоть по-киевски". Маленько откашлянувшись, я начал читать Символ православной веры с возможно низкой ноты, постепенно, с каждым членом повышая тон, а к "аминь" свел в самую высокую ноту – как это исполняется в Киево-Печерской лавре на Божественной литургии, прибавив к сему: "Тако верую и исповедую Святую Троицу и анафематствую всякого, кто иначе о Ней мудрствует и глаголет!"

"Теперь все доказано, – сказал преосвященный. – Я счастлив, что имею случай с вами заняться". Взявши меня за руку, ведет в кабинет и спальню и приказывает мне расположиться по-домашнему. Сам снимает с меня камиллавку и рясу, и сам же указал на все удобства для старика. Этого дня был обед у владыки весьма скромный, вероятно, всегдашний для него одного; а в следующие дни, более недели, уж чем-чем он меня ни угощал. Но прежде спросил: "Что вы, отец Леонид, кушаете то и то?" Отвечаю: "Ваше преосвященство, я человек ядца и винопийца". – "О, это, значит, наш брат!" Келейнику: "Подавай все" (конечно, рыбное). Сам мне накладывает и наливает. Говорю: "Помилуйте, ваше преосвященство, ведь это много". Владыка: "Вы мне ненадолго достались; вот отправитесь в скит, там поститесь себе как угодно, а теперь пусть ваша косточка наливается мозжечком". И так я пробыл в архиерейских покоях более недели. В это время владыка до того ко мне благорасположился, что, отпуская меня и благословляя в обратный путь, прощался со слезами".

Старца Леонида сопровождал в это время в Калугу один из близких его учеников, отец Павел (Тамбовцев). Когда старец задержан был владыкой в своих покоях, Тамбовцев жил в гостинице и ежедневно с возрастающим страхом и недоумением расспрашивал о старце и только получал ответ, что старец находится в архиерейских покоях, как редкий гость. По возвращении батюшки в скит все его приверженцы были в великой радости. Сам же старец суток двое по приезде ничего не ел, отговариваясь тем, что сыт от архиерейского угощения.

На второй день его приезда, – продолжает иеросхимонах отец Антоний, – я в первый раз имел счастье за всю мою прошедшую жизнь быть им принятым и отечески обласканным, быв утомлен как странник полугодичным путешествием по разным монастырям. Потом старец приказал мне побыть в скиту, где я готовился к принятию Святых Христовых Таин и сподобился быть его духовным сыном. На первый раз я стеснялся рассказать ему, что мог слышать в валаамской гостинице от двух странников из Оптиной пустыни о ските и о батюшке, а в другое и третье свидание он сам высказал мне все следующим порядком: „Ну что же ты в странствии полезного для себя приобрел?“ – так начал он. „Полезного? – говорить стал я ему в ответ. – Был я, батюшка, во многих монастырях и совершенно убедился, что в мир мне уже не возвращаться“. – „А где же тебе более нравится?“ – „На Валааме мне очень нравилось“. – „Я и сам там жил, да вот сюда и попал и, как Филипп, тут и прилип. А вот говорят странники и пройдохи, что я толст. Это правда. Посмотри-ка, какой я пузан!“ Думаю: „Это как раз правда, как мне странники говорили“. – „А деньги-то, – продолжал старец, – как их не любить? С ними и святым нашего времени хорошо. А вот тебе-то теперь без них приходится плохо, как остался в кармане кукиш.

Вид Коренной
пустыни
Курской
губернии.
Литография.
1885 год

Да и дома-то что тебя ждет? Это теперь у тебя с ума нейдет. Впрочем, не бойся; все будет хорошо, только возвращайся скорей. К нам ты возвратишься с годовым паспортом, и об этом не заботься – это дело Баркова. Вот и богатых как не любить? Ведь и они люди, да еще какие из них бывают! Ох, брат, тебе ли о сем рассуждать?

Подумай-ка лучше о себе. Ты вот и много о себе говорить хотел, да вот и онемел“.

Поражен я был старческим обличением во многом, что знала только душа моя да Бог. Ибо я никому о сем не говорил, но вдруг вижу зрителя таин души моей. Что это такое? Отколе взялся мгновенно пот по всему моему телу! „Не бойсь, не бойсь, Саша-Алексаха (так впоследствии называл меня старец, особенно когда вера моя к нему колебалась), не бойсь – я ведь не волшебник, и не знахарь, и не обманщик, как ты наслушался. Собирайся-ка домой к такому-то дню (назначил день). Тут есть купчик-голубчик (белгородский Богатырев); прожил с полгода с нами, простаками, да и соскучился. Вот с ним и отправишься до самого твоего дома. А то ты подумываешь, как бы до дома доползть, а силишки-то изнемогли, да и деньжонок-то ни гроша, а он человек с достатком, еще рад тебе будет“.

И так я возвратился в дом свой с Богатыревым, которого на следующий же день, 24 декабря, по его желанию отправил в Коренную пустынь (Курской губернии) с благонадежным извозчиком. А меня матушка с прочими родными встретили, как сшедшего с небес. Расспросам конца не виделось. Но меня все это не занимало, и я озабочен

был тем, как бы поскорее выбраться из дому. Положено было: отговевши на первой неделе Великого поста, на второй в понедельник (то есть 11 марта 1834 года) отправиться в Оптину пешком. Пришел 17 марта прямо к вечерне. Тут увидел меня отец Диомид и, несмотря на мои отговорки, взял меня за руки и тотчас же пошел со мной к батюшке. Лишь только показался я из двери, батюшка возгласил: „Вот к нам пришел Саша-Алексаша!“ Случилось так, что в это время был у старца настоятель обители отец Моисей. Тогда батюшка сказал мне: „Кланяйся (отцу настоятелю) и просись в скит на жительство“. Кланяюсь и прошусь, по слову старца. Отец Моисей: „Да вот, брат, сегодня приехало пять человек ливенских, помещать негде, келий нет“. Батюшка: „Какая ему келья? Он завтра будет здесь дрова пилить. Из новых-то пришлите-ка одного ему в товарищи – пусть пилят, а другой нужен в кухню“. Отец Моисей: „Ну Бог благословит – оставайся по благословению старца“. А сам распростился с батюшкой и отправился в монастырь.

Тут в известный час, после второй (вечерней) трапезы, собрались к старцу братия на правило. Из них я заметил двух, которых прежде не видел. Это были: батюшка отец Макарий (Иванов), прибывший после меня из Площанской пустыни, и монах Иоанникий, прибывший из Невской лавры, давний ученик батюшки. По окончании правила батюшка кликнул: „Мишутка!“^{*} Подходит упомянутый Михаил Иванович Антимонов: „Благословите, батюшка“. Указывая на меня, старец сказал: „Вот возьми с собой этого львенка, – там в передней уложите его, а ты, Аникий-невеликий, помягче постели ему, да к утреннему правилу его не будите – пусть отдыхает, а то он летел из Малоархангельска без оглядки, подбирай только пятки“. С этого времени я жил в скиту до самого назначения меня батюшкой в Калужскую Тихонову пустынь 14 ноября

^{*} Точно так же, как увидим ниже, старец назвал и младшего родного брата Михаила Ивановича, Ивана Ивановича Антимонова, в первый раз в жизни пришедшего к старцу для объяснения ему некоторых своих обстоятельств.

Глава VI

1837 года, и в этот промежуток времени постепенно все более и более прилеплялся к батюшке всей моей душой и разумом».

Из приведенного рассказа ясно можно видеть и простое шутливое обращение старца отца Леонида со своими учениками, и его отеческую любовь, и искреннее участие ко вновь пришедшему в скит брату, а также и то, какая невыгодная молва о нем везде распространялась. Его называли и волшебником или просто колдуном, и знахарем, и обманщиком, подозревали даже принадлежавшим к какой-либо секте. Но все это было только начало болезней, или, по простонародному выражению, это были только цветы, а ягоды ожидали старца впереди.

Глава VII

*Переход иеромонаха отца Макария (Иванова)
из Площанской пустыни в оптинский скит;
единомыслие и единомудренность старцев Леонида
и Макария в отношении к их духовным детям.
Влияние старца отца Леонида на другие обители,
мужские и женские*

Сейчас мы встретились с именем только что прибывшего из Площанской пустыни в оптинский скит на жительство иеромонаха отца Макария (Иванова). О нем по ходу времени и скажем несколько слов.

Отец Макарий, как упомянуто выше, монах-подвижник, давно уже был в самых близких отношениях со старцем отцом Леонидом, проводшим полугодичное время в Площанской пустыни, продолжая духовное общение с ним и по отбытии его в скит, посредством переписки. И хотя отец Макарий очень любил Площанскую пустынь и, может быть, никогда бы не расстался с ней, но его пламенная любовь

к старцу отцу Леониду, мужу благодатствованному, с высоким даром духовного рассуждения, а кроме сего еще и неприятные, несродные его духу обстоятельства побуждали его решиться навсегда проститься со своим родным гнездом, где он провел много лет и возродился духовно.

Известно, что отец Макарий при своей склонности к жизни подвижнической не имел способности и влечения к делам хозяйственным. Между тем в 1831 году по распоряжению епархиального начальства он одновременно назначен был членом двух комитетов – по перестройке Севского училищного корпуса и по построению вокруг Севского женского монастыря каменной ограды. Заскучал он этим несродным его духу занятием, выражаясь в письме к старцу отцу Леониду так: «Завязался комитетами».

Мало того – в октябре того же года Орловский преосвященный Никодим, отправляясь на чреду в Святейший Синод, неожиданно для отца Макария вызвал его в Орел и взял с собой в Санкт-Петербург в должности казначея и эконома, в каковой он и пробыл почти целый год, до 21 октября 1832 года.

По пути из Орла в Санкт-Петербург отец Макарий имел утешение заехать в Оптину пустынь (находившуюся в полуверсте от большого Киевского тракта) повидаться и проститься, а кстати и посоветоваться со своим духовным наставником и другом старцем отцом Леонидом. По прибытии же в столицу он вскорости со скорбью писал к старцу: «Вижу себя весьма неспособна к распоряжению по части экономической, а паче когда все еще не устроено. И что будет далее со мной, не знаю; но буди воля Божия!» В дальнейших же своих письмах из Петербурга к старцу отцу Леониду отец Макарий постоянно выражал скорбь души своей о лишении пустынного жительства и о тяжести постоянного пребывания в молве и попечениях града, столь несогласных с его душевным устроением.

*Преподобный
Моисей
Оптинский.
Литография.
1860-е годы*

Наконец на возвратном пути из Петербурга, захав опять в Оптину пустынь, отец Макарий уже испросил дозволение у старца своего отца Леонида и согласие отца настоятеля Моисея на перемещение его в оптинский скит. Он подал прошение о сем оптинскому отцу настоятелю, прося его дать оному ход, когда найдет сие удобным; а сам возвратился в Площанскую пустынь и, предавшись в волю Божию, спокойно ожидал, что речет о нем Господь.

Между тем он был представлен в числе трех кандидатов к занятию должности строителя Площанской пустыни, так как настоятель ее отец Маркеллин давно уже был безнадежно болен. Но отец Макарий, испытав всю тяжесть должностных скорбей, не желал этого назначения; ибо в мыслях своих уже решился жить и подвизаться вместе со своим старцем и наставником духовным отцом Леонидом и во всем подчиняться его воле и руководству.

Дело о переводе иеромонаха отца Макария из Площанской в Оптину пустынь тянулось почти целый год, и только в 1834 году 14 апреля получил он указ из духовной консистории, которым исполнялось его давнее желание. Слезно простился он с обителью, под сенью которой прожил более 23 лет, и, воздав благодарение Царице Небесной, покрову Которой вручал себя в этом деле, поспешил в оптинский скит на соединение с любвеобильным своим старцем отцом Леонидом.

Глава VII

Таким образом, кроме двух вышепоименованных мужей высокой духовной жизни и опытности настоятеля обители отца Моисея и скитоначальника отца Антония, появились в Оптиной пустыни еще два богоугодных и богомудрых мужа, старцы-иеромонахи отец Леонид и отец Макарий. Это были четыре духовных столпа, на которых главным образом созидалась и упрочивалась духовная жизнь оптинского братства. И замечательно, что все эти поистине святые мужи были совершенно различных характеров. Но, несмотря на эту разнохарактерность, они жили в таком союзе мира и искреннейшей любви христианской, что каждый из них готов был за другого и душу положить. Да они и на самом деле полагали души свои друг за друга своим благим изволением и готовностью терпеливо переносить разные беды и напасти, когда того требовало одного из них или общее их благо.

*Преподобный
Антоний
Оптинский.
Литография.
1860-е годы*

С самого поступления в оптинский скит отец Макарий помогал старцу отцу Леониду в обширной его переписке с лицами, просившими у него духовных советов и назидания; а также был помощником старца в духовном окормлении братии и посетителей, особенно с 1836 года, когда был определен духовником обители.

Поучительны и назидательны были отношения между старцами отцом Леонидом и отцом Макарием. Этот последний уже более семи лет был духовником Севского девичьего

монастыря, и многие имели его своим наставником, пользуясь его духовными советами. Несмотря на то, он, смиряясь и вменяя себя ни во что, бегал славы человеческой, домогаясь, как особой чести и отличия, быть при ногу другого старца. Исполненный веры и любви к своему духовному отцу, отец Макарий, будучи главным указным монастырским духовником и скитоначальником, ничего не делал не спросив отца Леонида и по смирению весь успех своих начинаний приписывал тайно и явно молитвам, советам и благословению своего отца и до самой блаженной кончины отца Леонида пребыл одним из усерднейших учеников его.

Такое же смирение являл со своей стороны в отношении к отцу Макарию и старец отец Леонид. С начала своей монашеской жизни он и сам всегда шел тем же путем послушания. Находясь почти двадцать лет под духовным руководством старца Феодора, отец Леонид так возлюбил во всем подчиняться совету своего наставника, что и по кончине его ничего не делал от одного своего лица, как сейчас увидим ниже.

Встретившись в Площанской пустыни с отцом Макарием, старец отец Леонид, как замечено выше, рад был сблизиться со столь даровитым и искусным иноком и по переходе его в оптинский скит смотрел на него не как на ученика, а как на своего сотрудника и духовного друга. В этом он подражал примеру своего смиренномудрого старца отца Феодора, который, будучи его наставником и руководителем, вместе с тем имел его своим духовным отцом и часто совещался с ним, как со своим другом и братом о Христе.

Больше всего старец отец Леонид обнаруживал свое смиренномудрие и свое уважение и любовь к отцу Макарию в том, что приблизил его к себе и сделал своим помощником, разделяя с ним труд духовного окормления братии и посетителей. В последние пять лет своей жизни старец отец Леонид желавшим пользоваться его руковод-

ством большей частью благословлял обращаться вместе с тем и к отцу Макарию и открывать ему все, что открывали самому отцу Леониду. Со своей стороны и отец Макарий, когда узнавал от своих духовных детей что-нибудь касающееся до них важное, всегда спрашивал, объясняли ли об этом старцу; и если не объясняли, то отсылал к нему для объяснения. Таким образом, душа каждого из отнoсившихся к ним была равно открыта перед обоими старцами, и оба они одинаково знали все обстоятельства духовных своих детей. Если кто, исповедавшись у отца Макария, приходил принять благословение у старца отца Леонида, то старец, имевший, как замечено выше, дарование открывать и напоминать забытые грехи, спрашивал, говорили ли то или другое отцу Макарию; и если не говорили по забвению или по какой-либо другой причине, то посылал опять к нему для объяснения невысказанного. Когда спрашивали о чем-либо отца Макария, он без старца не давал никакого решения. Также и старец без отца Макария ничего не решал, а в подобных случаях говаривал: «Подождем, придет отец Макарий, вместе поговорим».

Умилительно было видеть такое единодушие и взаимную любовь двух старцев. «Бывало, – рассказывала духовная дочь отца Леонида и отца Макария, бывшая впоследствии настоятельницей Белевского женского монастыря, игуменья Павлина*, – бывало, говоришь с отцом Леонидом, входит отец Макарий. Отец Леонид говорит ему: „Батюшка! Поговори-ка с ней; ей нужно тебе кое-что объяснить“. Или – сидят они, как ангелы Божии, рядом, а мы стоим перед ними на коленях и двум открываем свои души как бы одному и никогда не разделяли их и не делали между ними никакого различия. Поистине в них *бе сѣрдце и душа едина...* (Деян. 4, 32). Потому, – прибавляла рассказчица, – когда скончался отец Леонид, хотя мы и скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная, так как мы

* Скончалась
20 июня 1877 года

*Преподобный Макарий Оптинский.
Худож. иеромонах Гавриил (Спаский).
1854 год*

лишились одной половины, а другая осталась при нас».

Так старцы, одушевленные единомудрием и связанные взаимной духовной любовью и единокровием, поучали духовных своих чад этим главнейшим христианским добродетелям не словом только, но более всего собственным примером и не допускали, чтобы между ними возникало какое-либо разделение, к чему ученики, по немощи человеческой, нередко бывают склонны, как еще апостол Павел обличал за такое разделение коринфян, глаголя: *Возвестися бо ми о вас, братие моя... яко рвения в вас суть. Глаголю*

же се, яко кийждо вас глаголет: аз убо есмь Пáвлов, аз же Аполлóсов, аз же Кíфин, аз же Христóв. Еда́ разделися Христóс? (1 Кор. 1, 11–13). Между духовными детьми отца Леониды и отца Макария никаких подобных разделений или партий не было. Единодушие и единомыслие старцев отражалось и на их детях духовных. Таким образом, в одной обители было два старца, но не было раздвоения и не терялось единство старческого окормления.

Впрочем, несмотря на такое единодушие и взаимную любовь и уважение обоих старцев, отец Леонид с самого поступления в скит отца Макария, уступая его нелицемерному прошению, смирению и постоянству, решился обращаться

с ним как с возлюбленным о Господе сыном и учеником и, следуя наставлению святого Иоанна Лествичника, не упускал случаев доставлять искусному подвижнику венцы через испытание его терпения. С этой целью старец отец Леонид подвергал его выговорам и замечаниям нередко и при других, чтобы им принести пользу его смирением. Вот один из многих тому примеров.

Настоятель отец Моисей, позвав к себе отца Макария (после его назначения духовником обители), просил его принять от мантии готовившихся к пострижению братьев. Отец Макарий, вменя просьбу начальника в приказание, отвечал на оную смиренным поклоном. Придя затем к старцу и застав его по обычаю окруженным множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях, отец Макарий кратко поведал ему, зачем призывал его настоятель. Отец Леонид с видом строгости спросил у отца Макария: «Что ж, ты и согласился?» – «Да, почти согласился или, лучше сказать, не смел отказаться», – отвечал отец Макарий. «Да, это свойственно твоей гордости...» – сказал старец, возвысив голос и, приняв вид гневающегося, начал укорять отца Макария. А тот стоял с поникшей головой, смиренно кланяясь и повторяя по временам: «Виноват, простите Бога ради,

*Преподобный Лев Оптинский.
Худож. иеромонах Гавриил (Спасский).
Середина XIX века*

батюшка!» Все присутствовавшие, привыкши уважать отца Макария наравне с отцом Леонидом, смотрели на это – одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: «Простите, батюшка! Благословите отказаться?» – «Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уж нельзя отказываться, дело сделано», – сказал отец Леонид, вовсе не имевший в виду лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевающего в оном старца-ученика и принести пользу через это другим – и она была достигнута вполне.

Поступая так, старец отец Леонид между тем не только отечески глубоко любил, но и сердечно уважал отца Макария как своего духовного друга и сотаинника и, когда находил то полезным, выказывал эти чувства в такой мере, что изумлял слышавших. Некоторые однажды спросили отца Леонида о душевном устроении настоятеля обители отца Моисея, брата его – скитоначальника отца Антония и упоминаемого здесь иеромонаха отца Макария. Старец кратко отвечал: «Отец Моисей и отец Антоний – великие люди, а Макарий – свят». Слышавшие после объясняли себе слова старца словами святого Иоанна Лествичника: «Великих людей есть свойство переносить мужественно и с радостью досады; святых же и преподобных – принимать похвалу без вреда»*.

* Лествица.
Степ. 22. Гл. 12.

Духовная деятельность старца отца Леонида не ограничивалась одной Оптиной пустынью и многочисленными ее посетителями. В 1837 году один из учеников отца Леонида, прибывший с ним в Оптину пустынь из Александровского монастыря, иеромонах Геронтий, был назначен настоятелем Калужской Тихоновой пустыни. С ним отпущены были из Оптиной до пяти человек единомудрен-

Глава VII

ных братий. А по времени и еще некоторые перешли к нему по благословению старца. С того времени сам старец ежегодно посещал Тихонову пустынь и проживал там по несколько времени, заботясь о духовном окормлении и утверждении братий ее. Кроме того, через приверженных ему лиц и в вещественном отношении благодетельствовал этой бедной обители, которая с той поры стала мало-помалу благоустраиваться. Но об этом подробнее сказано будет ниже.

В 1839 же году скитоначальник иеромонах Антоний был назначен игуменом Малоярославецкого Николаевского монастыря (Калужской епархии), куда с ним также перешли некоторые из учеников старца отца Леониды. Живя в Малоярославце, они продолжали пользоваться его наставлениями.

Таким образом, духовное влияние старца отца Леониды простиралось кроме Оптиной пустыни еще на две обители в пределах Калужской епархии, в которых в свое время также введено было им старчество.

Наконец, и из некоторых женских обителей других епархий многие инокини пользовались духовным руководством старца отца Леониды, особенно из Севского Троицкого монастыря Орловской епархии, Борисовской Тихвинской пустыни Курской епархии и Белевского Крестовоздвиженского монастыря Тульской епархии. В каждом из этих монастырей отец Леонид имел некоторых преданных ему учениц, преуспевших более других в духовной жизни, которые и при жизни, и по кончине его были старицами и наставницами многих относившихся к ним сестер.

Так духовное семя старца отца Леониды произрастало и распространялось далеко и за пределами Калужской епархии.

Глава VIII

Подробности старчества, или учительства, старца иеромонаха Леонида в рассказах живших при нем его учеников

Выше изложен был общий взгляд на старчествование, или учительство, первого оптинского старца иеромонаха отца Леонида. Теперь постараемся представить некоторые подробности, частью в письменных рассказах духовных его детей, частью же в устных рассказах старожилов-монахов.

Так как самолюбие и самооправдание – главные корни всех зол и нестроений в роде человеческом, то против них главным образом и направлены были все наставления старца отца Леонида и все его приемы. Предыдущая глава уже показала, как он смирял ближайшего и возлюбленного своего ученика, старца-подвижника и сотрудника иеромонаха Макария. Подобным образом он обращался и с другими оптинскими старцами, из которых

не исключался даже и начальник скита иеромонах Антоний. Сделать строгий выговор или пристыдить чем-либо кого-нибудь из старших монахов и вообще кто попадетсЯ под случай было обычным делом старца-наставника. Так пришел к нему однажды вышеупомянутый прежде иеромонах, а затем настоятель Валаамского монастыря, доживавший при старце Леониде век свой в оптинском скиту, игумен Варлаам. Заметить должно, что человек сей был строгий подвижник, молитвенник и полный нестяжатель, ничего в своей келье не имевший и потому никогда ее не запиравший. На этот раз захотелось ему лимона, которого, конечно, у него не было. Старец отец Леонид по обычаю в келье своей окружен был посетителями. Вошедший к нему отец игумен, по немощи человеческой, постеснялся просить у него лимон при людях, а потому и сказал потихоньку: «Мне нужно сказать тебе несколько слов». У старца в келье стояла небольшая ширмочка, за которую он и брал некоторых для секретных разговоров. Немедленно отец Леонид встал, взял за руку отца Варлаама, ведет его за ширмочку, а сам, слегка подталкивая сзади ногой, приговаривает: «Ну, иди, иди! Ты-таки игумен, а я что?..» Заведши за ширмочку, старец спросил: «Ну, что скажешь?» Отец игумен потихоньку: «Нет ли у тебя лимончика?» Старец во всеуслышание: «Ишь, секрет какой! Нет ли лимончика?» Шумит келейнику: «Яша, дай ему лимон».

О новоначальных послушниках, по преимуществу склонных к тщеславию, старец имел обыкновение говорить так: «У кого голосок да волосок, у того лишний бесок» (бес тщеславия). И еще: «Новоначальный и в самых обыкновенных случаях все тщеславится». Некоторые из послушников, желая уклониться от трудов послушания, в оправдание себе говорили старцу, что во время дела их борют помыслы тщеславия. Таковым старец отвечал: «Ну что ж? Хоть тщеславьтесь, да работайте».

*Иоанно-
Предтеченский
скит. Почтовая
открытка.
Начало
XX века*

Заметим здесь, что упомянутые выше неожиданности в обращении отца Леонида со старыми монахами, иногда же и выговоры, и укоризны, всегда принимались ими благодушно, а может быть, даже и с радостью и благодарением; ибо искусившиеся в жизни духовной старички понимали благую цель старцевых выговоров и укоризн – дабы утверждать и усовершенствовать их в терпении и смирении. Другое дело было с новоначальными, еще неопытными в жизни духовной. Эти последние и высказаться-то с пользой душевной не умели и поддавали или сильному смущению и недоумению, или равнодушничали, укоряя других и во всем себя только оправдывая. Всех их старец отец Леонид наставлял и вразумлял, как выше было замечено, с долготерпением и отеческой снисходительностью. Прочитаем сами рассказы.

РАССКАЗ ПОСЛУШНИКА ОПТИНСКОГО СКИТА
БРАТА АЛЕКСАНДРА МЕДВЕДЕВА, ВПОСЛЕДСТВИИ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ИЕРОСХИМОНАХА АНТОНИЯ

«В наше сожительство с батюшкой (отцом Леонидом) не виделось такого случая, чтобы он выказал кому-либо

уступчивость, если замечал в пришедшем к нему наклонность к гордости, тщеславию или еще к какому-либо пороку, прикрываемому личиной добродетели. Он бывал в это время непреклонен и неумолим. Но зато, когда достигнет своей цели, то есть увидит наклонность к сознанию своей виновности и смирению, тогда превращается в самую нежную чадолюбивую мать. А это наиболее испытывали опрометчивые натуры. Например, покостричишься* с кем-нибудь и уверишься, что я со своей стороны невиновен. Но совесть все-таки побуждает объясниться перед батюшкой. Идешь и объясняешься. Батюшка выслушивает, иногда и поддакивает. Тогда уже без стеснения свободнее себя оправдываешь. „Ну хорошо, – скажет наконец старец, – значит, ты прав, а тот виноват; значит, мы с тобой квиты, ты теперь праведный и тебе теперь до меня нет никакого дела; иди-ка с Богом, ты теперь спасен. А меня оставь, ибо мое дело – употреблять труд и время для грешников. Иди-ка, иди со своей праведностью, а нам, грешным, не мешай“. Чтобы поправить дело и возвратить к себе благоволение старца, начнешь еще говорить что-либо к своему оправданию: „Да нет, батюшка, ведь это дело-то вот так и так было“. – „Значит, ты еще правее, – заметит старец, – иди-ка, иди, ведь за дверями грешники ждут, а ты им мешаешь“. Выходишь от старца как бы связанный по рукам и ногам. Идешь в келью, чтобы успокоить себя. Но нет – в келье проведенный один час кажется за год. Идешь опять к старцу объяснить и это, по-видимому невинное, страдание и этим еще более себя спутаешь. И старец со своей стороны подтверждает эту невинность, которая ведет по той же дороге – из кельи вон. Так повторяется до тех пор, пока водворится в душе искреннее сознание своей виновности. Придешь к старцу и не смеешь повернуться. Тогда и батюшка из непреклонного судии превращается в нежную мать. Таковые выдержки случались несколько раз со мной,

* Костричиться (от слова ко-стрик – ерш) – ершиться. – *Примеч. ред.*

грешным. Но это дело неважное, ибо моя неотесанная натура требовала сего. Подобные же операции приходилось выдерживать и батюшке отцу Макарию, и отцу Иоанну (иеросхимонаху) нередко. Видел я, как отец Антоний, будучи начальником скита, подчинялся старцу отцу Леониду наравне с другими. Но после сих случаев между старцем и его учениками и взаимно между последними не только не было раздора, а, напротив, более возрастало единение духа.

Был еще со мной такой случай. Стоял один брат на вечернем правиле, которое, как упомянуто выше, отправлялось всегда в келье старца. Мне пришлось неумышленно стать впереди этого брата. Он дернул меня за балахон и с негодованием сказал: „Куда ты лезешь, новоначальный, мимо старшей братии? Мужик такой!“ Я хоть и кивнул ему головой с произнесением: „Прости Бога ради“, а самого забрало до лихорадки. После правила по обычаю я остался объяснить старцу свою неумышленную дерзость, которой мог оскорбить брата и его укоризной сам оскорбиться до бешенства. А как я был человек должностной, повар, то батюшка позволял иногда таковым объясняться прежде старших. Так было теперь и со мной. После моего объяснения батюшка, возвысив голос, позвал того брата по фамилии. „Благословите?“ – откликнулся брат. Батюшка: „Вот что хочу я тебе сказать: этот голубчик, – указывая на меня, – похож на мокрую ворону, да вот оскорбил он тебя на правиле?“ – „Да, батюшка, он как нарочно все лезет вперед“. Старец обращается ко мне: „Слышишь, лупоглазый?“ И строго повелевает: „Проси у него прощения, кланяйся ему в ноги“. Кланяюсь. А старец велит в это время повторять за ним слова: „Прости меня, будущий годов через десять отец, – меня, новоначального, после тебя через несколько месяцев поступившего в скит“. Тот брат понял, что старец этим оправдывал меня, пал перед

Глава VIII

ним на колени и стал защищать свою якобы правоту. „Что ж? – сказал старец. – Ведь брат, как виновный, просил у тебя прощения, а ты и так остаешься как невинная душа“. – „Да он, батюшка, – продолжал брат, – не так вам объяснил“. Между тем я уже отправился в поварню. „Поди, позови его сюда, – сказал старец, – и сам приходи – вот увидишь, как я с ним разделаюсь“. Пришел и зовет: „Брат Александр! Батюшка зовет тебя“. Идем, а он дорогой говорит мне: „Как тебе не грех? Наябедничал ты батюшке на меня. За это батюшка рассердился – вот теперь и мучься“. Пришли, и батюшка приказывает мне повторить объяснение. Я повторил. „Ну что? – обращается к брату старец. – Так было дело?“ – „Да, так“, – отвечает брат. „Ну, иди же, – продолжает старец, – да спроси у своей совести, кто из вас прав и кто виноват. Да ты это должен знать, признавший себя старожилом. А он – новоначальный, с него теперь взятки гладки“».

Сокращая рассказ сей, прибавим только, что разлад этих двух братьев несколько затянулся. И старец не спешил насильно примирять их, так как знал, что только через искреннее сознание своей виновности и самоукорение

Тихонова
пустынь.
Почтовая
открытка
Начало
XX века

* Поучение 7-е.
О самоукорении.

человек может приобрести прочный мир душевный, как говорит преподобный авва Дорофей*. И действительно, проведши несколько времени в сильном смущении и душевно вдоволь настрадавшись, оба они, по молитвам старца, смирились, примирились и навсегда остались искренними друзьями.

РАССКАЗ МОНАХА ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ
КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ С.

Монах С., бывший ученик старца отца Леонида, рассказывал о себе следующее: «Когда жил я дома, многие из нашего села приходили в Оптину пустынь и, сподобившись слышать от батюшки отца Леонида мудрые христианские наставления, славили его в разговорах друг с другом. Захотелось и мне видеть батюшку, а ежели примут в обитель, то и остаться при нем. Нашел я себе товарища нашей же деревни, человека, который знал немного грамоту, но много о себе думал. Идучи с ним дорогою, я часто ему напоминал об отце Леониде, говоря: „Что-то посоветует ли нам старец: идти в монастырь, или нет?“ На что мой товарищ отвечал гордо: „Что его совет? Я сам умею “в грамоти”“. Наконец приходим мы к отцу Леониду, который шуточно и ласково нас приветствовал. Проживши несколько дней, мы стали просить у батюшки благословения, чтобы нам остаться в монастыре. Но старец мне благословил остаться, а моему товарищу велел сказать, чтобы он шел в деревню. „Я ему не советую, – сказал он, – идти в монастырь“. Оскорбленный сим, мой спутник начал роптать на старца, говоря: „Какой это старец! Я и тебе не советую, брат, слушать его“. Но я, несмотря на его горделивые советы, по батюшкину благословию, остался в монастыре, а мой товарищ отправился в деревню и, не послушав совета старца, пошел все-таки в монастырь. Пожил в одной

обители немного, увидел свою немощь, как страсти воюют и нападают на одинокого борца, не имеющего помощи от духовных советов опытного старца; перешел в другой монастырь – надеялся там найти себе лучшее. Но наши страсти везде с нами. Наконец вышел он из монастыря, потерявши усердие к иноческой жизни. После я слышал, что он женился. Вот до чего довела его глупая гордость: „Что старец? Я и сам “в грамоти” знаю“.

Теперь буду говорить о себе. Я каждый день ходил к старцу, говорил о своих худых помыслах и о страстях; но вскоре эту бдительность о своей душе потерял. Сперва начал утаивать от старца самые маловажные, по моему мнению, помыслы, потом потерял веру к старцу и усердие жить в святой обители, начал думать о сельской жизни и о женитьбе. Наконец прихожу к старцу с лицемерной преданностью и прошусь на малое время побывать домой. Но не укрылось мое лицемерие от прозорливого старца. Он с ослабленным лицом и грозя пальцем говорит: „Смотри, брат, ты не обманываешь ли меня?“ Я стал себя оправдывать: „Нет, батюшка, я только повидаяюсь с братом и немедленно возвращусь“. Наконец старец сказал: „Ступай, брат, с Богом; прибежишь сюда бегом, когда не хочешь теперь оставаться“. С радостью ушел я из Оптиной пустыни с таким намерением, что уже никогда не возвращусь. Так мне наскучило первоначальное нудничество о спасении своей души.

Но случилось противное моей мысли, по предсказанию старца. Прихожу я домой в свое село, начал заниматься обыкновенными сельскими работами. В это время в нашем селе у одного крестьянина пропала лошадь. Он начал подозревать мужичка, замеченного уже прежде в конокрадстве, и не ошибался в своей догадке, но явных улик не было: лошадь была перепродана из рук в руки. Так с виноватым он и не мог ничего сделать. Однажды крестьянин

этот ехал из другого села с праздника, порядочно подвыпивши; встретил нечаянно похитителя своей лошади на перелеске и в порыве гнева бросился на него, начал бить жестоко и убил несчастного. В эту ночь случилось мне караулить лошадей на поле. На другой день поселяне известили станового пристава, что нашего села крестьянин лежит на дороге убитый неизвестно кем. Становой приехал. Начались допросы: кто где в это время был. На меня и показала одна женщина, что я в это время ночью пас лошадей в поле. Меня начали допрашивать. Я одни слова говорил, что знать не знаю. Но крестьяне наши просили станового запереть меня и морить голодом. Заперли меня в чулане и не давали ни пить, ни есть ничего трое суток. Как я в эти трое суток раскаивался, что не послушал доброго совета прозорливого старца, и от всего сердца молил Господа, чтобы за молитвы старца, мной обманутого, избавил меня от беды! Наконец утомленного голодом, меня вывели на новые допросы. Мужики наши предлагали становому еще жесточайшую первой пытку – раскалить сковороду и поставить меня на нее – и уверяли станового: „Повинится-де, ежели вы так сделаете“. Я не надеялся этой жестокости вытерпеть и решился было на себя клеветать ложно. Но за молитвы старца избавил меня Господь. Письмоводитель говорит приставу: „Вы за это будете отвечать, если так поступите, – это совсем против государственных законов“. Меня оставили. Начали допрашивать других. Дошли до виноватого, который перепутался в словах и в скором времени признался в своем преступлении. Я, обрадовавшись своему избавлению, немедленно поспешил отправиться в Оптину пустынь. Как скоро увидел меня батюшка отец Леонид, то с любовною улыбкою благословил и сказал: „А, арысина*, пришел! Каково гостил? Сказывай нам“. Я все рассказал батюшке: и прежние умышления не жить в монастыре, и случившуюся дома за

* Корень сего слова, по нашему мнению, есть «арь», которое, по словарю Даля, означает: след зверя по пороше. Следовательно, слово «арысина» соответствует слову «зверина» или «зверище».

Иоанно-
Предтеченский
скит.
Трапезная.
Фотография.
Начало XX века

преступление напасть. С этих пор боялся я малейшего помысла утаить перед старцем.

Когда я пожил несколько в монастыре, стал меня старец посылать в свое село: „Ступай, – говорит, – сходи домой на короткое время, и опять сюда возвратишься“. Мне идти не хотелось, и я просил батюшку, чтобы не посылал. Но батюшка непременно велел идти. Пришел я на свою родину, нашел брата своего помешавшимся в рассудке от излишнего употребления вина. А крестьяне нашего села только хотели на другой день моего прихода послать за мной в монастырь, чтобы я пришел и управлял хозяйством вместо брата. Какая скорбь! Не хочется мне оставаться в миру. Не знаю, что делать. Наконец пришла мне мысль съездить с братом к святителю Митрофану Воронежскому. Мужички наши этому не попрепятствовали. Приехали мы в Воронеж и отпели молебен угоднику Божию. Брату стало полегче. На другой день опять просили отслужить молебен; и после молебна брат совершенно поправился рассудком. Привез я его домой совершенно здоровым. Все удивились этой перемене. Удивился и я тогда прозрению батюшки, как он вперед провидел и предсказал

оба мои похода на родину. После сего оставил я брата жить в миру, а сам поспешил возвратиться к старцу и уже шел к нему с верой и сыновней преданностью.

Еще замечал над собой, живши в монастыре: иногда нападала на меня тоска, уныние и жестоко бороли помыслы. Пойдешь, бывало, к батюшке утешиться в своих скорбях, и при вступлении в его келью вмиг все исчезнет и в сердце вдруг почувствуешь тишину и радость. Батюшка спросит: „Зачем пришел?“ А ты и говорить не знаешь что. Возьмет батюшка маслом помажет из лампы да благословит; и пойдешь из его кельи с сердечной радостью и душевным миром.

Потом батюшка отец Леонид велел мне перейти в Тихонову пустынь. Мне не хотелось расстаться с батюшкой, но не смел его послушаться. Здесь мне стало жить тяжелее. Трудов много, а утешить некому. Старец приезжал сюда редко. Наконец я решился возвратиться опять в Оптину пустынь. В это время приехал сюда батюшка отец Леонид. Я ему рассказал свое намерение. Батюшка призвал меня в келью отца Мелетия. Тут был и отец Алексей*. Он велел им положить свои руки на мою голову и сам положил и, прочитав Трисвятое, сказал: „Живи здесь и никуда не ходи отсюда“. С тех пор не стало у меня и мыслей о выходе из сей обители».

* Вышеупомянутые оптинские послушники: Михаил Иванович Антимонов, в монашестве Мелетий, и Алексей Поликарпович Бочков, по благословению старца перешедшие в Тихонову пустынь.

РАССКАЗ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОСЛУШНИКА
АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА ВАСИЛЬЕВА, КАК ОКОРМЛЯЛ ЕГО
ПОКОЙНЫЙ СТАРЕЦ ОТЕЦ ЛЕОНИД

«Однажды, – говорил он, – я чувствовал в себе холодность с тонким смущением и рассуждал в себе, что это есть следствие рассеяния и самочиния. Вот уже прошло три дня, как я не был у своего старца, и не поверял моих дел, и не открывал помыслов. Одна мысль говорила мне,

что идти к нему незачем, потому что в течение сего времени тобой против совести ничего не сделано. Другая же, напротив, убеждала меня получить от него хотя благословение, могущее укрепить противу козней диавола. А с тем вместе рассуждал в себе, что по благодати Своей Господь, может быть, возвестит старцу о моих скрытых немощах, коих я по дебелости своей не примечаю; и если получу в оных обличение с отеческим наставлением, то может ко мне возвратиться и прежнее душевное спокойствие. Повинуясь сему внушению, понудил я себя идти к моему наставнику. Когда же я вошел к нему в комнату, старец занят был гостями. Увидев меня вошедшего, спросил: „Что тебе надобно?“ Я, подошед к нему и став на колени, сказал, что пришел испросить благословения и святых молитв. Благословив меня, он сказал: „Спасибо тебе“. Стал спрашивать, как я провожу время – занимаюсь ли данным мне от начальника послушанием, пишу ли в живописной порученные мне иконы? На сие я отвечал: „За молитвами вашими, батюшка, занимаюсь“. Помолчав, старец сказал: „Хорошо, но я слышал, что ты и портреты пишешь“. Эти слова совершенно меня привели в замешательство, потому что в прошлый вечер намалевал я с одного брата портрет самочинно. Испросить должного прощения, как новоначальный, я не нашелся, а в извинение свое сказал, что я „шалил“, думая тем оправдаться. Старец, взглянув на гостей, повторял сие слово несколько раз: „Он шалил!“ Взяв меня за голову и обратив к посетителям лицом, сказал: „Вот, господа, этот человек с лишком 30-ти лет и уже имеет большую бороду; бывши в мирском звании, управлял тысячами людей* – сюда же в монастырь пришел „шалить“. Ведь будет прок в этом человеке! – и, вздохнув, прибавил: – Ну, брат Алексей, чтобы ты был вперед аккуратнее, положи несколько поклонов“. Во время оных приказывал мне говорить за ним слова сии: „Хотя я и гордый

* Был несколько времени управляющим имением у какого-то господина.

Иоанно-
Предтеченский
скит.
Соборная келья-
«правило».
Фотография.
Вторая половина
XIX века

человек, а смириться должен. Святой апостол Павел говорит: настой, обличй и прочее“ (см.: 2 Тим. 4, 2). Посем с веселым духом и ласковостью благословил меня и сказал: „Ну, мое деточко, теперь будешь мирен; ступай с Богом!“

Однажды пошел я узнать различие молитв, коих рязряды видеть можно в Добротолубии. Особенно мне хотелось читать главы Каллиста Катафигиота, но сомневался, что старец дозволит читать мне оные, еще в новоначалии бывшему. Посему я начал у него просить книгу при многих посетителях, полагая, что он, быв занят знатными лицами, не войдет со мной в подробный расспрос о чтении. Сверх моего ожидания батюшка отец Леонид, оставив разговор с гостями, с особенным участием стал спрашивать, для чего мне понадобилось Добротолубие и какие места я желаю читать. Когда же я ему объявил, то он, посмотрев на меня, сказал: „Как ты осмеливаешься за такие высокие предметы братья? Шишка!* Тебе не Каллиста Катафигиота читать, а полезнее навоз чистить! Помни Симона волхва, как он, высоко поднявшись, опустился низко; так и ты,

* У этого брата
была на лбу
шишка.

буде не смиришься, то погибнешь“. В это время я стоял перед ним на коленях как громом пораженный. Посем старец сказал мне: „Подай сюда щеки“. И дав мне несколько легких пощечин, сказал: „Ступай с Богом!“

Случилось мне пригласить к себе одного брата напиться чаю. Ставя посуду на стол, я нечаянно разбил чайную чашку. Пришел к старцу объясниться и нашел его спящим на кровати. Батюшка от шороха проснулся и, увидев меня, сказал: „Что тебе надо? Денег?“ Я отвечал: „Я разбил чайную чашку“. Он тотчас позвал келейника и сказал ему: „Поздравь Алексея Ивановича – он взял город“. Я не понял, к чему было такое поздравление. Старец сказал мне: „Скажи, пожалуйста, когда ты исправишься? Какого от тебя добра ждать? В миру ты был негодяй и теперь живешь без исправления. Если бы ты имел страх Божий, то ты смирил бы себя и подобного с тобой не случилось бы. Видно, ты с рассеянием, не помня себя занимался угощением и оттого разбил. А хуже того еще, что с гордым духом пришел к старцу хвастаться: я разбил чашку. Если бы ты был путный человек, то бы пришел со смирением, сказав: батюшка, простите Бога ради, я нечаянно разбил чашку; как благословите? А то, как город взял, хвастаешься. Ступай вон!“ Когда же я приблизился к двери, он, вздохнув, нежным тоном милостиво сказал: „Алексей Иванович! Воротись, надеюсь, что ты положишь начало к исправлению и будешь впредь смиреннее“. И приказал келейнику дать мне рубль*.

Этот же брат уверял, что никогда ему не случалось от старца выходить смущенным, но всегда укрепленным и утешенным. Когда же он являлся удрученным какой-либо скорбью, то отец Леонид, заметя вошедшего, встречал его с неизъяснимой отеческой любовью и, по выслушании дел и помыслов, возлагал на него руки, а иногда, с шуткой взяв за голову, прижимал к себе во время

* Относившиеся к старцу братия, если кто имел сколько-нибудь денег, не держали их у себя, а деньги эти хранились всегда у старца, и, если кому нужно было купить какую-либо вещь, всегда покупалась она с благословения и разрешения старца.

Житие оптинского старца Льва

произносимой им молитвы и тем водворял в душу страждущего спокойствие и утешение.

РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА СМИРНОВА

«В первый год моего вступления в монастырь пришел я однажды со смущенным духом к духовному моему отцу старцу отцу Леониду и, плача, говорил ему, что приезд моей матери и сестры смущает меня. Батюшка же, думая, что я побеждаюсь слабостью любви плотской к родительнице своей и уже жалею о разлуке с ней, пришел от того в такую ревность по Бозе и досаду, что, сильно ударив меня по щеке, сказал: „Любовь ли к матери предпочел любви к Богу? И сим ли платишь Ему за изведение свое из мира, слабодушный?!“ Я хотя и не признавал в себе пристрастия к родным, однако возрадовался духом, видя из поступка отца моего духовного истинного вождя к Богу, Которого он, видимо, возлюбил паче всего, к Которому, конечно, и меня незаблудно учил шествовать.

Потом, спустя некоторое время, стоял я у батюшки в передней и долго не мог быть допущен к нему за множеством странников, пришедших из дальних мест, с которыми он и занимался. Не имея же терпения, как новоначальный и неопытный, я стал скучать, а наконец и роптать на старца своего. Когда же вошел ко мне его келейник, не затворив за собой двери, тогда я с досадой сказал, так что и старец мог слышать оскорбительнейшие для него слова, а именно: „Батюшка чуждых овец пасет, а свои у него алчут“. От сих слов моих келейный его пришел в гнев и выговаривал мне за дерзость мою и нетерпение. Батюшка же, напротив, кротко и ласково сказал мне: „Ах, Саша, Саша! Ты смутился? Яша, дай ему чаю“. Потом, обратясь ко мне, продолжал: „Ну что, Александр, успокоился ли ты? Ну как же тебе не стыдно беспокоиться о том, что я принимаю

и других. Ведь ты хочешь получить от меня душевной пищи, а другие разве того же не желают? Ты всегда при мне, а сии, тебе досадившие, пришли из дальних стран, чтобы видеть меня, открыть мне свои нужды и получить от меня утешение, и их ли не допустить мне к себе? Да и хорошо ли нам любить самих себя только? Напротив, Бог хочет, чтобы мы любили и других и всем, как Он, желали спастись*. Таковая истина его слов и кротость смягчили мое сердце, и я со слезами просил у него прощенья и чувствовал вполне незлобие его как при сем случае, так и во время моего с ним пребывания.

Сравнивая сей поступок его с первым, я еще лучше стал разуместь о моем старце; ибо он за сделанное ему личное оскорбление не показал и следа неудовольствия ни лицом, ни словом, за предпочтение же мирской любви духовной, или любви к Богу, он пришел в гнев и не мог оставить меня за сие без наказания».

РАССКАЗЫ ПРОЧИХ ОПТИНСКИХ БРАТИЙ

«Бывши еще послушником, – рассказывал иеросхимонах Феодот*, – однажды, стоя с другими на коленях перед старцем отцом Леонидом, я увлекся помыслами и стал размышлять, что вот такой-то монах, который хорошо понимал экономическую часть, годился бы в настоятели. Только что я это подумал, как вдруг старец довольно сильно ударил меня по щеке со словами: „Не в свое дело лезешь! Ты не знаешь, что это за человек“». Нужно заметить, что монах, о котором так подумал отец Феодот, впоследствии вышел из Оптиной пустыни, переменял много монастырей, а в настоятели все-таки не попал.

«Вошел однажды к старцу отцу Леониду молодой послушник Иоанн, поклонился ему в ноги и стал перед ним в очень смиренном положении. Старец, посмотрев на него

* Скончался в семидесятих годах XIX столетия.

и грозясь пальцем, промолвил: „Ох, Ванюшка, не перед добром ты смиряешься“. Слова эти, заключая в себе предвестие, в то же время могли послужить предостережением для Иоанна, если бы он захотел вразумиться ими. Но как он оставил слова старца без внимания, то на другой же день и впал в неприличный монашескому званию проступок».

«Новоначальный брат оскорбил старого монаха, и оба пришли жаловаться к отцу Леониду. Для всех очевидно было, что новоначальный был кругом виноват. Но не так рассудил старец. „Не стыдно ли тебе равняться с новоначальным? – строго сказал он старому монаху. – Он только что пришел из мира, у него волосы еще не успели отрасти, с него и взыскивать-то строго нельзя, коли он недолжное скажет. А ты сколько лет в монастыре живешь и не научился внимать себе!“ Так они и ушли. Новоначальный торжествовал, считая себя совершенно оправданным. Но вскоре после сего брат этот пришел один к отцу Леониду. Старец взял его за руку и сказал: „Что же это ты, брат, делаешь? Только что пришел из мира, волосы у тебя не успели отрасти, а ты уже старых монахов оскорбляешь!“ Неожиданное вразумление сильно подействовало на брата, и он стал просить прощения. „Бог простит, – сказал старец, – только смотри, брат, исправляйся, а то плохо дело твое будет“».

«В первое время по вступлении моем в обитель, – рассказывал монах Н., – у меня была чрезмерная ревность к иноческим подвигам. Бывало, после утрени другие идут отдыхать, а я в это время займусь чем-нибудь по своему послушанию и потом уже, утомленный, прилягу для краткого отдыха, мысленно заботясь о том, как бы мне не проспать, а поспеть к самому началу ранней обедни. Вот кто-то стал будить меня. При первом ударе в колокол кто-то будто творил молитву у моей двери. Встаю, смотрю – никого нет. На другой день опять. Только что заблаговестили к обедне – чей-то голос как будто читает молитву. Я подумал на нашего монаха отца И.

Выхожу – никого нет. Я все это объяснил старцу отцу Леониду. „Что же ты думаешь, – спросил он меня, – кто это тебя будит?“ – „Думаю, батюшка, – отвечал я, – уже не ангел ли?“ – „С рожками, – возразил старец, – посмотрим, что дальше будет“. На следующий день никто не будил меня, и я проспал службу. На другой день и на третий опять проспал. Так и постыдились оба мы – и неизвестный мой будильщик, и я, доверчивый ревнитель».

«Пришел однажды к отцу Леониду приверженный к нему сын его духовный и, просидев в его келье целый вечер, после спросил старца: „Вот я видел, как приходили к вам братия и как вы их принимали. Один брат пришел прежде всех, но всех переждал и подошел к вам последним. Другие, пришедши, немного ждали, потом подходили к вам и объясняли, что им нужно было. Некоторые же нисколько не хотели подождать, а как только приходили, сейчас же лезли вперед, домогаясь, чтобы вы их немедленно приняли. Есть ли в этом какое различие?“ Старец отвечал: „Есть различие, и большое различие. Кто, пришедши ко мне, нисколько не хочет дожидаться и лезет вперед всех, у того не может долго держаться в памяти то, что я ему говорю. В другой раз спрашивает и опять забывает. А кто, пришедши для объяснения своих нужд, с терпением и смирением пережидает других и предпочитает их себе, у того каждое слышанное им слово твердо напечатлется в сердце, и он целую жизнь будет помнить то, о чем ему однажды было сказано“».

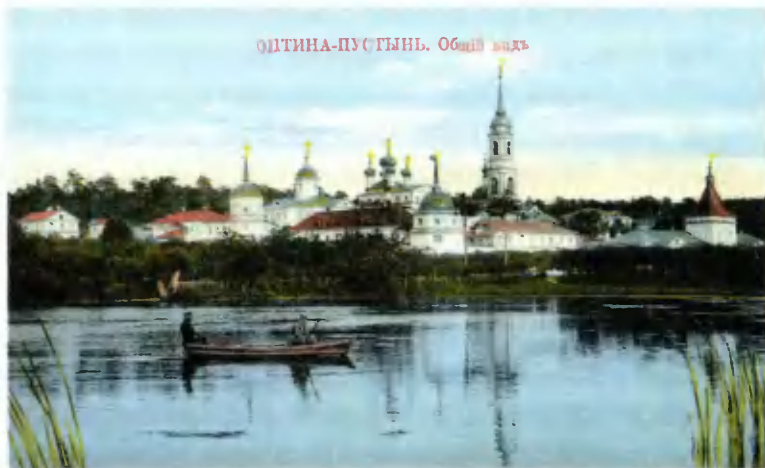
РАССКАЗ СКИТСКОГО РЯСОФОРНОГО МОНАХА

ПЕТРА (ИВАНОВА)*

* Скончался 12 декабря 1867 года 73-х лет.

«Был во дни старца отца Леонида один брат, который часто изъявлял ему сильное желание мученичества. Старец неоднократно увещевал его, чтобы он оставил этот помысл, что небезопасно вдаваться самопроизвольно в великие

*Почтовая
открытка.
Начало XX века*

искушения. Но когда увидел в брате непреклонность, поступил так: в глухую зимнюю бурную ночь призывает к себе желавшего мученичества брата и посылает его сходить за каким-то делом, кажется, из скита в монастырь. Но так как монастырь и скит расположены среди густого огромного леса, то брат начинает отказываться тем, что страшно идти лесом в такую ужасную непогоду, да еще ночью. „Несчастный! – проговорил старец. – Ты желал мученичества, и тебе, может быть, уже готовился от Господа мученический венец, потому что, по воле Божией, в ответ на твое желание, могли волки растерзать твое тело. И верь, что это вменилось бы тебе в мученичество, потому что ты пошел бы в монастырь за святое послушание“. Стыдно и горько стало одному брату, который с тех пор уже никогда не осмеливался напоминать старцу о своем желании мученичества».

РАССКАЗ БЫВШЕГО ОПТИНСКОГО ИЕРОМОНАХА
ОТЦА МОИСЕЯ*

* Впоследствии архимандрита Тихоновой пустыни, скончавшегося осенью 1895 года.

«Был в Оптиной один брат, который часто докучал старцу отцу Леониду, чтобы дозволил ему носить вериги.

Старец, который сам с очень многих вериги снимал, долгое время никак не соглашался с желанием брата, всегда объясняя ему, что не в веригах спасение. Наконец, желая проучить брата самым делом, призвал монастырского кузнеца и сказал ему так: „Когда придет к тебе такой-то брат и будет просить тебя сделать ему вериги, дай ему хорошую пощечину“. Через недолгое время на неотвязчивое прошение брата старец сказал: „Ну поди, поди к кузнецу, попроси его сделать тебе вериги“. Брат с радостью прибегает в кузню, называет кузнеца по имени и говорит: „Батюшка благословил тебе сделать для меня вериги“. Занятый в это время делом, кузнец, проговорив наскоро: „Какие тебе вериги?!“ – как даст ему пощечину. Нестерпевший брат со своей стороны ответил ему также пощечиной, и тотчас оба отправились на суд к старцу. Кузнецу, конечно, ничего не было. А брату, желавшему носить вериги, была от старца хорошая нотация вроде того: „Куда же ты лезешь носить вериги, когда и одной пощечины не мог потерпеть!“»

ТРИ РАССКАЗА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ
И ВМЕСТЕ ДРУГИХ МОНАХОВ-СТАРОЖИЛОВ

«Жил в скиту вышеупомянутый ученик старца отца Леонида схимник отец Диомид. Он был уже в преклонных летах, вел строгую монашескую жизнь и, как передавали старожилы-монахи, имел охоту поучать людей, но не имел опытности духовной и старческого искусства; вследствие чего с его стороны в обращении с посетителями бывали большие промахи. Придет, например, к нему как к старцу отягченный грехами посетитель с тем, чтобы открыть ему свою жизнь и получить от него добрый совет к исправлению ее. Но отец Диомид, выслушав откровение, с ужасом начнет говорить ему в таком тоне и роде: „О! Да как же ты смел делать то и то? Да тебе и спасенья нет. Ты попадешь

*Внутренний вид святых ворот
Иоанно-Предтеченского скита.*

Почтовая открытка.

Начало XX века

в тартарары на вечные мучения, и выпуску тебе оттуда никогда не будет“.

Чрез это посетитель приходил в такое смущение, что впадал в совершенное отчаяние. Но вот кто-либо из монахов направит его к старцу отцу Леониду. Узнав, в чем дело, старец начнет его увещавать, чтобы отнюдь не отчаивался, что Господь сходил на землю не ради праведных, а чтобы призвать грешников к покаянию, что милосердию Его предела нет и прочее. Так, бывало, с месяц убеждает и уговаривает старец впадшего в отчаяние, пока, при помощи Божией, возбудит в нем надежду спасения. Подобные случаи повторялись неоднократно. Надоел старцу отец Диомид. Надо было его проучить. Упомяну-

то было выше, что в скиту при старце Леониде братия самоваров по кельям не имели и чай пить собирались все к старцу только по субботам и воскресным дням и по двенадесатым праздникам. Случилось, в один великий праздник, в зимнее время, и собрались скитяне в келью старца для чаепития. Видя, что отец Диомид не пришел, старец приказал его позвать. Посланный, возвратившись, сказал, что отец Диомид отказался прийти по нездоровью. Тогда старец, зная, что отец Диомид не пришел просто по нежеланию, так как не имел к чаю привычки, и желая понудить

его к покорности и послушанию, а кстати и наказать за вышесказанные неразумные действия, возвысил свой голос: „Диомидка!.. Сходите за ним опять и принесите его на руках, если не пойдет. А когда понесете, – прибавил старец, – бросьте его в сугроб“. Отправились двое и просят от имени старца: „Пожалуйте, батюшка, если вы слабы, мы вас на руках снесем“.

Не подозревая опасности, отец Диомид согласился: „Ну, пожалуй, несите“. Взявши старичка на руки, носильщики понесли, но, выбравши самый большой сугроб, как бросят его туда. Старичок в снегу-то копых-копых, кое-как выбрался и со всех ног сам прибежал к старцу с жалобой, что его обидели. Понятно, что из этой жалобы ничего не вышло, а только чаем отца Диомида напоили да в келью и проводили»*.

«Жил в скиту брат-старичок, который и в обитель пришел в преклонных летах. И как он в миру имел обыкновение во время богослужений ставить к святым иконам свечи, так и в скиту поступал. Обратился как-то к нему с замечанием скитский же монах N.: „Ну что ты все свечи ставишь? В монастыре монахи не ставят свечей. Сам будь пред Богом свечой“. Смутился старик, подумав: „Целый век я ставил свечи, что считается добрым делом, а тут вдруг не велят ставить свечей“. Пошел к старцу отцу Леониду и поведал ему свое смущение. Зная простоту смутившегося старичка, отец Леонид тотчас и начинает ободрять его: „Ну, слушай ты его! Он тебе наговорит. Станови свечи, как прежде становил! – и прибавил к нему: – Старого учить, что мертвого лечить“. Успокоенный таким ответом старичок идет к себе в келью и, встретившись после с отцом N., говорит с самодовольствием: „Вот ты говорил мне: не ставь свечей, а батюшка велел ставить. Он мне сказал: старого учить – что мертвого лечить“».

* Должно заметить, что старец Леонид, как человек облагодатствованный, действовал так по внушению Божию. Для других же обыкновенных старцев описанный факт не может служить примером.

«Поступил в скит какой-то господин, кажется, из мелких помещиков или что-то вроде этого с сознанием своего пред другими преимущества. По обычаю стал ходить вместе с прочими скитянами к старцу на вечернее правило. Известно, что старец сам чтецов у себя не назначал, а кто из братьев желал читать, должен был поднять свою руку, давая тем знать старцу о своем желании читать. Новому брату хотелось читать, но поднять при всех руку ему казалось очень конфузно. И каждый раз по окончании правила, уходя вместе с братьями от старца, выражал свое недовольство на заведенный старцем порядок: „Ну что это такое? Руку поднимать, к чему это? Вовсе это ни с чем не сообразно“. Так кропотался-кропотался, терпел-терпел, наконец вышел из терпения, поднял руку, хотя с самопонижением и не очень высоко. Увидев это, старец сказал: „А! И ты захотел читать? Ну, поди-поди, почитай. Послушаем, как ты читаешь“. Вот он и начал читать по-своему – с чувством и с толком. Окончил. А старец заметил: „Ну, брат, плохо читаешь, ступай“. Так старец при всяком удобном случае имел обыкновение смирять вознесенную гордыню живших при нем братьев».

РАССКАЗЫВАЛ КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ИЕРОСХИМОНАХ АНТОНИЙ

«Монах наш (Киево-Печерской лавры) отец Никодим, бывший оптинский послушник, ученик старца отца Леонида, долгое время проходя в Лавре послушание просфорника, не отставал в этом тяжелом послушании от последнего новоначального брата и весь этот долголетний свой подвиг приписывал силе молитв своего любимого старца. Никогда он не мог говорить про него равнодушно. Батюшка всегда его называл по фамилии – Титов. Часто заставлял его говорить под свою диктовку обличительные слова тем, которых находил нужным обличить, и обличаемые

после сознавались в своих не-
исправностях. Через это отец
Никодим ясно видел и веро-
вал, что старец отец Леонид
получил от Господа дар про-
зорливости. Вот дословный
о сем рассказ самого отца Ни-
кодима: „Когда я с паспортом
отправился из своего города
Белгорода Курской губернии
для поступления в Оптину
пустынь, в миру оставался на
мою долю дом. Была у меня
и сестра-девица, но она вполне
обеспечена была к замужеству.
Дядя же мой родной, который
(вероятно, как опекун) должен
был выдать замуж мою сестру,
положил в намерении присво-
ить мой дом, на который у него и покупатели уже имелись
в виду. Проживая временно в Оптиной пустыни, я начал
думать, как бы мне взять увольнение от общества. Для
расхода на этот предмет у моего дяди было под сохране-
нием моих трудовых денег сто рублей. Вот я пришел од-
нажды к батюшке и говорю: „Батюшка, благословите мне
отправиться за увольнением“. Старец сказал: „Бог благо-
словит идти“. Но, когда я возвратился в свою келью, мне
что-то скучно стало, и у меня отпала охота идти за уволь-
нением, потому я и оставил это дело до будущего времени.
На следующий день говорю батюшке, что я раздумал идти
за увольнением, а старец на это отрывисто сказал: „Ну, как
хочешь“. Прошло несколько времени, забота об увольне-
нии у меня удвоилась – идти да идти. Говорю об этом ба-
тюшке, а он мне возразил: „Отчего же ты тогда не шел?“

*Иеросхимонах Антоний (Медведев).
Вторая половина XIX века*

Я понял свою ошибку, так как посамочинничал, заплакал, поклонился старцу в ноги, стал перед ним на колени, зарыдал и говорю: "Простите Бога ради, батюшка, – виноват!" Старец: "Ну-ну, вставай, да собирайся, тебе теперь лучше будет".

Итак, я прибыл в Белгород и прежде всего зашел поведаться с сестрой. Из разговора с нею я узнал, что дядя при выдаче ее замуж не истратил и того обеспечения, которое оставлено было для этой цели. Затем я повидался с дядей и наконец обратился в магистрат за увольнением. Там потребовали от меня денег и сказали, что увольнение можно бы выдать хоть сейчас. Я поспешил к дядюшке за собственными деньгами. Как он закричит на меня: "Какие тебе деньги? Ты еще расплатись со мной. Я твою сестру выдал замуж. Дай-ка мне вексель, а иначе я не выпущу тебя отсюда". Я сразу потерялся и говорю: "Делай что хочешь, только не удерживай здесь меня". – "Ну, – говорит, – пойдем к маклеру*". Пришли. Дядя ухитрился так устроить, что написал было вексель в 500 рублей. Оставалось мне только подписать его и в книге расписаться. Но в ту же минуту стали один по одному подходить люди, которых и набралось человек до десятка и которые заняли маклера. Мы ждали-ждали своей очереди и как увидели, что маклер не скоро будет свободен, то и согласились отложить свое дело до другого времени. Дядя пошел домой, а я к сестре и зятю, и рассказал им, что дядюшка намерен со мной сделать. Тогда всем нам вполне открылась его злоумышленность. Между прочим, дяде в это время нужно было по своим делам отлучиться из города, а меня в тот же день, когда мы с ним ходили к маклеру, отыскивали покупатели на дом. Таким образом, дом вскоре мной был продан за наличные деньги, а дня через два они и купчую получили. С деньгами я поспешил в магистрат и немедленно получил увольнение, но все-таки пошел с дядюш-

* Маклер – посредник при заключении сделок. – *Примеч. ред.*

кой проститься. "Куда же ты?" – спросил дядя. "Да опять в Оптину", – отвечал я. "Как в Оптину? А вексель?" Тут я рассказал ему все, то есть как я продал дом и получил увольнение. Он начал меня бранить, проклинать и волосы на себе с досады рвать, а я тотчас за дверь. Потом распрощился со своей сестрой и зятем да и обратно в Оптину к моему святому и прозорливому старцу, который встретил меня такими словами: "Во! Наш Титов уже слетал да браво отхватал". С тех пор я не мог иначе смотреть на своего старца, как на великого угодника Божия».

РАССКАЗЫВАЛ О СЕБЕ КАЛУЖСКОЙ ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ
ДУХОВНИК ИЕРОСХИМОНАХ ЕФРЕМ*

* Скончался
в восьмидесятих
годах XIX столе-
тия.

«Поступил я сначала в молодых летах в число братства Оптиной пустыни, в скит, под руководство старца иеромонаха Леониды. Объятый ревностью к иноческим подвигам, я положил себе в мысли ничего не делать без благословения моего старца, даже (кроме полуденной и вечерней трапезы, когда вместе с пищей предлагается братиям и квас для питья) ничего не пить, а терпеть жажду до тех пор, пока сам прозорливый старец велит и благословит напиться. Так и шло несколько времени. Но вот настало покосное время, когда все свободные братия монастырские и скитские обязаны были выходить с граблями грести сено. Вышел и я. День был очень жаркий, и я сильно от работы утомился. Жажда мучила меня, но я терпел – ничего не пил. Пришел в скит к старцу, сел на лавку и сижу в большом унынии и расслаблении. Старец понял, в чем дело. Отвернувшись на минутку в свою келью, он выносит кусок соленой селедки, подает мне и говорит: „Ешь“. Я как заплачу! „Неразумный! – так начал говорить мне старец. – Разве можно по своему произволу налагать на себя такой обет, чтобы не пить до тех пор, пока я сам

тебе напомню? Можно было бы еще допустить это, если бы мы жили с тобой вдвоем в уединении, да и то по моему совету и благословению. А теперь, видишь, меня окружают сотни людей. Где же мне входить во все такие тонкости всех моих духовных детей? А ты, если захотел напиться, перекрестись с молитвой да и напейся“. Тут он подал мне квасу, и я с жадностью стал глотать его. Смотря на меня, старец не преминул заметить: „У! Что ты, что ты так заспешил? Должно пить со страхом Божиим и с благодарением за поданный тебе от Бога дар“».

ПОСЛЕДНИЙ В ЭТОЙ ГЛАВЕ РАССКАЗ ПОКАЖЕТ,
КАКУЮ ОТЕЧЕСКУЮ ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ ИМЕЛ СТАРЕЦ ЛЕОНИД
О ПРИСНЫХ СВОИХ УЧЕНИКАХ

Летом 1833 года пришел в Оптину двадцатилетний юноша Павел Трунов с меньшим братом своим Симеоном. Родом они были из дворян Курской губернии Щигровского уезда. Получив воспитание в доме своих благочестивых родителей в духе строгого благочестия, они очень стали тяготиться мирской жизнью. Быв определены родителями на службу в Курскую казенную палату, они решились тайно от родителей уйти в монастырь. Не раз посему Павел просил себе отставку, но его от службы не увольняли. Наконец он обратился к Богу с усердной молитвой, чтобы Господь послал ему болезнь. Молитва была услышана. У Павла заболел глаз, и после того его уже не стали удерживать в палате. Таким образом он и получил возможность вместе со своим младшим братом немедленно отправиться к заветной цели. По уходе же их в монастырь родители их сначала погоревали о них, поплакали, даже и сильно поскорбели за их самовольную отлучку, но, узнав, что они поступили в святую обитель на молитвенный подвиг, простили им эту вину. Между тем по прошествии некоторого времени любовь

*Старец Леонид
(в схиме Лев).
Портрет.
Холст, масло.
Худож. С. Афонина
2016 год*

родительская побудила отца их Феодота Саввича написать в Оптину к детям письмо, в котором он убедительно просил, чтобы кто-нибудь из них приехал повидаться с родителями. По благословению старца решено было ехать Павлу. Немедленно он и отправился. Заметим здесь, что Феодот Саввич, как человек благочестивый, любил в часы досуга читать Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского. Как раз перед приездом Павла пришлось ему читать житие святого Николая, Мирликийского чудотворца, положенное в 6-м числе декабря, где, между прочим, рассказывается, как молодой юноша, сын Африкана, взятый в плен персами и служивший в покоех их князя, по молитвам своих родителей внезапно невидимой силой восхищен был из плена и представлен к родителям в персидской одежде и с чашей в руке, наполненной вином, так, как он прислуживал князю. В глубоком раздумье остановился Феодот Саввич над этим сказанием и начал рассуждать: «Как это трогательно! Если бы со мной подобное случилось, я не перенес бы

Монах Павел.

Содержит отъ ответа наъ 1721-го году отъ
року Христ. 1813-го года (и) святаго и
Казанскаго Воеводскаго Оптина Пустыни 1836-
го года Апрель въ 2-е день, на (в)ъспоминаніи
и сегоднемъ, по вѣснотѣи монашества
въ 13-е году, отъ рождѣн. 25-лѣт. и 3-мѣсяцѣи.

Фрагмент рукописи «Краткое описание
жизни монаха Павла Трунова».
Вторая половина XIX века

сего». Но вдруг отворяется дверь и входит Павел в монашеской одежде, которого Феодот Саввич, долго не выдавши, не узнал. Помолившись на святые иконы, незнакомец поклонился Феодоту Саввичу в ноги и сказал: «Здравствуйте, батюшка, я сын ваш Павел». Феодот Саввич как сидел, так и обомлел, и книга выпала из рук его; едва мог прийти в себя от радости, что видит перед собой сына, с которым, думалось ему, уже и не придется видеться в сей временной жизни. Погостивши несколько времени в доме своих родителей, отец Павел возвратился в Оптину.

Ознакомившись теперь, хотя заочно, с Оптиной пустынью, родной брат Феодота Саввича Ермил Саввич, сын

которого Гермоген прежде своих двоюродных братьев поступил в число братства Оптиной пустыни, и сам пожелал посетить эту обитель. А после посещения с каким уважением и благоговением вспоминал он о старце отце Леониде и вообще об Оптиной пустыни! Нередко говорил со слезами: «Ах, вот старец-то! Какой же он прозорливец! Все, бывшее в моей жизни, подробно пересказал мне, как будто сам был очевидным свидетелем всех моих обстоятельств». С того времени он сделался особенно благотворителен и нищелюбив, все долги своим должникам простил, перестал употреблять мясную пищу и до самой

своей кончины через каждые шесть недель приобщался Святых Христовых Таин.

Переведем теперь речь опять на отца Павла. С самого начала поступления в монастырь он всецело предал себя в послушание и руководство старцу отцу Леониду, которому и открывал всегда тревожившие его помыслы. По отношению к братьям монастырским он так был кроток и незлобив, что ни один из них никогда не слышал от него оскорбительного слова, или обидного спора, или ропота на кого-либо и за что-либо. Во все время краткого своего пребывания в обители, несмотря на свою болезненность, неленостно проходил монастырские послушания. Случалось, что некоторые из братий роптали на него и озлобляли его за неуспешность в делах, называя его ленивым, тогда как неуспешность эта происходила от его болезненности и малосилия, а Павел, как агнец незлобивый, или молчал, или только, бывало, скажет: «Виноват! Прости Бога ради, я немощен». Между тем напрасные укоризны болезненно отзывались в его сердце. Часто он со слезами на глазах приходил к своему духовному отцу и наставнику старцу отцу Леониду и перед ним изливал скорбь души своей. А тот говорил ему в утешение: «Терпи, Павел! Ибо сказано в Священном Писании: *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). И время сие таково: *обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще: и праведный правду да творит еще, и святыи да святятся еще* (Откр. 22, 11). Итак, *терпением да течем на предлежащий нам подвиг* (Евр. 12, 1). И Господь сказал: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19)». И другими словами из Священного Писания старец умиротворял смущенную душу Павла, доводя его до неизглаголанной радости, давая ему знать, что все делается с ним по воле Господней для испытания его усердия, что все скорбные случаи должно принимать

как неизреченные милости Божии и что самая болезнь дана ему от Бога, да прославит он имя Его Святое. Старец доводил его таким образом до крайнего самоукорения.

Давно чувствуемая Павлом болезненность была преддверием чахотки. Телом он постепенно таял как свеча, а ум его погружен был во всегдашнюю молитву. Замечательно, что он знал наизусть всю Псалтирь. Почти за год до смерти он всегда говорил: «Ах! Умру скоро; помолитесь за меня, отцы и братия». Наступил 1836 год. Чахотка у Павла обнаружилась во всей силе. Старец Леонид говорил приближенным братиям: «Павел на Святой неделе возьмется от нас». Всю зиму Павел едва бродил, а на 5-й неделе Великого поста уже не вставал с постели и только молился. Почасту призывал своего отца духовного старца Леонид и тогда только бывал покоен, когда беседовал с ним. С сего времени он часто исповедовался. В Лазарево воскресенье был облечен отцом строителем во святой малый образ монашества и неоднократно сообщался Святых Христовых Таин. 2-го апреля, в четверток Светлой недели, во время утрени был особорован, а после обедни снова был сообщен Святых Христовых Таин. После сего старец отец Леонид сказал ему: «Ну, Павел, ты скоро выздоровеешь». – «Знаю, батюшка, – отвечал страдалец, – только не в здешней жизни». Приближался вечер Светлого четвертка. Одр умирающего окружили некоторые из его приближенных. В седьмом часу пополудни он закрыл глаза и заговорил про себя что-то непонятное. В это время старец отец Леонид сам прочитал ему отходную, а Павел взглянул на него с удивлением и потом благодарил его за прочтение. Старец спросил: «Желаешь ли, чтобы я еще к тебе пришел?» Тот ответил: «Я так желаю, чтобы и до самой смерти был при мне!» Сказал он это ясно и громко и с этой минуты совершенно изменился. Затем, вставши, сидел до самой блаженной кончины своей и был в полной памяти. Потом

Глава VIII

попросил находившегося при нем своего двоюродного брата Гермогена положить его на подушку, но едва тот наклонил Павла, он вздохнул и испустил дух. Это было в девять часов вечера. Трикратный удар колокола возвестил монастырской братии о переселении в вечность души Павловой. Братия толпой ринулась к келье новопреставленного, и старец отец Леонид опять сам совершил над ним «Последование по исходе души от тела». Лицо и все тело покойника побелело и было мягко, как у живого. На другой день отец строитель Моисей соборно, в присутствии всей братии, отпевал тело вновь усопшего. Тихо текли у некоторых слезы о разлуке с незабвенным братом, но всякий благодарил Бога, что сподобил усопшего такой мирной христианской кончины, и внутренне желал, чтобы и ему Господь даровал такую же кончину. После двоюродный брат почившего просил старца отца Леонида поведать ему о добродетелях Павла, но старец сказал ему только одно: «Велик Павел у Бога, и Господь прославит его».

Глава IX

*Духовное окормление старцем иеромонахом
Леонидом двух из ближайших к нему учеников —
отца Павла (Тамбовцева) и Алексея Поликарповича
Бочкова, в ответах старца на их вопросы*

Ответы старца отца Леонида на вопросы отца Павла (Тамбовцева)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОТЦЕ ПАВЛЕ

Помещенные здесь вопросы ученика и ответы старца – келейные записки одного из учеников старца отца Леонида, Павла Петровича Тамбовцева. Он был уроженец Курской губернии города Белгорода, сын богатого купца. Образование получил весьма недостаточное по своим природным способностям, но образовал сам себя прилежным чтением Священного Писания и отеческих книг, а более всего советами

и наставлениями старца отца Леонида, занимаясь при нем перепискою творений святых отцов-подвижников и по временам под диктовку старца записывая ответы к многочисленным его духовным детям. На все свои недоумения испрашивал он решения у старца, и отец Леонид отвечал с ясностью и опытностью, отличавшими его пред всеми прочими братьями. А сия опытность была плодом бесчисленных скорбей, им претерпенных, наблюдательности и чрезвычайной памяти, сохранявшей все читанное и слышанное, как о сем было сказано выше. Приходивших старец не изгонял вон, по словеси Христову; а ученикам своим объяснял сокровенные тайны премудрости Божией. Отец Павел (Тамбовцев) был один из пламенных и ревностных воспитанников его, ловивший капли благодати из уст старца, сохранявший их в горячем своем сердце и передавший их своим языком несколько восторженно; но иначе объясняться он не мог, по восторженному настроению своего ума.

Коротка была жизнь этого юноши, которую окончил он на 26-м году (4 августа 1835 года) если не в победе над всеми страстями, то, по крайней мере, в борьбе с ними, низложенный на смертный одр величайшей для него скорбью. Отец его, которого он чрезмерно любил и уважал, сделался самоубийцей. Для верующего христианина что могло быть страшнее мысли, что погибла навсегда душа, ближайшая к нему? Эта мысль, повсюду преследуя юного страдальца, была выше его сил. Сначала он впал в меланхолию от боления духа, потом огонь душевный воспламенил внутренность, и горячка прервала дни его.

В скиту Оптиной пустыни, по чиноположению, денно-нощно отправляется чтение Псалтири в поминовение усопших и о здравии благотворителей. Павел читал однажды в Предтеченской церкви полунощную чреду и, когда начал поминать усопших и творить обычные поклоны,

*Внутренний вид
Иоанно-Предтеченского скита.
Фотография. Начало XX века*

увидел в конце правого клироса собственное свое подобие. Он долго смотрел на это явление; наконец решился подойти к клиросу. Но лишь только дошел до него, видение исчезло, а его объял страх. Павел тотчас вышел из церкви, запер дверь и пошел к старцу; затем, разбудив его, передал ему виденное. Отец Леонид успокоил его и послал дочитывать свою чреду. Это, между прочим, было как бы предвестием его близкой кончины.

Отец Павел скончался в полной памяти во время совершения над ним таинства Елеосвящения. Внимательно смотрел он вверх и, обращая взор свой по сторонам на воздухе, закрывал глаза, содрогался и опять со вниманием смотрел на предмет, которого никто не видел. Только всем заметно было, что он видел врагов своей души, которые возмущали ее в страшный час исхода. Потом смежил очи, перекрестился, вздохнул, и жизнь его угасла. В сей день он исповедался и приобщился Святых Христовых Таин. Вечная память, достоблаженный старец и послушный ученик!

Теперь представим вниманию читателей вопросы этого послушного ученика и богомудрые ответы старца. Каковые ответы, заметим, полезны и всякому, ревнующему о спасении души.

1. Каким образом поступать, когда я, находясь в кругу братии, не могу воздержаться от слов и когда говорю, то кого-либо обижаю словами?

– Должно помнить произносимый Святой Церковью к Богу глас сей: *Положи, Господи, хранение устам моим и дверь ограждения о устнах моих* (Пс. 140, 3). Притом надобно воображать, что те, которые говорят, делают сие в разуме духовном. Они сего достойны, а ты считай себя недостойным разговора с ними; и, когда спросят тебя, отвечай с благоговением.

Когда же увлечешься сему противным, кайся и старайся неотложно исправиться. Должно еще вести себя так, чтобы братия не заметили в тебе твоей отличности в исправлении.

2. Как поступать, когда я вижу в других вольное выражение мыслей и соблазняюсь; равно как и в тебе, отче, иногда, не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь?

– Это тебе кажется так от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать; ибо ты не знаешь, с какой они целью это делают и с какой целью с кем-либо я поступаю. Таковыми поступками скорее обнаруживается внутренний людской характер, и для дышащих презорством это нужно.

Итак, ты несправедлив. Старайся более внимать себе, не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты пришел в училище самоотвержения исполнять повеленное тебе, но не иметь права судить – где, когда и как с кем поступать.

3. Я не вижу в братии любви и для исследования какого-либо предмета из Священного Писания не нахожу собеседников.

– Не может быть, чтобы у них не было любви, – так должно думать и по справедливости заключать. Если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь. Покажи прежде сам истинные черты любви, и тогда увидишь, что любовь у них обитает и к тебе хранится обильно. Притом мы имеем заповедь Божию любить чистосердечно ближних, а искать от них любви – о том нигде не сказано. А что они не могут или, лучше сказать, не дерзают беседовать с тобой от Писания, то ты не должен искать сего с ревностью. Где смирение у них, там и простота, а сия Божественная отрасль не испытывает судеб Божиих; она только верой повинуетя и до времени довольствуется только теми понятиями, которые ей открывает вера. Не будет Бог о том послушника испытывать, почему он не богословствовал, но почему не внимал себе. Бог не оставит их относительно спасения. Если Ему благоугодно будет, то и откроет им тайны Своего смотрения. А разум, просвещенный светом Божиим по мере веры, выше всякого учения, ибо, естественно, разум изобрел учение, а не учение – разум.

4. Почему в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, холодность сердца и недостаток великодушия?

– Весьма редкие в столь короткое время возлетали крилами веры и добродетелей на духовное небо, ощущали в себе нелестные залоги упований, обручение будущей славы. Весьма немногие после непродолжительных трудов ощущали таинственно утешительную награду или цветы искренней деятельности о Господе, обещающие собрание плодов в вышнем вертограде Иисуса Христа. А иные

и во всю жизнь свою на земле не ощущали того и не ощущают, по смотрению Небесного Покровителя – Бога, Который всегда лучше о нас промышляет. Ибо мы, как бы младенцы в рассуждении судеб Мироправителя, нередко у Него просим таких орудий, кои по достоинству своему и силе спасительны, но по нашему неискусству могут быть употреблены нами в совершенный вред. Почему любвеобильный Отец светов скрывает от некоторых благочестивых дары, которые одним спасительны, а других приближают к погибели. Что бы было, если бы Бог Всеведец совершенно исполнял все наши желания? Я думаю, хотя и не утверждаю, что все бы земнородные погибли. Бог хотя и не презирает молитвы избраннейших Своих, но желаний их иногда не исполняет, и единственно для того, чтобы, по Божественному Своему намерению, устроить все лучше.

При сем можно заметить, что живущие без внимания к самим себе никогда не удостоятся посещения благодати; а если по единственной благодати Божией и удостоиваются, то уже перед кончиной. Но видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное неспревание. Таковые чувства могут насаждать в сердце искреннее смирение. А когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся неослабно усиливать стремление к Богу. Когда мы находим себя лишенными добродетелей и потому не имеем о себе мнения, то сие самое может привлекать Божественное призрение, которое укрепит нас надеждой противу смертного духа отчаяния. Когда мы не успели в добродетелях, то нет ближайшего средства ко спасению, как смиренномудрие. Высокомерие и при добродетелях богопротивно; но кроткая мысль пред Богом забвенна не будет.

5. Отчего это возникло, что я к советам вашим потерял веру и благоговение, что назидания ваши перестали

действовать на мое сердце и что все кажется для исполнения неудобным?

– Вера потеряна от подозрительности, благоговение – от дерзости, а недействие назиданий на сердце бывает оттого, что ты слушаешь с некоторым любопытством, считаешь, что я делаю сильные переходы от предмета к предмету и что решаю твои вопросы простыми выражениями.

Оставь любопытство, храни умеренность в дерзновении, веруй, что Бог тобой руководствует в лице других, не высокоумствуй; держись с простотой послушания – и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей. Если же ты благоразумной простоты не имеешь, приобретай оную не доверием к себе, а памятью твоего намерения – зачем пришел в обитель; вспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале посещения твоего сердца Богом, священную измену десницы Вышнего. Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобоисполнимого. Истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким. Если искушения не превышают даров Божиих, то желающий спастись все может силой имени всех укрепляющего Господа Иисуса. И это столь священная истина, что всякий, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится. Для маловерия и пылинки кажется горой; равно как для верующего переставлять горы искушения весьма удобно и легко.

6. Каким образом поступать тогда, когда бываю в кругу первейших обители нашей старцев, которые иногда между собой в разговорах помещают такие происшествия, что, слыша оные, трудно одержать победу над смехом?

– О словах их должно думать так: я не понимаю, по скудоумию моему, на какой конец они говорят это, а не

зная их цели, не должно смеяться. Если же нечаянно и невольно усмехнешься, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства святых отцов, что ничто так не разрывает цепь добродетелей и любви евангельской, как смех и смехотворство. Как обращение скверных мыслей во внутренних чувствах лишает присутствия благодати, так упражнение в смехе и склонность к нему удаляет Ангела Хранителя; добродетели бывают тщетными, будучи сопряжены – каждая с душевными какими-либо пороками, и ограда преспеяния разрушается. И Спаситель мира назначил вечную горесть углубляющимся в смехотворения: *горе вам смеющимся ныне* (Лк. 6, 25).

7. Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем?

– При виде их должно хранить ум и чувства, особенно ничего не говорить без осмотрительности, стараясь скорее удалиться, а при воображении удерживать мысли. Полезно воздержание, а еще вернее – благоразумная умеренность. Но первее всего должно умолять Господа Всемогущего об избавлении от нападений лютейшей сей страсти, ибо человек сам собой никогда ее не искоренит. Но при нашем произволении Бог премилосердый угашает порывы сего пламени.

8. Когда мой ум насильно влекут за собой помыслы сладострастия, как избавиться от нападения их?

– Пойди умом твоим во ад, и чрез зеркало Священного Писания посмотри на плотоугодников. Ужели и ты пожелаешь за временную греха сладость вечной гибели? Помни, что ты смертный. Смиренно проси Бога, яко победителя страстей, да отразит мысленные оные стрелы плоти – сего врага, неукротимо бунтующего против закона

ума и духа; ибо без Вышнего сделать блага не можем ни малейшего.

9. Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими и который также очевидно других братьев оскорбляет, на что взирая и принимая участие в их неудовольствии, более раздражаюсь, не в состоянии быть мирным; а не быть покойным в духе значит носить душевредную тяжесть?

– При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится ко взаимному отмщению, сообрази состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Сей Великого Совета Ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел великодушно величайшие скорби. Не тем ли более должны терпеть горестные случаи мы, люди грешные, достойные наказаний? Мы должны также более и обвинять себя. В сем случае оружием самоосуждения мы будем сражаться с возмутителем духа нашего невидимым филистимлянином, окрадывающим богообразный кивот души нашей. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как оружие, коим Бог устраивает наше спасение.

Таким образом, мы будем почитать обижающих нас благодетелями. И когда начнем приучать себя к самообвинению, тогда не приметно успеем во внутреннем обвинении (себя); тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться в духовном смысле мягким, кротким. Человек соделается вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа почувствует такой мир, которого мы в состо-

янии горести ощущать, или, лучше сказать, вкушать, не можем. Сей-то мир будет просвещать разум подвижника. Заря кротости духовной прострет свои лучи на ум, слово, умное чувство. Тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно. Неудовольствия будут уже казаться радостными и приятными.

10. Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся нечувствию, что должно делать, дабы умягчить себя?

– Должно уединяться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько ослабеют волны нечувствия, тогда изыскивай причину такой хладности. Если возникло от какой-либо страсти, удали оную от себя. А когда сие столь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Вездесущего, да отразит благодатью Своей все причины неверия – злые порождения нечувствия.

11. Каким образом согревается охладевшая душа?

– Словом Божиим, молитвой, смиренным благодарным чувствованием сердца к Богу во всех изменениях не только наружного состояния, но и внутреннего.

12. Ощущая в себе не только склонность, но и самые действия тщеславия и желая от него избавиться, каким образом можно успеть в том?

– Если ты будешь продолжать послушание с откровенностью, если не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волей и выискивать их благоволения к себе, если совершенно повергнешь свое ничтожество перед Богом, то всемогущей благодатью Его можешь со временем избавиться от тщеславия. Сия страсть

от юности до преклонных лет и до самого гроба нередко простирается. Она не только страстных, преуспевающих, но иногда и совершенных преследует, почему и требует немалой осмотрительности. Бесстрастный Творец лишь может искоренить ее. О, сколь трудно избегнуть сего яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей.

13. Когда я читаю книги Священного Писания, то назидательнейшие изречения отмечаю. Должно ли так делать и полезно ли?

* Схимонах
Феодор, о котором
речь была выше.

– Старец мой*, которому, с помощью Всемогущего, повиновался я более 20 лет, мне это запрещал. Назначенные тобой заметки неприметным образом рожают в сердце следы высокоумия, черты пагубнейшей гордости. Это познано из опыта. Когда Бог мира озарит истинным светом память твою, тогда и без замечаний будешь помнить, где о чем писано и на какой конец. Разум, просвещенный благодатью, укажет тебе в Священном Писании все, что нужно для твоего спасения. Ибо Писание, хотя вообще дано нам от Бога как бы некоторое руководство к преспеянию, однако имеет свои разделения. Например: что особенно относится к властям, что – к подчиненным, что – к преклонным в летах, что – к среднему и малому возрастам, что – к инокам, мирским лицам, супругам, девам и прочее. Но ты читай книги просто; проси Всепремудрого, чтобы Он начертал волю Свою святую в душе твоей. А когда ты оную исполнишь со смирением, тогда будешь богомудр и остропамятен о Господе.

14. Видя новонаначального брата в некоторых поступках неосмотрительным или делающим что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его?

– Если ты обязан более внимать себе, если ты не имеешь на то благословения от начальника и признаешь себя

подверженным страстям, то не входи никак в те предметы и случаи, кои до тебя не касаются. Молчи. Всяк своему Господеву стоит или падает. Старайся всемерно сам не быть соблазнителем ближних. *Врачу, изцелися сам* (Лк. 4, 23).

15. На субботу должно ли исполнять келейное правило?

– Должно, исключая праздников и тех дней, в которые бывают бдения. Поклоны должны быть поясные.

16. Если я по случаю отлучки или какого послушания не могу иметь другого времени для келейного правила, как самое позднее, как поступать?

– Если ты, быв в отлучке, изнемог, то успокойся – правило оставь, смиряясь и не смущаясь о том. А когда послушание будет умеренное, постарайся совершить твое правило, и получишь от того немалую пользу. Так, однако же, делай до 10 часов. А когда сие время протечет, то, прочитай со вниманием вечерние молитвы, успокойся, творя молитву Иисусову доколе уснешь, дабы готовее быть к утрне и к продолжению послушания на следующий день, если угодно будет Богу благополучно тебя восставить. Но это должно относиться только к послушникам.

17. Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремлением страстей. Что должно делать для преодоления их?

– Желай, и Бог всемогущий даст тебе по сердцу твоему; ибо начало добродетелей и источник есть расположение, желание добра о Господе. Страсти победить сам собой человек не может. Это дело десницы Вышнего, действие силы Божеской. С нашей стороны должно только непосредственно хранить данное нам от Бога святое произволение и по оному прилагать старание достигнуть в страну

бесстрастия. И Вышний, без сомнения, совершит подвиг желающего. Итак, если желаешь воскреснуть от гроба страстей, то имей о том всегда внимательную мысль, попечение, неуклонную деятельность, ревность. Уповай на Бога, могущего показать силу Свою в немощах наших благодатью Своей, и спасешься.

18. Каким образом избавиться от рассеяния мыслей и в самой молитве?

– Моляся устами, молися и умом, то есть заключаи ум в силу слов молитвы*.

* Просто
сказать: молись
со вниманием,
вникая в каждое
слово молитвы.

Если увлечешься размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, углуби свое внимание в молитву. Всегда поступай так, и ощутишь пользу. Постоянство ума привлекает особенные действия благодати.

19. Сильно одолевает меня лень. Как избавиться от нее?

– Если ты нерешительно будешь сражаться с ленью, то никогда не победишь оной. А коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя не без внутренней болезни, то с помощью Божией можешь одержать победу. Отражать, хотя и быть гониму, есть знак верного и доброго воина; но обращать всегда хребет прилично одному ленивому оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно сего порока, дабы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца: лукавый рабе и ленивый!..

В Писании сказано: «побеждающему», а не победившему; потому что мы без помощи Вышнего не можем одолеть врага совершенно, не можем никогда приобрести над ним никакого перевеса. Только побеждающему дается венец, и только тому, кто выходит на борьбу с твердым на-

мерением вести брань до последнего издыхания и никогда не оставляет оружия в минуту самых ужасных опасностей; будучи даже в невольном плене, не предает сердца своего врагу. Таковой хотя и бывает иногда разбит, никогда не послабляет своего священного рвения, жертвует собой неуклонно с духом надежды и потому успевает и за одно свое намерение венчается как храбрый и достойный небесных почестей.

20. Как избавиться от угнетения духа уныния?

– Вероятно, ты увлекаешься к нему собственной волей. Если оставишь самораспоряжение и будешь начинать всякое дело с благословением Божиим, то с благословением пожнешь мир душевный и прочие плоды Святого Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостного мрака уныния. Свирепейшие волны страстей утихнут. На их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестный мир, которые приосенят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь непрерывное внимание и самонаблюдение, то уподобишься мудрым девам и внидешь в Чертог Бессмертного Жениха. Жених грядет в полунощи. Блюди же, да не отягчишь сердце твое унынием. Дажь славу Господеви Богу твоему, прежде даже не смеркнется. Гряди во имя Господне путем самоотвержения, если желаешь истинно спастись. Уныние преследует всех; даже в великих людях уничтожает спасительные плоды трезвения. Но в простом и истинном послушнике оно не должно иметь места. Кто себя отвергся с упованием на Бога – о чем когда будет унывать? В таковом *врагу оскудѣша ору́жия в конѣц* (Пс. 9, 7).

21. Услышал я о представлении к монашеству некоторых братьев, особенно тех, кои вступили в эту обитель

после меня. Я, равно желая принять ангельский образ и не имея на сие благословения начальника, весьма о том беспокоюсь и сетую, не достигая цели. Каким образом водворить в себе потерянное чрез то спокойствие духа?

– Во-первых, ты должен смиренно и без дальнего рассуждения покориться воле Божией. Решение начальника есть воля Правителя всяческих. Посему, кто не повинуется начальнику, тот не повинуется воле Божией, всем управляющей. А кто не повинуется хотению Божескому, тот горестно подвергает себя удалению благодати, тлетворной печали духа, нестроению, бедствию и всем безрассудным предприятиям. Те, которые прежде тебя представлены к монашеству, вероятно, и должны почитаться достойнее. Желая получить внешний образ ангельского обручения, потщись прежде сделаться внутренним ангелом. Без внутреннего монашества одно наружное не спасет тебя. По намерению твоему и званию подражай по силе жителству древних святых отцов и веруй, что всеми нами управляет всемогущий Бог. Начальника почитай исполнителем святой и прозорливой воли Его, ибо он таинственно носит образ Иисуса Христа. Так веруя, конечно, не будешь безрассудно приступать к начальнику. Да и смеем ли мы на Господа Иисуса Христа иметь возмущенный дух, когда и с ненавидящими мира мы обязаны быть мирными, кроткими, благопокорливыми? Но о сем я более говорить не стану. Если Бог взирает на сердце и произволение и призирает на дела каждого, если Он видит все будущие действия наши и самую кончину жизни, то должно ли сомневаться, что Он, яко Всеблагий, устраивает о нас все лучшее? Бог только восхощет, естество уже и теряет свой порядок; ибо благодать Его сама собой есть, без сомнения, превыше всякой мудрости и сил мира сего. Что Бог предположил, того никакой совет человеческий разрушить не может. Конечно, Богу не угодно, чтоб ты был воспринят

в ангельский чин. Если ты соделаешься его достойным, то будь уверен, что или перед кончиной удостоишься оного, или по разрешении от тела от ангелов будешь представлен ко Господу в чине иноческом. Это истинно. И если ты имеешь в душе сколько-нибудь веры, превышающей разум, то можешь сие принять. Но если ты такой веры не имеешь, потщися веровать и со святым апостолом Петром взывай: Господи, *приложѣ* ми *вѣру* (см.: Лк. 17, 5).

Бог зрит на произволение. Возьми в пример блаженную Таисию, которая, бывши непотребной женщиной, мгновенно, посредством одного решительного самоотвержения, сделалась совершенной инокиней. Когда она возымела произволение быть единственно рабой Бога и с непоколебимостью предала сердце свое водительству Иисуса Христа и когда в такой решительности постигла ее на пути чувственная смерть, тогда спутник ее, преподобный Иоанн, обративший ее помощью Вышнего от стезей разврата на спасительный путь покаяния, к величайшему удивлению увидел чистой душой, как ангелы восхитили в неприступный свет примиренную с Богом душу Таисии. Она еще не достигла пустыни, не знала, в чем состоит жизнь иноческая, не была облечена в вожденный ей образ оный, но, посредством обращения к Богу и презрения самой себя, мгновенно удостоилась премилосердного суда Господня и переселения в нерукотворенные Божии обители. Не совершенной ли она посему соделалась инокиней? Тайной воле Всевысочайшего Милосердия угодно было прекратить дни ее в минуту решительного произволения; и вот один благой помысл ее венчается наравне с самым делом. *Сѣрдце сокрушѣнно и смиренѣнно Бог не уничижит* (Пс. 50, 18). Если ты желаешь иметь на сие еще яснейшее доказательство, то посмотри очами смирения и веры на того послушника, который за благое произволение и достойную жизнь тотчас по погребении облечен

был ангелами в схиму, что мы видим в истории печерских святых отцов. Но увы тому схимнику, с которого суд Божий определил снять нынешний образ в доказательство внутреннего его бесплодия!

Если и ты облечешь себя о Христе во образ внутреннего инок, то не беспокойся много о внешнем образе, хотя и непогрешительно желать сего. Сердцеведец, всегда лучшее о нас строящий, по мере твоей веры и дел, Ему угодных, устроит о тебе. Вспомни о преподобном Пимене Многоболезненном. Множество окажется монахов единственно по произволению, хотя они в здешнем мире не могли, по судьбам Мироправителя, быть постриженными от рук смертных. Преподобная Пелагия лишь только получила просвещение, познала истинную веру, как пожелала принести плоды, достойные покаяния. Крепостью неописанных подвигов соделалась она преподобной, хотя и не была облечена в мантию от человеков. Мантия означает тесноту, обещание вольной нищеты, чистоты, послушания и смирения монашеского жития; но мантия внутреннего облачения, предопределенная от Вышнего в награду вечную на небесах, есть священнейшее возложение одежды Святого Духа.

22. Должно ли верить снам, которые (по-видимому) живо представляют будущность?

– Не должно, хотя бы они в своем роде и действительны были; ибо чрез вероятие снов многие прельстились. Любомудрый старец Феостирикт, сочинивший Параклис Пресвятой Богородице, вверившись снам, наконец так прельстился, что погиб. Посему тот весьма искусен, кто не верит и живейшим представлениям.

23. Что же знаменует следующий виденный мной сон и заключает ли он в себе что-либо достойное вероятия?

Может быть, он не заслуживает внимания, но я обязан открыть его старцу.

Вижу я внезапно свет, столь лучезарный, что он много превышал свет солнечный. Из этого лучезарного сияния выходил голос громкий и нежный, приказывавший как бы подчиненным существам: «Возьмите его (то есть меня) на крест». С сими словами (не знаю кто) меня взяли и, сняв одежды, повлекли как бы умственно на крест, который мне живо представлялся и, казалось мне, был сделан из приятного желтого строевого дерева, достаточный, чтобы меня на оном крестообразно распростереть. Но кто со мной так поступал? Смотря на все стороны, ничего другого я не мог приметить, как только шум и самую скорую деятельность. Когда меня подняли на крест, то действующие говорили тихо, но внятно: «Подавайте гвозди». Предложены были четыре гвоздя, каждый не менее как в четверть аршина; и тогда начали мне прибивать одним из них правую руку ко кресту. Здесь я ощущал величайшую боль, хотя и желал в душе своей быть распятым. Имея такие желания сердца, от боли я, однако, поколебался в духе и едва не выразил голосом ощущаемого страдания, но с помощью Божией, не знаю, как-то удержался. Когда же мне вонзен был гвоздь, то спустя несколько минут я почувствовал облегчение боли и потом уже почти не ощущал ее. Затем подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его в левую мою руку. Здесь хотя я и ощущал боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третий гвоздь, которым назначено было прибить ко кресту правую мою ногу. Видя, как этот гвоздь был устремлен на меня, я поколебался в духе и хотел воскликнуть: «Помилуйте!» Но, будучи удержан изнеможением собственного духа, ощутив свой недостаток в терпении, за коим, однако ж, следовало в сердце большее первого желание

претерпеть, я обратился умом своим ко Всемогущему Богу, имея в душе неизъяснимую уверенность в том, что Он мне поможет. С такой надеждой я мысленно просил Бога об укреплении; трепетал, желал претерпеть и боялся неустойки, сообразной слабости непостоянного моего духа. Действительно, милосердый Господь хотя и дал мне ощутить ужасную боль во всем моем составе, но по милосердию Своему удивительно укрепил меня. Вонзили гвоздь. В духе я весьма ослабел, однако ж, невольно вынеся боль, я скоро начал чувствовать облегчение, потом умеренную болезнь, или лучше – одну слабость. Подали четвертый гвоздь и с необыкновенным стремлением вонзили мне в левую ногу, так что я не успел ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, что от ощущаемой слабости. Но боль в то время была средняя, так что, казалось, можно бы стерпеть. Несколько времени спустя вторично возгремел от превыспренного света громкий голос, гораздо яснее первого, но все сопровождаемый духом любви, нежности и благоволения: «Вонзите ему (как бы указуя на меня духовным перстом) в самое сердце гвоздь!» Услышав такое определение и зная свою слабость, я крайне возмутился. Решительность моя поколебалась; тучи страшных мыслей отяготели надо мной. Мое сердце то горело желанием, то приходило от страха в оцепенение. Наконец решительность посвятить себя на терпение взяла перевес. Все смутные мысли рассеялись, и ум мой воспарил к Богу с молитвою о помощи. После сего, как бы ощутив в своем сердце обещание от Господа подать мне помощь, с некоторым трепетом, но вместе с любовью и признательностию к сильному имени Сердцеведца, Который болей есть сердца и весть вся, приготовился выдержать действие страшного приговора, излетевшего из недр невидимого гласа. (Все это делалось так скоро, что нужно более времени не только описать,

но и пересказать словами.) Подали пятый гвоздь, который прямо приближался против моего сердца. Судя по величине, он мог насквозь пронзить меня, и, кажется, еще осталось бы с обеих сторон более полуаршина. Пока гвоздь еще приближался к моей груди, я находился готовым в надежде на силу Божию. А как только совершенно приблизился, то я вдруг изменил свое намерение и хотел было воскликнуть: «Помилуйте! За что это?» Мне казалось, что как только исполнится определение, я лишусь жизни от безмерной болезни. Начали забивать гвоздь против самого сердца как будто молотами. Я почувствовал необыкновенную, столь нестерпимую боль, что дух мой был сражен совершенно. Душа, как будто собрав в себя пораженные слабые силы, оставила меня без чувств на кресте и, излетев из тела, держама была несколько минут каким-то невидимым и неизъяснимым существом. Глаза мои и омертвели, и закатились. Голова склонилась, не упомяну на какую сторону.

Ужасное было зрелище! Душа была во мне, но, казалось, вне тела. Вскоре, впрочем, начало и мне казаться, что я только чрезмерно изнемог, но душа моя во мне. Болезнь стала умеряться, и вдруг не стало слышно и следов ее.

Мгновенно открылись глаза мои; но я ничего более не ощущал, кроме того, что я на кресте. Сердце мое бедное восхищено было и преисполнено толикой сладостью, что того неизобразимого веселия ни тысяща великих умов, ни сам я, испытавший, выразить не в состоянии. Сладость эта, думаю, есть чаша предложения сладостей премирных от пресладкого Мироправителя, Господа нашего Иисуса Христа. Ему только свойственно иметь такого рода стамну манны и по непостижимой тайне милосердия Его даровать смертным. Но что я начинаю говорить, безумный, о том, что выразить всей жизни моей недостаточно!

Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно, и тогда пламенеющие в мирном духе глаза мои опустились вниз. Я видел себя всего в крови, пригвожденного на кресте. Сладость восхитила мой дух, в сердце остались следы какого-то изумления, которое меня и пробудило от сна.

Теперь первый час после полуночи. Вот я пришел немедленно к вам. Удивляюсь, недоумеваю, радуюсь и ужасаюсь. Трепещет сердце мое без боязни от следов сладости и удивления. Скажите мне, что значит этот необыкновенный сон?

– Преподобный Варсонофий Великий пишет, что Самого Иисуса Христа Господа, ангела и другое лицо бесы могут представить не только во сне, но и наяву: обыче бо сатана преображатиcя во а́нгела свѣтла (см.: 2 Кор. 11, 14). Но Креста Господня, на силу которого, как поет Святая Церковь, «диáвол не смѣетъ взира́ти, трепѣщетъ бо и трясѣтся, не могій взира́ти на си́лу егѡ», – он представить не может. Итак, крест, виденный тобой во сне, предзнаменует величайшую какую-либо скорбь, а сладость – заступление. Чем ты готовее будешь, тем и легче можешь переносить, *я́ко уготови́хся и не смутѣхся*, восклицает святой Давид. Если же ты поколебался в скорби, держись правила: *смято́хся и не глаго́лах* (Пс. 76, 5). Если же скорбь твоя чрезмерна, помни следующее: *терпя́ потерпѣ́хъ Го́спода, и внят ми* (Пс. 39, 2). Убо воля Господня да будет! Иди, не беспокойся. Верен Бог!

Спустя несколько после виденного мной сна, известясь о несчастной насильственной кончине отца моего, я спросил старца:

– Я чувствую, что сон мой был предвестник настоящей, неизгладимой скорби, хотя относить его к сему предмету не смею. Несчастная кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест, виденный мной. Да, я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мной в гроб. Воображая об ужасной для грешников вечности, в которой нет уже покаяния, я мучаюсь представлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя, без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?

– Вручай как себя, так и участь родителя воле Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышнего судьб. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней.

– Но каким образом молиться о таковых?

– По духу добродетельных и мудрых так: *«Взыщй, Гбсподи, погйбшую дшшу отцá моего; áще возмóжно есть, помíлуй. Неисслéдимы судьбý Твою. Не поста́ви мне во грех сей мо́литвы моéй. Но да будет святáя во́ля Твоя»**.

Молись же просто, без испытания, предавая сердце свое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего. Но ныне он совершенно в воле Могущего и душу, и тело ввергнуть в пещь огненную, Который смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит. Притом Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшей благостью – ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно. Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благодати и милосердию Бога, Который если соблаговолит помиловать, то кто может противиться Ему?

* Эту молитву предлагал в свое время и старец иеросхимонах Амвросий, кроме подобных описанному случаю, тем православным христианам, которые спрашивали его: можно ли и как молиться за умерших католиков и протестантов, как близких почему-либо к ним лиц.

**Ответы старца отца Леонида на вопросы Алексея
Поликарповича Бочкова, впоследствии Антония,
игумена Черемнецкого монастыря**

1. Что такое осуждение и почему отцы применяют осуждающего к антихристу?

– Осуждение есть, когда ты, видя или зная грех или порок брата твоего, говоришь от сердца: «Он, по моему мнению, достоин или муки, или казни, или болезни». Тогда ты становишься якобы судия ближнего и хочешь воссесть на Престол Единого Судии – Христа; потому за гордое безумие твое ты и применяешься ко антихристу. Иное есть зло-

речие и оглаголение, но это еще не осуждение. Ино есть соблазн, когда невольно, по естественному чувству, душа соблазняется на постыдное дело или слово. Молчание отцов, занимавшихся внутренним деланием, не знало грехов ближнего, а видело только одно свое падение.

Черемнецкий Иоанно-Богословский
монастырь. Рисунок игумена Антония.
1864 год

2. Могу ли я на исповеди говорить о согрешившем со мной в слове или в деле?

– Разве ты хочешь каяться за него? Если он не хочет сознаться в своем грехе, говори только о своем: согреших злословием, или страстными разглазательствами, или чем-либо от таковых.

3. Могу ли я предложить брату принести покаяние старцу в соделанном вместе словесном грехе?

(Старец улыбнулся.)

– Слишком велико твое рачение о спасении брата твоего. Думаю, что помолиться лучше, чтобы Господь Сам то ему внушил.

4. Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснить их кратким общим словом, что воспоминание о них сквернит уста и помыслы. Так ли это?

– Это так. Отцы были опытнее нас в душевных делах. Но каждому человеку различное правило. Иной старец может бесстрастно и безвредно выслушать твое исповедание. Да и ты, положим, можешь не очень страстно и с сокрушением исповедоваться подробно и, ко смирению твоему, посрамить себя, потому и подробное исповедание (хотя и редко) бывает на пользу. Но, видно, старцы знали великое милосердие Божие, не желающее крайнего пристыждения нашего, потому и заблагорассудили исповедание худых помыслов сократить. Иногда тебе диавол внушит их, и ты будешь являть не свои помыслы, а его навевание, и он поругается тебе во благом. Иногда и старец, не очень твердый, не выведет помыслы твои из уха своего сердечного.

*Иеромонах
Антоний
(Бочков).
Фрагмент
групповой
фотографии.
1860-е годы*

5. Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости лучше умалчивать?

– Каков старец. Лучше умалчивать о подробностях помыслов, а сказать только вообще, что были хульные помыслы на вас. Диавол иногда хочет поругать и похулить твоими устами старца; а ты потетишь диавола, ставши его передатчиком. Если же старец опытен, то он,

Житие оптинского старца Льва

не злобясь, тебе это разъяснит; а если малосилен, то возмутится, особливо если такая брань твоя будет продолжительна. Старец может отринуть тебя за твою и свою неопытность. Обличение старца редко Господь попускает сделать младшему, хотя мы должны возлюбить обличающих нас.

6. Как же узнать: какие помыслы собственно наши и какие – от противного?

– Мне сказывал один коневский пустынник, что, занимаясь немалое время умным вниманием, он не мог отличить свои помыслы от вражеских. Враг, увлекая мысль твою на что-либо, не говорит тебе: «Иди сделай то и то», а как будто думает за тебя и говорит тебе мыслью твоей: «Мне хочется сделать то и то; я полагаю, что это полезно, а это вредно; я решился на то и то». И все это частенько не твои, а вражеские помыслы, прикрытые твоим или его я.

Черемнецкий
Иоанно-
Богословский
монастырь.
Литография.
1856 год

Глава IX

Ты полагаешь, что это твои мысли. Нет, ты только слушаешь вражеские внушения*.

* Внимающим своему спасению наставление это особенно должно помнить.

7. Некоторые священники-богословы требуют тончайшего исповедания для очищения души.

– Оставим их, это их дело. А могут ли они свои правила выполнить, например, если исповедников у иного 500 в три часа?

8. Всем ли дается умная молитва?

– Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцов, или мгновенно Божиим сверлом.

9. Некоторые знаемые мной отцы имеют великую любовь к Матери Божией и хвалятся тем. Мне сомнительно в них такое усердие.

– Да! Кто выставляет на вид свое ублажение, в тех сомнительно. Иногда мы хвалимся и нашими молениями, а между тем далеки от Царицы Небесной. Матерь Божию восхвалим Ее добродетелями – чистотой, смирением, а не нашим велехвалением.

10. Какие книги святых отцов лучше читать: Лествичника, Исаака Сирина или аввы Варсонофия?

– Слова святых деяньми читай.

11. Что скажете об акафистах, которыми иные переполняют свои правила?

– Слова акафиста кто понимает так, как их песнописец, и вникает в каждое их слово, тот и в акафисте

молит или хвалит не без ума. Только бы он не приписал себе и своему уму чужие труды и чужие слова, псалмы или гимны – мы только их чтецы. Еще не все прочетшие Псалтирь – Давиды, и не все прочетшие каноны – Дамаскины. Лучше простое, всем нам близкое мытарево моление.

12. Как легче спастись? Каким путем? Я о себе только спрашиваю.

– Вообрази, что Господь Иисус Христос ходит по земле со всей Своей простотой человеческой и евангельской. Ходя при Нем, был ли бы ты лучше, нежели теперь?

Подумавши, я отвечал старцу:

– Полагаю, что остался бы по-прежнему, без особенной благодати Божией. Мало ли было следовавших Христу и отпавших?

Вопрос старца:

– А чем наипаче привлекается благодать Божия?

Ученик:

– Не ведаю, батюшка.

Старец:

– Если бы ты был яко апостолы простосердечен, то не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы не лицемерствуя, – этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен. А этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души – вот что приятно смиренному сердцем Господу. Аще не будете яко дѣти, не внідите в Царствие Божіе (см.: Мф. 18, 3).

13. Отчего я досажую на приходящих к вам, на их глупости, на их невежество, хоть и знаю, что многие пользуются вами*?

* Многих вы окормляете.

*Петропавловская
церковь
скита Николо-
Угreshского
монастыря
и могила
игумена Антония.
Фотография.
Начало
XX века*

– Оттого, что сердце твое не сокрушенно. Кто болит любовью к ближнему, тот мало замечает их глупости, а молит Господа со страхом, да внушится, что сказать ближнему на пользу, и дело совета исполняет благоговейно, яко дело Божие. Иногда и после молитвы не находишь ответа полезного. Тут устыждаешься и окаяваешь самого себя. При таком чувстве собственного недостойнства не до глупостей человеческих. Готов всякому сказать: помолися обо мне, рабе Божий.

14. Отчего я вас иногда так люблю, как вот теперь (при этом у меня были слезы на глазах и голос дрожал), а иногда на вас досажую за множество к вам приходящих и стужающих вам?

– Поймешь ли ты меня? Оттого, что ты еще не монах, а мимоходящий, еще не оторвался от мира. Ты на лету хочешь схватить мои слова, мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, целованье батюшкина плеча или руки. А я при отце Феодоре был к нему без

* Часто употреблявшееся старцем слово.

** Анатолія – настоятельница Борисовской пустыни, необыкновенной доброты и теплого сердца женщина. Аркадія – настоятельница Севского монастыря, которую и по виду, и по достоинству старец как бы шутил называл царицею.

фанатизма*, мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением. Посмотри на игуменью Анатолію и мать Аркадію**. Они не завидуют приходящим ко мне, готовы уступить всякому свое время и место, а между тем любят меня более твоего, потому что слова мои исполняют делом. Когда-то Господь и тебя совсем освободит от мира? Может быть, и ты возлюбишь ближнего своего, яко сам себя. Не желаю тебе и после того Тавифина устройства. (Упоминаемая мать Тавифа жила в Борисовской девичьей пустыни Курской губернии и была не только строгая по жизни монахиня, но и бойкая старица, принимала участие в других и многих наставляла. Но сама была восторженного настроения духа и искала высокого в духовной жизни, не презревши еще вполне человеческой славы и не очистивши себя и от других страстей; недостатки же других судила строго, вероятно, по недостатку собственного смирения. Хотя и много была вразумляема старцами, но не оставляла неправильного своего стремления и восторженного настроения; чрез что и впала в прелесть вражью и скончалась в помешательстве ума или в полупомешательстве.)

Слова же старца отцу Антонию, что, может быть, и он возлюбит ближнего своего, яко сам себя, сбылись более 30 лет спустя после кончины отца Леонида. Отец игумен Антоній (Бочков), отказавшись от настоятельства в Черемнецком монастыре, в 1871 году поместился в скиту Николо-Угрешского монастыря, близ Москвы. В этом году в Москве стала усиливаться холера, и потому просили угрешского настоятеля прислать в Москву иеромонахов в помощь московским священникам для напутствования больных и умирающих и для отпевания умерших. Тогда отец Антоній сам изъявил желание посвятить себя этому делу человеколюбия и в начале 1872 года перешел в московскую больницу чернорабочих, где для него была

Глава IX

устроена особая келья. В продолжение двух месяцев семидесятилетний старец-игумен ежедневно исповедовал многих больных и приобщал Святых Христовых Таин, и сам каждый день приобщался; также соборовал человека по три в день и, случалось, человек по шести в день отпевал умерших, в зимнее время в холодной часовне. Исполняя все это, отец Антоний говорил о себе, что во всю свою жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время. Наконец 17 марта, в день бывшего своего тезоименитства, на память Алексия, человека Божия, сам заболел тифом и 5 апреля скончался. Похоронен в Николо-Угрешском монастыре.

Глава X

*Гонение на старца отца Леонида 1835–1836 годов.
Перевод его из скита в монастырь. Посещение
Оптиной пустыни Киевским митрополитом Филаретом
(Амфитеатовым) с благими последствиями как для
старца, так и вообще для обители. Неоднократные
запрещения и разрешения старцу принимать
посетителей. Важные причины этих приемов*

Так проводил богомудрый старец Леонид дни среди присных своих учеников, различными способами вразумляя и наставляя их на путь спасения. Упомянутое же выше в обители смущение, как сказано, поуспокоилось. Некоторые из недовольных братий выходили из обители; между тем как новых учеников старца все более и более прибывало и влияние его в Оптиной пустыни, таким образом, все более и более укреплялось.

Но все еще оставалась в монастыре часть монахов, которые таили в сердцах своих недовольство против старца

и не могли смотреть на дело его спокойными глазами. Один из таких недовольных был скитский схимник отец Вассиан. По происхождению он был из крепостных крестьян некоей помещицы по фамилии Филатьева, в имении которой был старостой, но по времени вдовым отпущен с дочерью на волю; а затем монах и схимонах, скитский старожил. Был он человек малограмотный, читать Псалтирь мог, а писать не умел. В отношении же жизни духовной его иначе нельзя обрисовать, как назвав, по монастырскому выражению, монахом внешним. В скиту он проводил самую суровую жизнь. В пищу употреблял (может быть, не всегда) пареную траву – снить, которая, простоявши у него несколько дней в горшке, протухала, обратившись в совершенный навоз. Вспоминал о сем один монастырский монах, современник отца Вассиана хлебник отец Иван: «Приду, бывало, навестить отца Вассиана, а он и начнет угощать меня протухлой сниткой. Вынет из горшка травинку и скажет: „Ну-ка, рабе Божий, на-ка покушай“. Я возьму в рот, пожую, пожую, но проглотить никак не могу, так и выплуну. „Плох же ты, рабе Божий“, – заметит отец Вассиан. Сам же он, бывало, свободно ее кушает». Кроме сего ежегодно он первую и последнюю седмицу Великого поста проводил совсем без пищи. А два раза в жизни поревновал провести без пищи по 40 дней. Спал где придется, иногда на голой земле.

Конечно, все это хорошо, но только должно заметить, что подвиги эти – внешние; а есть еще внутренние, несравненно более важные иноческие подвиги, именно: заботливость об очищении сердца от страстей бесчестия, скрытой гордости, тонкого тщеславия, гнева, памятозлобия, осуждения ближних и прочего. Насколько отец Вассиан преуспевал в них, мы судить не можем. По крайней мере, известно, что старец Леонид не одобрял его подвижничества. Так он в 1836 году писал о нем своим духовным

Святитель
Филарет
(Амфи-
театров),
митрополит
Киевский.
Литография.
Вторая
половина
XIX века

детям: «А об В-не пусть думают, как кому угодно, и ублажают его высокое жительство; но мы ко оному веры не имамы и не желаем, дабы кто следовал таковой его высоте, не приносящей плода. *От плод бо их*, сказано, *познаёте их* (Мф. 7, 16). А плод духовный есть: любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание и прочее. Сожалея о нем, желаем ему прийти в познание истины».

Что отец Вассиан полагал дело спасения более во внешности, могут подтверждать еще такие случаи. Придавал он своей схиме, или, вернее сказать, схимническому облачению, такое важное значение, что, обращаясь к кому-либо из близко знакомых монахов и указывая на свою схиму, имел обыкновение так говорить: «Трепещут схимы бесы, трепещут, рабе Божий». Вместе с тем он занят был мыслью, что будто он основал скит, так как он по летам и по поступлению в обитель был старше других, полагавших начало скиту, и вместе с ними много трудился при очистке места для скита от вековых деревьев, вырезая их и вырывая корни собственными руками. Должно еще принять во внимание то, что отец Вассиан коротко был известен митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову) и пользовался его благосклонностью. Это потому, что когда митрополит Филарет был епископом в Калуге, то ежегодно приезжал на несколько дней в оптинский скит, который и основан по его мысли и указанию. Всегдашнее святое свойство сего владыки было поприветствовать простого человека-старожила (каков и был едва ли в то время не единственный в скиту отец

Вассиан) и выслушать от него события из простого быта людей. Владыка сей сам и в схиму его постриг.

Пока в Калуге епископствовал расположенный к старцу Леониду преосвященный Никанор, братия в Оптиной пустыни жили довольно спокойно. Но скоро по распоряжению высшего начальства последовала перемена: Никанор переведен был из Калуги в другую епархию, а на место его прибыл преосвященный Николай, и дела в обители приняли иной оборот.

Отцу Вассиану, как было известно, очень не нравилось то, что к старцу отцу Леониду приходило много народа не только из монашествующих обоего пола, но и из мирских лиц также обоего пола. Прибытие старца с учениками в скит представлялось отцу Вассиану наплывом нечистой силы, а старца Леонида и его учеников он не иначе называл, как по имени «лянидовщина». В сильном расстройстве духа он так иногда жаловался окружавшим его: «Я вот и скит заводил, а меня-то и знать никто не хочет, а у него-то ишь сколько народу-то! Да вишь это... колдовство. Я эту арынь* „лянидовшину“ разгоню».

Так, думается, говорил отец Вассиан, надеясь в сем деле более на помощь Киевского митрополита Филарета. Притихшие было на время нерасположенные к старцу, а вместе и к отцу настоятелю Моисею братия воспользовались этой слабой стороной и простоватостью отца Вассиана и решились иметь его в своих руках как орудие для выполнения своих тайных замыслов. В числе этих нерасположенных были вышеупомянутый господин Брюзгин

*Николай
(Соколов),
епископ
Калужский
и Боровский.
Литография.
Вторая
половина
XIX века*

* Корень сего слова, как и слова «арячина», есть «арь» (см. примечание в VIII главе)

и некоторые подначальные священнослужители, присылавшиеся консисторией в Оптину пустынь для исправления. Они всячески возбуждали недовольного схимника жаловаться на старца Леонида новому владыке и с его согласия и от его имени неоднократно писали к преосвященному доношения, в которых выставлялась, конечно, ложь. Многолюдное стечение народа к старцу представлялось ими зазорным и нарушающим скитское безмолвие, несмотря на то, что посетители приходили не прямо в скит, а на пасеку, которая отделена была от скита, как и теперь, высокой стеной, где и находилась келья старца отца Леонида, куда и вход снаружи был совершенно отдельный, и, следовательно, никому из скитян помехи от сего не было. Замечательно, что почти все восстававшие против старца братия впоследствии не могли найти покоя в Оптиной пустыни и разбрелись по разным монастырям, а некоторые из них имели даже тяжкую кончину.

Поначалу преосвященный Николай письменные доношения от имени отца Вассиана оставлял без особенного внимания. Но, Богу попускающе, а исконному врагу диаволу действующу, зло пошло далее. Противники старца отца Леонида составили на него и на отца Моисея ложный донос и подослали его преосвященному от неизвестного лица. В то же время и в народе рассеивались несправедливые слухи об отце Леониде, большей частью такими людьми, которые сами его вовсе не знали и не видали, или такими, которые, слыша восторженные отзывы о старце от людей, получивших от него духовную пользу, и не имея их веры, приходили уже с предубеждением и пытливостью, говоря с презорством: «Пойдем посмотрим, что там за святой такой». Весьма естественно, что такие вместо назидания соблазнялись и разносили на старца укоризны за то, чем другие пользовались. Наконец, были и такие лица, которые смешивали таинство Исповеди с духовным окормле-

нием и потому с негодованием смотрели на то, что народ во множестве стекался к старцу-иноку за духовными советами, каждый толкуя о сем по-своему. Это было тогда не только в Оптиной пустыни, но и во всей Калужской епархии, а может быть, и в целой России, как выше упомянуто, еще новостью. А того, что в древности было в Церкви Христовой, многие не знали, то есть что во все времена христианства преуспевшие в духовной жизни иноки-старцы не отказывались быть духовными руководителями прибегавших к ним с верой¹. Люди, которые забыли это, а вернее, не знали этого, и вообще многие не понимавшие духовной деятельности старца всюду рассеивали невыгодные о нем мнения.

¹ Из числа великих пустынножителей и преподобных отцов немногие по примеру Арсения Великого и преподобного Феодора Фермейского до конца своей жизни по возможности избегали обязанности учить других и уклонялись (впрочем, только отчасти, а не совершенно) от тех, кои обращались к ним за духовными советами. Большая же часть преподобных отцов следовала примеру основателя монашества Антония Великого, который, проведши 35 лет в подвижнических трудах и безмолвии, потом сделался, по выражению святого Афанасия Великого, благим врачом для всего Египта, то есть духовным руководителем и наставником всех прибегавших к нему иноков и мирян. Даже святые столпники, после долгого удаления от мира и после подвижничества в уединении, конец своей жизни посвящали на служение страждущему человечеству, не отвергая никого, кто к ним обращался за духовным врачеванием.

В монастырях египетских принимались не только приходящие монахи и клирики, но и миряне, и женщины, для приема коих устроены были особые помещения. По уставу Пахомия Великого, основателя иноческого общежития, предписывалось иметь особое попечение о женщинах, как более немощных и более нуждающихся в духовном окормлении. Кроме того, Пахомий Великий в недалеком расстоянии от Тавенского монастыря устроил женский монастырь, который управлялся его сестрою, но вместе с тем находился под собственным его духовным руководством. То же делал и святой Василий Великий.

Преподобный Исидор Пелусиот, ревнуя о благосостоянии всей Православной Церкви и о душевной пользе всех христиан, писал поучительные письма (по словам Никифора Каллиста, числом до 10 000) к лицам всех состояний и сословий – от императора до простого воина, от патриарха и епископов до чтецов и простых иноков.

Преосвященный, желая утолить молву, а может быть, и опасаясь, как бы не получить какой-либо неприятности от усилившихся неблагоприятных слухов, приказал перевести старца отца Леонида со скитской пасеки в монастырь и запретить вход к нему мирским людям обоего пола. Исполняя волю архипастыря, по неимению в монастыре свободной и удобной кельи, перевели старца в ноябре 1835 года в одну из келий, находящихся внутри скита. Но скоро последовало настоятельное предписание, невзирая ни на что, переместить отца Леонида в монастырь. Это было 2 февраля 1836 года. Значит, старец пробыл по переходе из прежней своей кельи на пасеке в новую, внутри скита, только месяца три.

Перемещение это, как и последующие, о которых сказано будет в своем месте, старец принимал очень великодушно, нисколько не тревожась ими. Бывало, когда объявят ему повеление начальства перевести его в другое помещение, он возьмет на руки известную Владимирскую икону Божией Матери – благословение своего дорогого и незабвенного отца, схимонаха Феодора, громко запоет: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу» – и пойдет в указанную ему келью. Поставив святую икону на приличном месте и помолившись перед нею, тут же сядет, ни о чем не заботясь и как будто ничего с ним не было, и продолжает свое дело – плетет пояски и принимает братию. Между тем близкие к нему ученики вслед за своим старцем понесут – кто книги, кто другие его незатейливые вещи. Так он просто водворялся в новом своем жилище. Он даже и не считал себя в таких случаях притесняемым. «Вы, по своей неограниченной благорасположенности, – писал он одному духовному сыну, – возмалодушествовали о моем положении и ошибкой сочли яко притесняемого; но я почитаю себя спокойным от сих мнимых неприятностей... Я в том уверен, что ничего не может со мной после-

довать, чего не попустит Бог: а когда что угодно послать Ему за грехи мои, должен принимать с покорностью, ибо от руки Его никуда не избежим...» «Ежели бы все говорили обо мне с похвалой, – писал старец к другому лицу, – то горе бы мне было, по словам Самого Спасителя: Горе, егда рекът вам вси челове́цы до́бре (см.: Лк. 6, 26). Истинно Господь творит вся к пользе нашей; а без Него и влас главы нашей не погибнет. Что же касается до усердствующих к моей худости и по вере их пользующихся, не скуден Господь и ныне даровать всякому достойному и ищущему утешения, как чрез пастырей, поставленных Духом Святым, так и особенно сокровенными рабы Своими. Только дабы ищущие пользы и утешения в своих скорбях и недоумениях были предуготованы верой и расположением к исполнению заповедей Господних и постановлений церковных и со смирением искали бы и принимали советы в простоте сердца. Я со своей стороны благодарю Господа, чувствую в совести моей спокойствие и нимало переходом моим не отягощаюсь».

Так благодушествовал старец при переводах его из кельи в келью, и в частности теперь, при переводе его из скита в монастырь. Но не таково было настроение душ приближенных к старцу скитских братий. С сетованием и со слезами проводили они его из скита в монастырь, как едиnodушная семья, у которой отнимали родного отца и руководителя. Не менее прискорбно было приводить в исполнение эти меры и настоятелю обители отцу Моисею и брату его скитоначальнику отцу Антонию, которые, как говорится, поставлены были между двух огней: должны были покориться воле преосвященного и между тем понимали, какая от этого должна была последовать нравственная утрата, зная притом невинность старца и его равноангельное житие. Что же сказать о многочисленных посетителях и духовных детях старца – о тех мирянах,

Преподобный Моисей (Путилов).

Неизвестный художник.

Третья четверть XIX века

которые имели в нем скорого разрешителя недоумений и сомнений, подпору в нуждах, опытного наставника в духовных бранях и обстоятельствах и скорого утешителя в скорбях, которым теперь доступ к старцу был воспрещен? Их печаль была неизобразима.

Так как по многочисленности в монастыре братий все удобные кельи были заняты, то пришлось поместить старца в мезонин одного корпуса с очень крутой для восхода лестницей, весьма неудобной для дряхлого старца. «Когда я однажды, – сказывал киево-печерский иеросхимонах

Антоний, бывший в то время скитский послушник и ученик старца брат Александр, – когда я однажды заметил было батюшке это неудобство, он с веселым духом и видом сказал: „Экой ты чудака, Саша-Алексаша! Ты посмотри-ка, тепло-то как! Просто покатывайся с боку на бок. А ты говоришь – неудобно. Да по мне хоть бы на колокольню поместили, только бы тепло было“. Так всегда благодушествовал старец. Вместе со старцем в это время перешли из скита в монастырь монах Макарий (Грузинов) и послушник Григорий Лавров, близкий к старцу.

Этим искушение для отца Леонида все-таки еще не окончилось. Кроме вышеупомянутых ложных доношений Калужский преосвященный получил еще через московскую тайную полицию безымянный донос, в котором повторялись разные обвинения на старца, а вместе

и на оптинского настоятеля. В доносе этом, между прочим, говорилось, что настоятель несправедливо оказывает скитским старцам предпочтение перед живущими в монастыре, что скит причиняет монастырю во всем большой подрыв и если он не уничтожится, то древняя обитель чрез него придет в упадок и разорение, и тому подобное. Вследствие этого доноса от оптинского настоятеля потребовались объяснения. А старцу отцу Леониду, так как он пострижен был в схиму келейно, без консисторского указа, преосвященным Калужским

запрещено было открыто носить схиму и вместе с тем строго подтверждено было запрещение принимать мирских посетителей. По словам упомянутого иеросхимонаха Антония, владыка Николай даже открыто готовил старцу дорогу в Соловецкий монастырь, если бы не заступился за него давно расположенный к нему Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), бывший в то время членом Святейшего Синода.

Дивны дела всеблагого Промысла Божия, всегда готового избавлять от напастей верных рабов Своих! Как раз к тому самому времени, когда старец находился в стесненном положении, устроилось посещение Оптиной пустыни высокопреосвященнейшим Киевским митрополитом Филаретом. Об этом во многих отношениях интересном случае передадим более подробный рассказ со слов иеро-

Преподобный Антоний (Путилов).

Неизвестный художник.

Третья четверть XIX века

схимонаха Антония. В 1837 году (то есть на другой год после перевода старца отца Леонида из скита в монастырь) разнесся слух, что на место умершего Киевского митрополита Евгения назначен Казанский в то время архиепископ Филарет, бывший некогда Калужским епископом, которому Оптина пустынь обязана своим восстановлением. К довершению сего в своем роде утешительного для Оптиной пустыни события отец настоятель получил известие, что митрополит Филарет проездом из Санкт-Петербурга на киевскую паству непременно будет в Оптиной. Подтвердил эту правду лично и господин Брюзгин, уверяя, что и он готовится принять в свой дом в городе Козельске великого, достойно всеми почитаемого иерарха. Схимник отец Вассиан тоже ожидал приезда владыки митрополита, но со своей особенной целью. Ему хотелось поведать митрополиту о всех, по его мнению, беспорядках и нововведениях в обители, чтобы достигнуть своей заветной цели – разогнать «лянидовшину». Подстрекаемый к тому своими сообщниками, противниками старца и старчества, он в самый день приезда митрополита отправился для встречи его на перевоз через реку Жиздру, под село Прыски*. Время было вечернее. Вот находившиеся по ту сторону реки экипажи подъехали к перевозу. Митрополит и сопровождавший его Калужский епископ Николай вышли из своих экипажей и вместе с прочими сопровождавшими высокого гостя вошли на паром, который тотчас и потянулся на монастырскую сторону и скоро переплыл неширокую речку. Но вот с монастырского берега раздается голос: «Владыка, благослови!» Митрополит: «Кто это?» Получается ответ: «Схимник Вассиан, старый твой знакомый. Помнишь?» – «Помню, помню. Зачем же ты здесь?» – «Тебя встретить, владыка, и дорóгой побеседовать с тобой». – «А что ж, и все братия здесь?» – «Нет, владыка, я один». – «А что же ты, с благословения своего настоятеля делаешь

* В то время, к которому относится рассказ, перевоз чрез реку Жиздру был не под монастырем, как теперь, а под селом Прыски.

мне исключительную встречу?» – «А что мне у него благословляться, он *ишишо молат*». – «Ах ты самочинник! Ты как схимник должен быть в своей келье и там меня встретить, если буду, а не буду – должен с благословения настоятеля со мной видаться». Так при первой встрече с митрополитом отец Вассиан потерпел неудачу. Вышедши на берег, оба владыки сели в экипажи и поехали в монастырь.

Стемнело. С монастырской колокольни раздался сначала звон в один колокол, а затем и трезвон, когда святители подъезжали к монастырю. Все братия собрались у подъезда святых ворот и торжественно сопровождали в Казанскую церковь двух иерархов – своего епархиального и высокого посетителя, который в это время преиуществовал и всех от первого до последнего благословлял в храме Божиим с радостной улыбкой, повторяя несколько раз: «Монахов множество... монахов множество». Весьма приятно было его монахолюбивому сердцу видеть многочисленный собор иноков. Ибо, отъезжая из Калужской епархии, он оставил Оптину с малочисленным братством. В ней было монашествующих около четырех десятков, а теперь пред его глазами было в пять раз больше.

Оканчивая благословение, митрополит обратился к отцу настоятелю Моисею и спросил: «А где же старец отец Леонид? Я его не вижу». – «Да он принял ваше благословение, – ответил отец Моисей, – и отправился

Почтовая
открытка.
Начало
XX века

в свою келью». – «О нет! Попросите его ко мне! Я сейчас хочу с ним видеться». Между тем, преподавши всем благословение, владыка митрополит вышел из церкви и лишь только подошел к крыльцу настоятельских келий, как отец Моисей представил ему старца: «Ваше высокопреосвященство, – старец отец Леонид!» – «Ах, отец Леонид! – так милостиво-любовно начал речь свою милостивый Филарет. – Вот где Господь благословил нам в жизни сей видеться. Слава Богу! Я счастлив, что вижу вас». Старец хотел было поклониться ему в ноги, но митрополит не допустил, с приятной улыбкой сказав: «Куда нам с тобой кланяться? Теперь не до поклонов – прошло то цветущее время». И так они вошли в настоятельские кельи. Отец Леонид уклонился было в толпу стоявших здесь братий, но высокий гость, поздоровавшись со всеми передовыми, опять обращается: «Отец Леонид! Где же вы?» – взял его за руку, посадил с собой на диван и не отпускал от себя во все время чаепития и ужина, ведя с ним оживленный разговор. Более тридцати лет (1804–1837 годы) прошло с того времени, как они были и жили в дружеских отношениях; было о чем вспомнить и поговорить.

Между прочим заметив, что на отце Леониде не было ничего из схимнического одеяния, митрополит спросил: «Что вы, отец Леонид, не в схиме?» Старец шутиливо ответил: «Да я носил, да струсил». Сидевший тут же преосвященный Николай возразил: «Его пострижение было келейное, так, вероятно, отец Леонид в келье носит же схиму». При сем старец тотчас же показал под рясой своей принадлежащий схимнику великий параман. «Да, это все хорошо, – продолжал митрополит и тут же, обратившись к преосвященному Николаю, прибавил: – Пусть отец Леонид с вашего благословения носит схиму, и, как должно по указу, открыто». С тех пор старец уже до конца жизни своей невозбранно носил, как и прежде, по

обычаю молдавских монастырей, схимнический великий параман нитяной (некоторыми неправильно называемый аналавом).

В это время митрополит отлучился на несколько минут в другую комнату. Воспользовавшись этим случаем, преосвященный Николай подошел к сидевшему на диване старцу. Старец встал. Владыка начинает его журить: «Ишь ты, уселся тут и разговорился! Великий человек! Приличия не знаешь». – «Да что же мне делать-то? – отвечал старец. – Я сейчас уйду». Владыка: «Не смей». Но митрополит возвратился, и все стихло.

В следующее утро митрополит выслушал Божественную литургию в скиту и потом побывал во всех кельях, посещая, как отец чад своих, начиная от начальника, до последнего послушника, и каждого из них приветствовал несколькими словами. Был и в той келье, где жил прежде старец отец Леонид. Зашел и к схимнику отцу Вассиану. «Ну, вот я в твоей келье», – промолвил митрополит. Отец Вассиан только начал было выражать свои жалобы: «Моисей... Лянид...» Но митрополит не стал и слушать, а только сказал: «Живи спокойно да благодари Бога». С тем и удалился от него. Опять схимника постигла неудача.

На последней дорожке к святым воротам митрополит в последний раз обернулся к церкви, окинул взором весь скит, помолился на храм Божий и сказал сопровождавшим его скитянам: «Ну, простите, братия». Все они поклонились ему до земли. «Пропойте же, – прибавил он, – „Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дѣво“». С умилением сердечным пропели они сей догматик и тем завершили прощание со своим дорогим отцом и великим благодетелем, также и в монастыре митрополит прощался со всеми братьями и в особенности со старцем отцом Леонидом, прощался навсегда, оказывая ему пред всеми великую отеческую любовь. Впоследствии старец так писал одному своему

Иоанно-
Предтеченский
скит.
Литография.
Последняя
четверть
XIX века

духовному сыну: «Высокопреосвященнейший осчастливил своим посещением нашу пустынь и подкрепил особенным своим благословением души наши. А благодетели наши, видя сие, весьма были обезоружены и теперь стали, кажется, мало-помалу приучаться к некоторому смирению. А как высокопреосвященнейший, видевши Оптину пустынь, остался доволен, это, кажется, и описать трудно».

Из Оптиной митрополит Филарет отправился в город Козельск. Его сопровождал до города по обычаю преосвященный Николай, который на ночлег возвратился в монастырь. На следующий день после литургии так же торжественно провожали братия и своего епархиального владыку, который в это время не благословлял всех поодиночке, а только всех осенил общим архиерейским благословением.

Посещение Оптиной пустыни Киевским митрополитом и внимание, оказанное им оптинскому настоятелю и старцу, имели для обители благотворные последствия, так как преосвященный Николай стал несколько менее доверять толкам старцевых недоброжелателей. Однако в этот раз он сурово отнесся к отцу Леониду. Когда старец

подошел к владыке принять благословение, он проговорил: «А ты, дерзкий старичишка, так осмелился занять митрополита!» – «Да что же мне было делать? – ответил старец. – Ведь он сам для сего меня вызвал. Это все видели. Да и вы, святой владыко, сами видели это». – «Видел! Ну видел; а ты не хотел видеть, что здесь ваш епархиальный архиерей, и при всех кощунничаешь». – «Будьте милостивы, преосвященнейший владыко! Здесь не было ни места, ни времени для кощунства. Да притом же я хорошо знаю, что это великий грех». – «Замолчи, а то я тебя упрячу...» – «Ваша власть», – ответил старец. Противники торжествовали, а почему, и сами того не знали. Для учеников же старцевых в то время были горькие минуты. Но сам великодушный старец в спокойном духе возвратился в свою келью и их же должен был утешать, смущенных таким поступком архипастыря.

Несмотря, однако, на такое грозное замечание владыки, по времени стеснительное положение старца, по видимому, стало несколько улучшаться. Для успокоения его еще летом 1836 года проживавший в монастыре благочестивый помещик Алексей Иванович Желябужский выстроил особый деревянный корпус, в котором определил для себя и для старца помещения, каждое в четыре комнаты. Этот незабвенный благотворитель Оптиной пустыни был духовно привержен к отцу Леониду и им любим взаимно. Они всегда вместе читывали Божественное Писание и отправляли молитвенные правила с помощью келейников старца и некоторых других братий, приходивших к нему для вопрошения о своих помыслах. В этот новоустроенный со всеми удобствами корпус старец и перешел в свое время. Запрещение же принимать народ все еще тяготело над ним.

Заметим здесь, что корпус, о котором сейчас говорено было, стоит около восточных монастырских ворот,

* Подвал.

ведущих в скит. Сзади его, против окон, дровяник, где отец Леонид, будучи свободен от приема посетителей, по временам рубил мелкие дрова легоньким топором. Под корпусом – выход*, а к ведущим в скит воротам – заборик со створчатой калиткой, которую на время запрещения наглухо забивали. Однажды во время такого запрещения было большое стечение разного народа, так что наполнены были посетителями обе гостиницы; и все ждали удобного случая видетсья со старцем, целыми толпами толпясь у забитой калитки.

Среди этого разнородного люда была здесь одна послушница Севского монастыря, родом смоленская помещица. Просидев несколько дней безнадежно у калитки старцевого корпуса, она заглянула потом в наружное окно выхода, из которого был проход на дворик к самому заднему крыльцу. Окна и двери здесь еще не были приготовлены. Она смекнула, что можно через окно спуститься в выход – стоило только сделать маленький прыжок – и далее через дверь выйти на дворик. Недолго думая, она в виду всех удачно это исполнила и очутилась со слезами у ног старца, бывшего в то время на дворике. По ее примеру и стоявшие тут посетители один за другим стали прыгать в окно.

Мгновенно разнеслась весть, что к старцу открылся доступ. Народ широкой волной приливал к калитке с гостиниц и из церкви от поздней литургии. Не успел еще старец хорошо расспросить севскую послушницу об ее обстоятельствах, как уже келья старца и дворик переполнились народом до тесноты. Началась давка. Каждый сквозь толпу старался пробраться к старцевым ногам. Старец зовет келейных: «Яша! Гриша! Кто отворил калитку?» Но калитка оставалась забитой. Узнал об этом настоятель отец Моисей и сам поспешил к старцевой келье. Видит, что в этой суматохе восстановить порядок невозможно никоим образом, и потому приказал отворить калитку, дабы

*Вид на Оптину
пустынь
со стороны
реки Жиздры.
Фотография.
Последняя
четверть
XIX века*

избавить народ от тесноты и давки. Но за это же самое не-
благоволительно и даже насмешливо отнесся к нему пре-
освященный Николай, когда узнал о сем.

Сам старец по своей любви к страждущему человече-
ству не мог отказывать приходившим к нему посетителям,
каким бы образом ни случилось это посещение. Но когда
начальство запрещало ему прием, он не только не смущал-
ся и не скорбел о сем, но даже и рад был несколько успо-
коиться от своих трудов. Ему было тогда уже 68 лет, и сла-
бость телесная очень давала ему себя чувствовать. Так он
писал в 1836 году одному своему знакомому: «О себе и о
своих обстоятельствах честь вашу уведомляю, что я, слава
премилосердому Господу Богу, поколь грехам моим долго-
терпящему, нахожусь еще в живых и в той же келье, но
сношение с приезжающими на гостиную мне прекращено.
И ежели откровенно вам сказать, хотя бы и было позво-
лено, но слабость и дряхлость моя, кажется, не имеет сил,
чтобы жаждущих удовлетворить, поелику телесные мои
силы истощились. Соображая таковое наше положение,

покорнейше вас прошу: святую обитель не отревай, а о моем положении объяснить, чтобы не надеялись в мнимом своем доверии от меня, окаянного, какую пользу получить. Даже во вчерашний день вот какое событие случилось: одна благонамеренная особа, знакомая настоятелю и мне, недостойному, упросила настоятеля, дабы в его кельях свидание со мной возыметь и о чем нужно переговорить. Но я расслаблен был. Хотя и боролся с силами послушание исполнить и оную особу удовлетворить, но никак не мог пойти, – осталась без удовольствия». Иногда старец, желая во исполнение воли преосвященного уклониться от посетителей, даже уезжал на время из Оптиной пустыни в Тихонову. «Обстоятельства и значительный приход людей усердствующих, – писал он в другой раз тому же лицу, – едва ли позволят мне остаться, но должно хоть на время выехать. Аще Господь восхощет и жив буду, намереваюсь. Но теперь только, слава премилосердому Господу Богу, начальствующими взяты строгие меры: ворота позаперты и калитки позабиты. Только надолго ли сей покой продлится мой?» Впрочем, в Тихонову пустынь старец ездил и по другим причинам, о коих сказано будет дальше.

Как старец писал, так действительно и выходило. При всем своем желании исполнить волю начальства он ненадолго мог уклоняться от приема посетителей, ибо вскоре являлись лица, которые, приехав в обитель для совещания с отцом Леонидом и не быв к нему допущены, обращались к настоятелю, объясняли ему свои душевные нужды, ради которых желали видеть старца, и убедительно просили не лишать их духовной помощи. Настоятель, как муж духовный, не мог отказывать таким посетителям в их крайних нуждах и сам иногда приводил их к старцу. А когда он на это не решался, то, случалось, посетители эти обращались к самому преосвященному, который, будучи убежден их слезными мольбами, наконец разрешал отцу Леониду принять их. Но

старец, приняв присланных от владыки или тех, коих приводил к нему настоятель, каждый раз после сего отворял двери для всех, говоря: «Если не принимать, так никого не принимать, а если принимать, так уж всех принимать».

Таким образом, запрещение принимать народ предписывалось старцу отцу Леониду неоднократно, и каждый раз, повинаясь воле владыки, он прекращал прием, но при удобном случае опять начинал принимать. За такой образ действий старец подвергался многим нареканиям со стороны противников. Даже некоторые духовные высокопоставленные особы, знавшие его, видели в нем самочиние и желание учить¹. Но отец Леонид, как истинный

¹ Гонение, воздвигнутое на старца Леонида ради его служения страждущему человечеству, напоминает древнее житие преподобного Авраамия Смоленского, о котором святитель Димитрий Ростовский так повествует: «Многие не только из иноков, но и из мирян, нарочно из разных мест приходили к нему, чтобы слышать из уст его душеполезные наставления. Ненавидящий же добро диавол, не терпя видеть бываемую пользу от угодника Божия, воздвигнул на него гонение, возбудив в некоторых черноризцах зависть и ненависть к нему. Но незлобивый раб Господень все то с кротостию и смирением терпел; от своего же дела не переставал, а продолжал приходящих к нему учить и утешать благодатию Христовою. Игумен, подстрекаемый отчасти черноризцами, отчасти же невидимым врагом, запрещал блаженному учить, говоря: „Вот ты привлек к себе весь народ и гордишься, и тщеславишься, что ты книжен и учитель и лучше нас; но перестань учить; я за тебя буду отвечать Богу“. Так игумен, запрещая Авраамия с гневом, отгонял приходящих к нему пользы ради и много оскорблял раба Господня, заграждая источник благодати, истекающий из уст его, и наконец с бесчестьем выгнал из монастыря. Тогда раб Христов Авраамий перешел в Смоленск и начал жить в другом монастыре, но и там не оставлял своего дела, ибо и туда еще более начали приходить к нему люди для духовного назидания».

Также и в жизнеописании преподобного Серафима Саровского читаем, что однажды отец игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему, что братия по строгости своего подвижничества не одобряли отца Серафима, что он принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания. Говорил же так отец игумен Нифонт единственно потому, что братия соблазнялись, а сам он глубоко любил и уважал старца Серафима. Выслушав слова отца игумена, старец упал ему в ноги и дал мудрый и спасительный ответ: не предаваться на будущее время ложным внушениям и не принимать от братий всякого

делатель заповедей Христовых, не обращал внимания на препятствия человеческие. Думаем, что, присмотревшись ближе к его деятельности, и порицатели его стали бы иначе судить о нем. Припомним, с чего началось валаамское гонение на него и на старца его схимонаха отца Феодора. Оно началось с того, что отец Евдоким, бывший ученик валаамского настоятеля, томимый тоской и отчаянием и помышлявший уже о самоубийстве, обратился за духовной помощью к этим старцам. Могли ли они из-за каких-либо человеческих опасений отказать ему в помощи, когда он находился в такой страшной беде? Но подобных случаев бывало очень много. Порицателям же старца Леонида, без сомнения, и на мысль не приходило, какие были душевные нужды прибегавших к нему за советами.

Так, однажды отец игумен Моисей, проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед кельей старца, между тем как недавно последовало из Калуги повеление никого не пускать к нему. Отец игумен вошел к старцу в келью и сказал: «Отец Леонид! Как же вы принимаете народ? Ведь владыка запретил принимать». Вместо ответа старец отпустил тех, с кем занимался, и велел келейникам своим внести к себе калеку, который в это время лежал у дверей его кельи. Они принесли его и положили перед ним. Отец игумен с недоумением смотрел на это. «Вот, – начал старец свою речь, – посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены телесные поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то и то, и за все это он теперь страдает, – он живой в аду. Но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего

слова на ближнего без рассуждения. «Ты пастырь, – говорил он, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно и посох, как бич, для всех страшен». Отец игумен убедился этими словами старца и дал свое согласие на то, чтобы отец Серафим не изменял образа своей жизни и по-прежнему продолжал всех принимать к себе ради их душевной пользы.

Глава X

раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принять? Что вы на это скажете?» Слушая отца Леонида и смотря на лежавшего пред ним страдальца, отец игумен содрогнулся. «Но преосвященный, – промолвил он, – грозит послать вас под начал». – «Ну так что ж? – ответил старец. – Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, а кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?»

Отец игумен Моисей ничего не мог на это возразить и молча удалился, предоставляя старцу жить и действовать, как укажет ему Сам Бог.

Глава XI

*Общение старца отца Леонида со скитом по переходе его в монастырь. Назначение одного из его учеников отца Геронтия настоятелем Калужской Тихоновой пустыни. Посещения сей обители старцем отцом Леонидом и его беседа с раскольниками.
Скорби старца в Тихоновой пустыни*

По переходе старца отца Леонида из скита в монастырь духовная его связь со скитянами не была порвана. Старец не переставал являть свою любовь к скиту и скитским братьям. По субботам и воскресным дням он всегда приходил, а в последние годы, когда по болезни не мог приходить, приезжал к скитской церковной службе. После обедни заходил в келью скитоначальника – сначала отца Антония, а потом отца Макария. Туда же собирались и прочие скитские отцы для духовной беседы со своим духовным наставником. А иногда и бывшие у обедни мирские лица из дворян и купцов, зайдя на

чашку чая к начальнику скита и застав у него духовную беседу, становились слушателями и участниками ее к душевной своей пользе. Со своей стороны, и скитяне часто ходили к старцу в монастырь. Отец Макарий посещал его ежедневно: то приходил за советами по должности духовника, то приносил к подписи старца приготовленные по его приказанию письма, на которых он обыкновенно подписывался вместе с ним. Также часто навещал отца Леонида (до 1839 года) скитоначальник отец Антоний, который всегда был с ним в искренних дружелюбных отношениях и нередко пользовался откровенной беседой старца. И все прочие скитские братья оставались к нему приверженными с сыновнею любовью, как к своему духовному наставнику, и не переставали ходить к нему для уврачевания душевных немощей и разрешения недоумений.

Заметим, что откровение помыслов старцам или, в женских монастырях, старицам приносит великую душевную пользу открывающимся, но только под условием, если оно будет совершаться должным порядком. О сем довольно ясно сказано было выше, в III главе «О старчестве», где показано, что требуется от относящихся к старцу и что от самого старца. Вот пример несмирненного откровения ученика, а вместе и достойного вразумления старца Леонида.

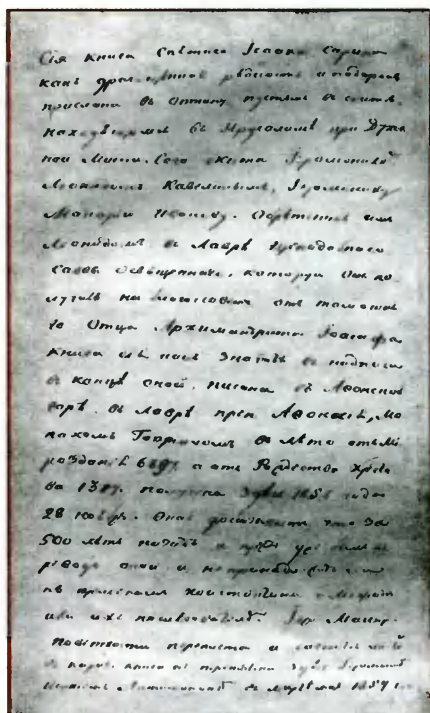
«Когда батюшку перевели в монастырь, – так рассказывает о себе скитский брат Александр (впоследствии киево-печерский иеросхимонах Антоний), – и жил он в старом корпусе в мезонине, я уж был в скиту главным поваром. Помощником же у меня был отец И., равных со мной лет, и так как он был мне несколько сродни, то батюшка в шутку называл его сватом. Грамоте он не умел и просил у старца благословения, чтобы я учил его грамоте, хотя и сам-то я был грамотей-самоучка. Значит, на моей стороне были все преимущества. Я воображал, что он и по послушанию

мне подчиненный, да и во многом обязан мне по снисхождению к нему с моей стороны. При всем том он нанес мне какое-то обыденное оскорбление, и это меня сильно забрало. Кончивши свое дневное послушание, пошел я в монастырь к старцу открыть свои помыслы. Кстати, в виде жалобы, с сознанием своей невинности, объяснил ему и нанесенную мне помощником моим обиду. Батюшка в это время плел поясок и, как будто углубленный в свою работу, молчал. Наконец он проговорил: „Ну, кончил“. Я повторил свою жалобу. На это батюшка ответил мне только: „Ну, хорошо, убирайся“, – и благословил меня на прощанье. Лишь только отворил я дверь, дабы уйти от старца, смотрю – и помощник мой тут же у двери дожидается моего выхода. Я тотчас обращаюсь к старцу: „Батюшка! Вот и сват пришел“. Старец: „Э, брат, что вы там?“ Тот пал перед старцем на колени и стал просить прощения. Старец: „А скажи-ка ты, в чем прощения просишь?“ Он начал в своем проступке сознаваться, а я ему подсказываю и обличаю его пред старцем в несправедливости и притом говорю: „Вот как чистосердечно должно исповедовать свои помыслы пред старцем, как святой Симеон Новый Богослов пишет“. Смотря на нас как на двух недорослей – одного совсем безграмотного, а другого – плохого грамотея, старец сказал: „Ну, ребята, оба вы хороши. Однако убирайтесь от меня. Кстати, в мою келью и лестница-то крутая. Я и сам по ней едва поднимаюсь. Да, пожалуй, и вовсе не ходите ко мне. У вас своего ума много, что хуже всякого безумия. Убирайтесь!“ Сколько оба мы ни упрашивали батюшку простить нас и тут же перед ним между собой примирились, – не тут-то было. Старец сказал только: „Это мир скороспелый, к завтраму он и протухнет; одно – идите, а там посмотрим“».

Неизвестно, насколько оправдывался при откровении помощник повара, хотя, вероятно, было не без того;

однако, так как он все-таки раскаивался и просил у старца прощения и с поваром, по возможности, примирился, потому, должно быть, и покойнее был в совести. А повару досталось потерпеть за его несмирное откровение и самооправдание, от которого никоим образом не может быть успокоения совести и мира душевного.

«Возвратившись в свою келью, – продолжает свой рассказ брат Александр, – я одумался, насколько я забылся пред старцем и как много еще во мне базарной площадной удали; и потому от помыслов смущения и недоумения наставшая ночь протянулась для меня в целый год. Утро и обед мне, по послушанию повара, необходимо было быть на своем месте. Дождавшись же вечера, я стремглав побежал в монастырь к старцу, который встретил меня словами: „Ну что, Саша-Алексаша?“ Говорю: „Да вот, батюшка, не покоен я. Простите Бога ради. Ведь это дело-то вот так и так было“. Старец: „Вот спасибо, что сказал; а я сдуруто и не понял. Теперь буду знать; а ты иди-ка отсюда. А то завтра еще правило проспишь“. Сколько тут слез пролито было мной, так как от старца не слышно было ни привета, ни ответа. Но батюшка в своих действиях оставался непоколебим. Завтра кончилось тем же, то есть – иди да убирайся. И так продолжалось около недели. От смущения и смятения душевного я начал изнемогать и наконец говорю старцу: „Вы, батюшка, совсем меня от себя отгоняете“. Старец: „Нет-нет; с чего это ты взял?“ – „Да вот, батюшка, силы мои изнемогли, я все непокоен“. – „А почему же ты непокоен?“ – „Ишь, вы мне ничего не разъясните, а между тем все провожаете из кельи, от чего возрастает во мне душевная удава и начинает ослабевать во мне к вам доверие; а это угрожает мне ужасным последствием“. Старец: „Это я знаю, потому что эту азбуку сам учил“. – „Так что же вы мне, батюшка, не скажете ничего, даже и в таком случае, когда я смертельно изнемогаю?“ – „А что же ты меня не

Запись-автограф старца
Макария (1859 год) к рукописи
«Слова постнические
преподобного Исаака Сирина».
1389 год. Афон

спросишь? А, напротив, еще представляешь свое мудрование, – только слушай. Что ж такому навязывать вразумления, которые он и с жадностью схватит, но не для назидания своей души, а к приращению только своего голого знания, при чем наиболее увеличивается в человеке надменность и презрение к людям простым и незнающим; при случае же появляется и желание лишним словечком показать из себя выскочку или употребить оное в кошуны. Что не дорого досталось, того и не слишком жаль“. – „Да как же это, батюшка? Неужели вообще наука надмевает человека до такой степени повреждения? А я так уважаю науку, что не нахожу в моем воображении лучшего предмета сравнить с оной и подчас скорблю, что состою невеждой“. – „Это что хорошо, то хорошо; и навсегда оставайся при таком убеждении. А вместо того, чтобы

скорбеть о своем невежестве, учись доброй жизни самым делом. Это от тебя еще не ушло“. – „Да вот, батюшка, вы запрещаете мне читать Добротолюбие“. – „Будет на это свое время и потребность. А ты схватил несколько слов из Симеона Нового Богослова да и кудахчешь, как курица с яйцом. А как вот эти дни помяли твои нравственные ребра, так теперь ты помягче будешь“. Таковые и другие подобные им милостивые слова любимого старца тут же вливали в мою исстрадавшуюся душу живительную силу, обучая вместе с тем и опытности в жизни духовной».

Слова
постнические
преподобного
Исаака Сирина.
1389 год.
Афон. Лавра
преподобного
Афанасия
Великого.
Полуустав. Писец
монах Гавриил

Затем брат Александр рассказывает, как он, отставленный от поварского послушания, жил на пасеке, в том самом корпусе, где и старец отец Леонид жил, и притом в той келье, где помещалась старцева библиотека, состоявшая, как можно думать, по большей части из рукописных святоотеческих книг, от которой старец велел и ключ ему отдать. При всем том ключарь не имел права брать и читать книги по своему усмотрению, а только по указанию и благословению старцев Леонида и Макария. Так он читал преподобных Варсонофия и Иоанна «Руководство к духовной жизни». А книги святого Исаака Сирина и преподобного Феодора Студита «Огласительные слова» отец Макарий дал ему списывать полууставом*. Кроме того, ему назначено было послушание, по случаю летнего времени, ежедневно ходить в монастырь вместе с другими шпаклевать Введенский храм под живопись. Вследствие

* В то время все эти книги еще не были в печати.

сего он имел возможность каждый день ходить к старцу отцу Леониду чай пить, а иногда и за келейника самовар ставить, – что составляло для него великое удовольствие. Вечером же, по окончании в храме работы, он опять заходил к старцу для откровения помыслов и, тут же выслушав вечернее правило, возвращался в свою скитскую келью, где с жадностью занимался чтением творений святых отцов. А старец отец Леонид при личном свидании многое ему разъяснял, преподавал уроки благочестия, а вместе и рассказывал кое-что из своего быта; также и отец Макарий – из своей жизни. Это время брат Александр называл единственными во всей его жизни золотыми днями.

Но, как известно, все земное, временное – ненадежно, непрочно, непостоянно. Скоро и для брата Александра прекратились золотые дни. Потому, может быть, старец и утешал его частыми с ним беседами, что предвидел скорую с ним разлуку и имевшие постигнуть его скорби.

Давно уже оптинский отец настоятель Моисей занят был, для расширения главного в монастыре Введенского храма, пристройкой к нему двух приделов с северной и южной стороны. К осени 1837 года оба эти приделы доканчивались. Освятить придел с южной стороны во имя святителя и чудотворца Николая преосвященный Калужский Николай сам изъявил свое желание, что и совершил 5 сентября того же года, посвятив при этом строителя отца Моисея в сан игумена. В это же время, по указанию отца настоятеля, владыка назначил строителем в Калужскую Тихонову пустынь, пришедшую в совершенный упадок, одного из учеников старца Леонида отца Геронтия. Сколько он пред владыкой ни отказывался от настоятельства, представляя свое бессилие, болезненность и другие причины неспособности, однако через несколько времени в силу полученного указа отец Моисей,

будучи в это время благочинным калужских монастырей, должен был лично сдать новому отцу настоятелю пришедшую в упадок обитель, и отец Геронтий невольно должен был расстаться с Оптиной. Но хотя новый настоятель и принял в свое управление монастырь и хотя поневоле остался там на житьельство, однако вздумал во что бы то ни было упорствовать. Часто он являлся к преосвященному и просил уволить его от настоятельской должности. Так прошла остальная часть сентября и весь октябрь. Наконец в начале ноября отец Геронтий получил письмо от настояте-

ля Сергиевской пустыни Петербургской губернии архимандрита Игнатия (бывшего Димитрия Александровича Брянчанинова), которому хорошо были известны как старец отец Леонид, так и все его обстоятельства. Таков был смысл этого письма: если отец Геронтий будет далее упорствовать, то вся вина за это обрушится на его старца отца Леонида; тогда и владыка в этом не погрешит. Несмотря на это предостережение, отец Геронтий еще обратился к преосвященному со своей докучливой просьбой, но тотчас же и получил от него подтверждение написанного к нему отцом архимандритом Игнатием. Владыка выразился так: «Вот чему вас учит знаменитый ваш старец! Не покоряться власти, от Бога же учиненной. Против сего я вынужден буду принять меры». Услышал тут же отец Геронтий и еще много такого, чего и не хотел бы

*Архимандрит Игнатий
(Брянчанинов). Портрет.
Середина XIX века*

слышать о своем старце, которому, нужно заметить, предан был всей душой. Тогда уже он, сознавши свою вину, вполне расположился на волю архипастыря, который, будучи удовлетворен его послушанием, промолвил: «Ну, давно бы так-то». Здесь же отец Геронтий просил у владыки помощи и содействия касательно возможного улучшения вверенной ему бедной обители.

Из Калуги новый отец строитель направился в Оптину, где тоже по его делу и с таким же предостережением получено было письмо от отца архимандрита Игнатия и от Алексея Поликарповича Бочкова, находившегося в то время в Петербурге. Иметь должно в виду, что отец Геронтий действительно был человек больной и притом весьма вспыльчивый и опрометчивый. И потому когда он явился в Оптину с целью взять с собой в Тихонову пустынь кого-либо из оптинских братий, то все стали от него отклоняться, так как по своему характеру он был очень тяжел для живущих с ним. И только один рясофорный монах отец Александр (упомянутый выше иеросхимонах Антоний) единственно по христианской любви к страждущим изъявлял усердие послужить всем требованиям больного отца строителя. Потому все его собратия заговорили, что он будет в Тихоновой пустыни по настоятеле первым лицом или казначеем. А один из них сказал: «Удивляюсь тебе, отец Александр, зачем ты хочешь переходить к отцу Геронтию?» Тот уверил его, что, кроме послужения больному, ничего более в виду не имеет. Сам же отец Геронтий не решался предложить отцу Александру сопутствовать ему в Тихонову, а обратился к старцу отцу Леониду за благословением и содействием, чтобы уделили ему на первый раз из Оптиной пустыни кого-либо из братий, необходимо нужных для пришедшей в упадок Тихоновой обители. С этим согласен был и оптинский настоятель отец Моисей и готов

был отпустить особенно тех из братьев, кто сам пожелает оставить Оптину пустынь. Заметим здесь, что в числе перешедших по благословению старца отца Леонида из Оптиной в Тихонову пустынь были вышеупомянутые отец Михаил (Антимонов) и Алексей Поликарпович Бочков; но только они перешли туда несколько позднее.

Будем далее продолжать рассказ от лица самого отца Александра: «По приказанию батюшки пришел я к нему; он и говорит мне: „Ну, Саша-Алексаха, отец Геронтий набрал пять человек, согласных с ним поехать*“, а тебе сделать предложение он поопасался, так как не достиг бы чрез это своего желания. А я тебя сам к нему назначаю“. Вдруг я весь обратился в слезы. Старец: „Что ж, не хочешь?“ Говорю: „Батюшка! Вы знаете, что я пред вами не имею своего хотения, кроме этих слез, которым не возбраняйте литься; и им теперь только начало. Я знаю себя и характер отца Геронтия. Под его управлением я уже не улыбнусь“. – „Потому-то, – сказал старец, – я и назначаю тебя к нему“.

Итак, помянутые братья, забравши свои пожитки, в виде обоза отправились в путь. А я упросил батюшку, чтобы дозволено было мне с отцом Геронтием остаться в Оптиной еще дня на два, в которые я уже почти не отходил от старца. Когда же мы с отцом Геронтием пришли к нему принять последнее благословение, он в это время был в короткой мантии и епитрахили – так, как и всегда отпускал какое-либо отъезжавшее семейство. Обратившись к нам, он проговорил: „Ну, братцы, совсем?“ Взял крест и начал читать известную напутственную молитву: „Боже, Боже наш, путешествовавший со слугою своим Иосифом, спутешествуй, Владыко, и рабом Твоим, строителю иеромонаху Геронтию и келейнику его, монаху Александру“ и прочее. По окончании молитвы мы поцеловали крест и поклонились старцу в ноги для принятия

* То были скитские послушники: Николай, из карачевских мещан, Алексей Чернов, из курских, и рясофорный монах Иоанн (впоследствии старец иеросхимонах Ефрем) – да из монастыря послушник Сергей Колошин, из дворян. Пятого же брата имя неизвестно.

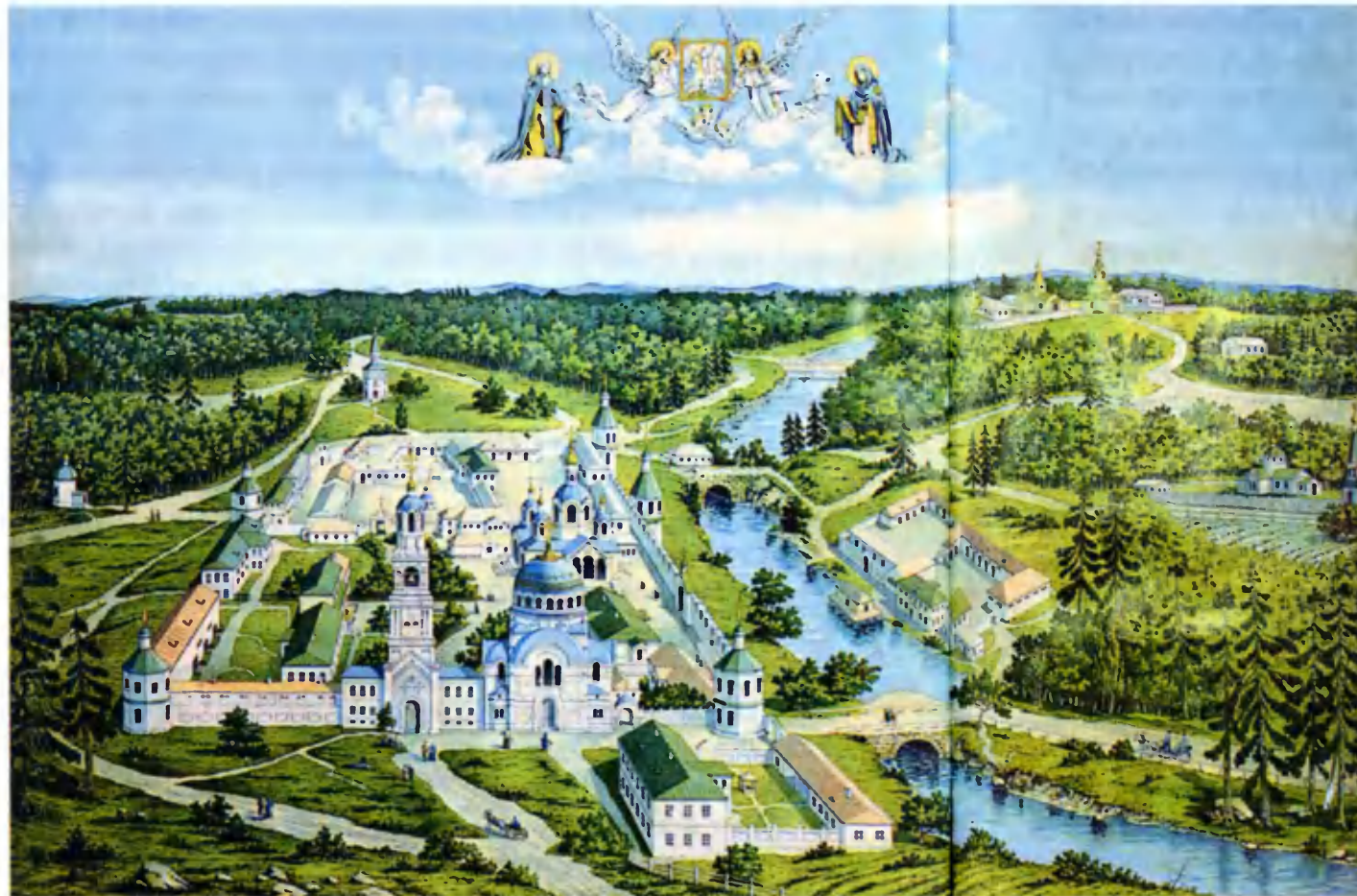
последнего его благословения, как обыкновенно, со щедрыми слезами, которые лились у меня безотчетно. Высоко поднял старец свою благословляющую десницу и, благословляя отца Геронтия, произнес следующие слова: „Ну, отец строитель, берегись ты яростной части, а то ты повредишь себя неисцельно“. Меня же потом благословляя, сказал: „А ты, брате, идешь не на покой и радость, а на труд, на скорбь, на крест“. Не знаю, какое впечатление произвели эти слова старца на сердце отца строителя, а у меня они во всю мою жизнь звучали и звучали в моем сердце, особенно когда бывал я в самых горьких испытаниях. Но лишь только приводил я себе на память эти грозные отеческие пророческие слова, как тотчас же задавался таким вопросом: „Да где же тот обещанный мне старцем крест? Ибо он в этом горьком обстоятельстве вовсе не видится“. Так живое воспоминание сказанного старцем, наводившее всегда меня на благое размышление, успокаивало мою смущенную душу.

Но хотя в постигавших меня тесных обстоятельствах я, по молитвам батюшки, несколько и успокаивал себя упомянутым способом; однако должен сознаться, что пророческие слова великого старца начали осуществляться на мне с первого же дня нашего отбытия от него. Недовольство на меня отца строителя, при множестве к тому случаев, время от времени все более и более возрастало, выражаясь часто в яростных порывах. У меня же постепенно возрастало чувство огорчения, как будто клубочек наматывался тонкой нитью. А в продолжение восьми лет моего сожителства с отцом Геронтием этот клубочек увеличился до неудобно-симых размеров. Четыре года прошло до кончины батюшки отца Леонида с тех пор, как мы его оставили, удалившись в Тихонову пустынь. И каждый год по одному разу он посещал нас на новом месте нашего жительства и все это в тонкости видел; да и будущее наше все предвидел. Не думаю,

впрочем, что было это вследствие пророческого в нем дара, а просто по беспристрастному взгляду на наши обстоятельства. Да что много говорить? Наше устройство пред ним раскрыто было, как живая книга.

Начну говорить о том, как батюшка в первый раз посетил нашу обитель. Незначительна была убыль для Оптиной пустыни, из которой перешло нас в Тихонову, считая с настоятелем, только семь человек. Время от 15 ноября 1837 года до следующего лета проведено было нами вообще пополам с горем. Одна была в виду отрада, что преосвященный Николай благоволил к отцу Геронтию более, нежели к оптинскому настоятелю, на что были особые причины. Потому общее наше желание было попросить владыку, чтобы дозволил старцу отцу Леониду, если, конечно, он сам не откажется, погостить в Тихоновой пустыни. Просьба эта имела успех. Владыка с удовольствием согласился исполнить желание тихоновцев, но, в сущности, по рассказам господина Брюзгина, с насмешкой сказав: „Ну, пусть-пусть ваш святой освятит вашу голую обитель. Посмотрим на его святость. Пусть сначала и у меня побывает“. Со своей стороны и старец преклонился на наши вопиющие нужды. Когда же отец Геронтий с батюшкой явились к преосвященному, владыка, обращаясь к старцу, сказал: „Вот, отец Леонид, тихоновцы-то без тебя соскучились; поезжай, утешь их“. – „Благословите, ваше преосвященство, постараюсь“, – ответил старец. „Да, кстати, постарайся обращать раскольников в Скаковском и Дворце“, – прибавил владыка. (Скаковское и Дворец – это две большие деревни, наполненные одними раскольниками, неподалеку от Тихоновой пустыни.) Старец не был подготовлен к состязаниям с раскольниками и потому сказал: „Ваше преосвященство! Готов беспрекословно принять ваше архипастырское приказание; но благословите объяснить вам ощутительное к тому неудобство“.

Тихонова
пустынь
Калужской
губернии.
Литография.
Начало
XX века

Владыка: „Какое может быть неудобство для святого?“
Старец: „И святые не всеми удобствами владели, а я к этому делу вовсе не подготовлен“. Владыка: „А благодать-то! А святость-то! Вот тебе и приготовление!“ Старец: „Но как же благословите, ваше преосвященство, мне приступить-то к сему? Извольте письменно преподать мне на это право“. Владыка: „Нет, не нужно. А ты просто явись в их моленную и от моего имени скажи, чтобы собрались их передовые начетчики. Тогда ты им и передай ораторски,

что нужно для их обращения. А на обратном пути передашь мне свой успех“. Приняв от владыки на словах такое поручение, старец наконец прибыл в Тихонову пустынь к нашей общей неописанной радости.

Отец Геронтий, как личный свидетель владычного поручения, прежде всех нас понимал силу насмешливых речей архипастыря, от которых по своей пылкой горячности едва не слез в постель; но батюшка знал, как успокоить его. Затем старец начал требовать, чтобы немедленно исполнить волю преосвященного. По этому поводу отец Геронтий предварительно переговорил с некоторыми из раскольников и получил от них такой ответ: „Знаете ли, отец Геронтий, – говорили они, – нам не раз приходилось таких проповедников провожать в колья или с дубьем

и с гиканьем от всей деревни, особенно когда эти проповедники не соблюдали умеренности в словах и поступках, но отца Леонида мы примем как человека благонамеренного. Ничего такого не опасайтесь. Мы по слухам знаем этого старца с хорошей стороны“.

Не без страха, однако, отец Геронтий с батюшкой отправились в деревню Дворец, где их моленная часовня и где уже собралось раскольников человек 20 с лишком, которые и встретили батюшку. Вошедши в часовню,

старец по обычаю христианскому помолился иконам, поздоровался с предстоящими, объявил им об архипастырском поручении и, наконец, предложил свое сердечное желание возвратиться в материнские объятия Святой Божией Церкви. Получился со стороны раскольников такой ответ: „Спасибо, отец, за твое желание. А мы и сами принадлежим к церкви и повинемся ее чистоте и святости. Но вот главное – где эта чистота и святость-то? Мы сыстари и рождены вот, как видишь, христианами. Но дело в том, что управление Церковью-то свихнулось, и потому предки наши отвергли нововведение в Церкви людьми недостойными, положившими соблазн своим поведением, – что и до сего времени продолжается. Мы и сами не меньше других знаем, какому должно быть совершителю таинств церковных. Потому, отец, не трудись нас уговаривать – мы не приемлем (не признаем) власти. Не раз потому мирские властители разоряли нас и этим насилием еще больше отталкивали и отталкивают нас от уважения к правителям слова истины“. Старец: „Но преосвященнейший спросит же меня про вас – что сказать ему?“ (Помню, их главного уставщика звали Савкой, он и отвечал более за всех.) „Скажи, кормилец, своему преосвященному – пусть и не пытается нас обращать, а пусть лучше учит свое... духовенство, которое недостойно совершает священные требы на соблазн миру. Вот кого нужно обращать! А если бы в глаза, мы не то бы ему сказали. Ить ему-то и самому нужно о себе подумать, у него и самого много того, чего не подобает“. После такого с раскольниками разговора батюшка с ними распростился и возвратился к нам в Тихонову.

Не для отдыха, впрочем, приехал старец к нам в Тихонову пустынь. Ибо какой мог быть для его сострадательного сердца отдых здесь, куда мы выдвинуты были как будто на безжизненный пустырь, назначенный уже

к закрытию, где все было приведено к разрушению? Батюшка хорошо знал всех нас и наше юное устроение. Мне, как ближайшему лицу при настоятельских кельях, где и старец помещался, когда приезжал в Тихонову пустынь, батюшка в присутствии настоятеля вменил в обязанность напоминать ему и содействовать во всем, что мной будет усмотрено требующее исправления, о чем и сам отец Геронтий просил батюшку, чтобы я не отказывался. Кроме того, я имел единственное в жизни моей счастье во время переездов батюшки быть у него кучером. Первый мой выезд с батюшкой был на реку Угру, где нами куплен был лес в плотах для будущей постройки, так же и дровяник, и кряжи, назначенные для распилки. Отец Геронтий уже назначил меня ехать в Медынский уезд нанимать пыльщиков. Но это совсем было дело несбыточное, так как время было пропущено и пыльщиков ни за какие деньги нанять было нельзя. Дорóгой я объяснил об этом батюшке, зная наперед, что будет стоять мое противоречие для вспыльчивости отца настоятеля и для моего скудного терпения. „Погоди, Саша, – сказал старец, – я это устрою так, аж ты удивись“. Итак, приехали мы с батюшкой восвояси. В свое время собрались к чаю. Я стал разливать, а отец Геронтий стал мне приказ отдавать, какие иметь условия с пыльщиками: „Да ты праведность-то твою отложи, а ты дюже щедр“. Батюшка, как будто ничего не зная и вслушиваясь в наш разговор, спросил: „Что это такое?“ – „Да вот завтра, – отвечал отец Геронтий, – пусть едет в Медынский уезд нанимать пыльщиков“. – „Ну, уж хорош нанимальщик, – возразил старец, – соберет домок в желудовую чашечку. Где ему? Я сам поеду, а он пусть будет кучером“.

В следующий день утром я все приготовил к дороге, а после обеда мы со старцем выехали в настоятельской кибитке, запряженной парой лошадей, имея в намерении ночевать в Полотняном заводе, в доме арендатора

монастырской мельницы, который, нелишне заметить, был закоренелый раскольник беспоповщинской секты. У него был весьма исправный постоялый двор. Когда мы с батюшкой туда въехали, хозяйка вся рассыпалась в приветствиях. Для нас приготовлена была особая комната со всеми удобствами; ибо, хотя хозяйка была и раскольница, но она знала, кто был отец Леонид. Несмотря на это, старец, да и я с ним, отказались от этих удобств, а ночевали на дворе в повозке. На возвратном же пути мы не имели надобности останавливаться тут. Проводивши ночь, мы поехали дальше. Дорогой батюшка и говорит мне: „А как ты думаешь об этой женщине и о дочери ее?“ (девка лет 25-ти). Отвечаю: „Да она ласкова для нас, без сомнения, потому, что муж ее имеет дело с нашим монастырем; а девка работает человек за двух дюжих дворников“. – „Это так, правда, – сказал старец, – а вот что я тебе скажу: страх здесь чувствуется – она душегубица с девкой – это их промысел. Ах! Это страшное семейство. Сколько тут улеглось невинных душ!“ Но что я дальше при разговоре со старцем мог слышать от него, то скрыл в сердце моем. По некоторому времени наш монастырь отказал этому арендатору в содержании мельницы, что не обошлось без порядочного судопроизводства. Человек этот содержал на Мещовской дороге постоялый двор, где сын его с женой жил постоянно, а отец, как хозяин, находился по потребности то при сыне, а то при жене своей в своем доме. Через несколько лет дошел до нас слух, что Петра Ивановича (имя нашего арендатора) и сына его Ваньку наказали кнутом и сослали на вечную каторжную работу за известные страшные дела, о которых в свое время батюшка так просто и обыкновенно говорил мне, как будто об открытом событии. Тогда я вспомнил про описанный с батюшкой разговор и удивился и после всегда удивлялся его прозорливости.

В Бобылях мы остановились тоже на постоялом дворе. Пока я управлялся с лошадьми, батюшка в сопровождении мальчика отправился в контору, где управляющий объяснил ему то же, что и я предполагал, то есть что время нанимать пильщиков пропущено. Потому батюшка просил управляющего записать в конторе имевшуюся в виду работу. Между прочим, некоторые батюшку в конторе узнали, коих он в свое время воспользовал, и отнеслись к нему с особенным уважением. Когда же старец возвратился ко мне, я говорю: „Благословите, батюшка, самоварчик подать“. – „А на что он тебе?“ – сказал старец. Говорю: „Чаю напиться“. Возражение: „Да разве ты не можешь обойтись без чая?“ Отвечаю: „Я для вас“. – „Для меня, – сказал старец, – не надо“. – „А для меня, – говорю, – и совсем не нужно“. Батюшка продолжал: „Очень странно, что наши братия, старый и малый, без чайку не дыхнут, особенно если кто еще дома имел к нему привычку“. – „Батюшка! – сказал я ему. – Вы хорошо знаете, что я только по вашей милости не лишен этого, как говорят, утешения, а до монастыря я его вовсе и не знал“. – „Какой же ты чудак! – продолжал старец речь свою. – Посмотри-ка, как слабости усиливаются в монашестве. Да и в миру уже той простоты не стало, что была прежде. А в наше время и народ-то мирской был покрепче“. И так во всех переездах батюшка разговаривал со мной и передавал некоторые рассказы. Когда же возвратились мы в Тихонову, батюшка сам говорил отцу настоятелю о том, что время нанимать пильщиков пропущено. И хоть это дело обошлось до времени без штурма со стороны отца Геронтия, но все я не избег его подозрения, особенно в тех случаях, где батюшкины слова сходились с моими предположениями.

Шесть недель, в первый год своего посещения Тихоновой пустыни, прожил в ней старец. Настало, наконец,

*Калуга.
Общий
вид из-за
реки Оки.
Открытка.
Начало
XX века*

время и в Оптину возвратиться. По личному приказанию преосвященного Николая батюшка на возвратном пути обязан был заехать в Калугу и отдать отчет владыке касательно обращения раскольников. Когда же он явился к преосвященному, со стороны последнего был первый вопрос: „Ну что, – много раскольников обратил?“ Старец: „Ни одного, ваше преосвященство“. Владыка: „Ни одного! Это худо. Значит, ты плохой проповедник“. Старец: „Я вам, преосвященнейший владыко, наперед это говорил“. Владыка: „Знаю. А я думал, что вот ты повернешь по-своему (и при этом засмеялся); вот так-то надейся на вас. Ну, а что же они говорят?“ Старец: „Владыко святой! Этого я сказать вам не могу“. Владыка: „Почему же? Видно, ты с ними в одной стачке?“ Старец: „Нет, ваше преосвященство, этого быть не могло, да и ни в каком случае быть не может“. Владыка: „Ну почему же ты сказать-то не можешь?“ Старец: „Неприятно будет вам слышать касающееся вашей архипастырской особы“. Владыка: „Говори небось, я приказываю, – для меня все равно“. И батюшка, не обинуясь, рассказал все подробно, что говорил Савка со своим собором. Выслушав все, владыка произнес: „Ну-ну, ай да проповедник!“ И за такой безыскусственный, искренний

и откровенный рассказ, несмотря на свое неблаговоление к старцу, расцеловал его и с миром отпустил в Оптиную пустынь.

Рано утром в следующий день мы выехали из Калуги; в Перемышле дали лошадям отдохнуть, около семи часов вечера, или при отходе вечерни, прибыли в Оптину. Мгновенно разнесся слух о приезде старца, и тотчас келья его стала наполняться братьями и ожидавшими его посетителями, здоровыми и недужными. Я отправился с лошадьми в скит, поручил их там кому следовало, а сам возвратился к батюшке в келью, которая в это время уже была битком набита всякого рода людьми. Тут и все скитские братия были. Но батюшка сказал: „Освободите меня теперь; вот я, Бог даст, отдохну, а уж завтра вались комар и муха“. При входе же в батюшкину келью, у самого крыльца, сошелся я с батюшкой отцом Макарием. Принимая его благословение, я услышал от него следующие произнесенные им с огорчением слова: „Вы со своим старцем (отцом Геронтием) готовы там батюшку присвоить“. С тугой сердечной ответил я ему: „Батюшка! Не желал бы я от вас слышать такую несправедливость. Это по вашему с батюшкой (отцом Леонидом) назначению я подчинен под старчествование отца Геронтия...“ – и не мог более говорить. Слезы потоком полились из глаз моих, особенно после того, как вспомнились мне при сем отечески ласковые батюшкины дорожные со мной разговоры. Так мы оба вошли в батюшкину келью. Отец Макарий поклонился батюшке в ноги. Поздоровались. „А ты, брат, тут костричишься?“ – как бы с неудовольствием сказал батюшка отец Леонид отцу Макарию. Отец Макарий: „Простите, батюшка, это правда. Но что же мне делать? Меня одного оставили на такое продолжительное время“. Старец с укором: „Да, ты прав, как немощной; а эти люди (указывая на меня) с запасом. Их, по-твоему, можно бы и совсем оставить. Эх, какое

самолюбие!“ – „Да простите, батюшка, – повторил отец Макарий, – потому так я и говорю, что сознаю свою немощь“. При этих словах вошли к батюшке в келью отец игумен Моисей и отец Антоний на своих больных ногах, которому предстоял подвиг начальствования в Малоярославском Николаевском монастыре; но, повидавшись со старцем, вскоре все и разошлись.

Оставшись с батюшкой наедине, я рассказал ему про свою встречу с отцом Макарием. „Ах ты, вития! – сказал батюшка. – Отец Макарий – великий человек. Я знаю – ему трудно, так как он не располагался жить без меня, а ведь придется“. С тех пор старец вместо „Саши-Алексаши“ стал называть меня „вития“. Затем я говорю: „Батюшка! Я чувствую отягощение совести, так как очень прямо и резко говорил отцу Макарию; потому благословите испросить у него прощение“. – „Да, надо, пришедши в скит“, – заметил старец. Когда же я пришел в скит, там только что окончилось вечернее правило. Вошел в келью отца Макария, а он мне и говорит: „Ну, спасибо тебе, брат, что пришел; а то бы мне во всю ночь не уснуть от того, что я наговорил тебе сторяча, или бы я пришел к тебе мириться“. Сейчас же мы с ним и примирились. „Ну что же у вас там?“ – спросил отец Макарий. „Да вы ведь, батюшка, знаете“, – сказал я. „Да, знаю по-здешнему, – проговорил он, – но вы там – дело другое“. Продолжаю: „Ох, батюшка, едва ли наше устройство когда-либо утешит нас. Для меня прискорбно слышать, что некоторые из братьев считают меня наперсником отца Геронтия“. – „Да, и я так думаю“, – сказал отец Макарий. Залившись слезами, я бросился к ногам его и говорю: „Безотчетно они ошибаются. Я за порок сочту быть его наперсником, ибо семимесячный опыт показал развитие его тяжелого характера, а необходимость требует иметь его духовным отцом; он же требует, чтобы открывать ему помыслы, как

старцу. Но эта откровенность успела уже превратиться в средство к доступной расправе“. Тут я рассказал ему про один неприятный случай и прибавил: „Вот как мы в Тихоновой проживаем“. Слушая мои рассказы, батюшка отец Макарий вздыхал и плакал и наконец спросил: „А что же батюшка отец Леонид – знает это?“ – „Мало того, что знает, – отвечал я, – но на самом деле видел и всего наслушался“».

Не лишним будет здесь заметить, что, по словам почившего оптинского старца Амвросия, и отец Геронтий, в свою очередь, оправдывался, говоря так: «Придет кто-либо из братий для откровения своих помыслов, избранит-избранит тебя всячески – и это у него откровение». Поэтому нельзя тут не повторить вышесказанного, что тогда только откровение помыслов может приносить пользу душевную, когда будет совершаться должным порядком.

Но продолжим рассказ. «Четыре года прошло до кончины старца отца Леониды с тех пор, как отец Геронтий назначен был настоятелем в Тихонову пустынь; и ежегодно пооднажды старец посещал ее. В первый раз, как выше сказано, он пробыл там шесть недель, в следующие за тем два года – по четыре недели, и в последний, наконец, четвертый год – только три недели. Во все это время старец видел, как бедная обитель с внешней стороны постепенно благоустраивалась, что, впрочем, было плодом его же отеческой попечительности. Ибо кто бы, например, принудил отца Алексея Поликарповича Бочкова жить

*Преподобный
Макарий
Оптинский.
Неизвестный
художник.
1850-е–1870-е
годы*

сколько-нибудь в Тихоновой или отца Михаила (Антимонова) перейти из оптинского скита, благоустроенного, как рай земной, в бедную и еще неустроенную тогда обитель, в соседстве с селом и кабаком! Но все эти и подобные им великие и малые личности пламенно преданны были старцу, переходили в Тихонову за послушание, и доверие их к нему впоследствии оправдалось. Несмотря, однако, на внешнюю благоустроенность возобновляемой по милости старца обители, он не имел в стенах ее утешения. Известно, что настоятель ее отец Геронтий всей душой был привязан к старцу отцу Леониду, искренно любил и уважал его, но с характером своим никак не мог справиться, не мог воздерживаться от разных неприличных выходок по отношению к подчиненным ему братьям даже в присутствии самого старца, чем и наносил великую скорбь его любящей душе*. При всем том старец не переставал утешать оскорбленных настоятелем братий, склоняя их к терпению и говоря так: „Уж если для меня, старика, нужна такая щеточка, тем более там, где много ржавчины“. Внушал им, что постигающие их неприятные случаи нужны для обработки доброй нравственности каждого из них. Вместе с тем старец видел, что и все внутри обители идет не так, как бы следовало идти по предполагавшейся им мысли. Потому в последний свой приезд он провел в Тихоновой пустыни трехнедельное время со стесненной душой и, выезжая, прощался с ней уже навсегда, с огорчением сказав: „Если паче чаяния жив буду, то в следующий год уже в Тихонову не поеду“.

В прежнем жизнеописании старца отца Леонида сказано, что вследствие сидячей его жизни в Тихоновой болезни его увеличивались. Но, кажется, вернее можно полагать, что болезненность его усиливалась там главным образом вследствие скорбей, от душевного расстройства, а может быть, от того и другого вместе.

* Киево-печерский иеромонах Антоний (бывший в то время отец Александр) замечает, что, при всей услужливости отца Геронтия, старец не называл его по имени. Когда отец Геронтий был еще рясофорным и именовался Георгием, старец называл его «герой», а когда при постриге в мантию получил имя Геронтия, старец называл его «горлантий», а иногда «горлан». Когда же отец Геронтий определен был строителем в Тихонову пустынь, тогда старец почтительно называл его «отец строитель», но все же не по имени. И только однажды назвал его по имени, когда читал напутственную молитву при отправлении отца Геронтия на настоятельство.

Выезжая каждый раз из Тихоновой пустыни обратно в Оптину в сопровождении отца строителя и прочих присных своих учеников, старец останавливался в виду монастыря на бугорке. И в это время на прощанье отец Геронтий всем провожавшим старца подавал по стакану пива. Этот простой напиток буквально смешивался тут со слезами учеников старцевых, так как, находясь в Тихоновой пустыни в тесных обстоятельствах, они, кроме Бога, только в нем одном, в жизни сей временной, и находили для себя утешение.

Продолжая свой рассказ, отец Александр говорит: «При последнем отъезде батюшки из Тихоновой я просил его снять с меня тяжкое бремя – напоминать отцу Геронтию о полезных предметах и отменить ленивое с моей стороны откровение. „Оставь, деточка, это назначение, – сказал он, – теперь отец строитель сам стал умнее нас с тобой; а помыслы – видно, пришло время – самому управлять; а от его духовничества хоть и имеешь право себя избавить, но это потребует твоего терпения, значит, не дешево для тебя достанется“. После сего, как получивший старческое разрешение, я уже свободнее уклонялся от предложений со своей стороны; а приказания настоятельские, имеющие смысл общежительной необходимости, я исполнял как святое послушание.

В этот последний раз мне по обстоятельствам не пришлось сопутствовать батюшке в Оптину: но вскоре после его отъезда я послан был туда нарочно отцом строителем. Вошел к нему в келью, когда некоторые из братий находились у него по своим нуждам. Я прижался в уголок, чтобы переждать всех. Увидев меня, один простодушный брат проговорил: „Вот, батюшка, приехал отец Александр с каторжной работы“. Батюшка тотчас приказал всем братиям остановиться и в присутствии всех объявил, что эта работа вовсе не каторжная, для которой у каждого достанет

*Архимандрит
Моисей (Красильников). Фотография.
Конец 1880-х – начало 1890-х годов*

силы. „Например, – говорил он, обратившись к брату, сказавшему помянутые слова, – ты можешь поднять десять фунтов?“ – „Могу“, – ответил тот. „Также и перенести на другое место можешь?“ – „Могу“. – „Вот и вся работа, которую ты называешь каторжной“, – заключил старец. Здесь батюшка так ясно доказал нелепость такого мнения, что все воспользовались, сознавая в себе все те недостатки, на которые им батюшка указал.

Остался я с батюшкой наедине, и, уже не упомню, за что-то батюшка так меня пробрал, что мне пришлось (как у нас говорилось) старцу омыть ноги слезами. Но мне нужно было сей-

час же ехать в Козельск разжиться паклей для конопатки строения. Спасибо купцу Червячкову, приказал отпустить 15 пудов бесплатно. Воротился я к батюшке, когда уже он после обеда отдыхал, и потому я прошел в его садик и расположился там на травке, где почувствовал действие во мне холерины. Отдохнувши, батюшка вышел в садик и услышал, как рвота и понос тянут мою внутренность и корчат жилы, так что я говорить почти не мог. Он подошел ко мне и говорит: „Эге-ге! Наш вития-то жидок на расправу – забыл даже и сказать мне, что хотел“. Говорю: „А что же я хотел сказать? Не помню“. Старец: „Ты хотел получить благословение на пострижение в мантию“. – „Ах, да-да!“ – воскликнул я, опомнившись. Тут батюшка приказал поднять меня и вести в свою келью. Затем из лампады

от иконы Божией Матери дал мне выпить чайную ложечку маслица и по обычаю своему помазал мне чело и грудь и, как всегда, левый сосец против сердца крестообразно с словами: „Ишь, слабенькое да необтесанное сердчишко! А все ершится“. И, наконец, приказал положить меня в соседнюю келью на Яшину кровать. „Ах, батюшка, – сказал я, – не могу; опять поднимается рвота; видно, конец моей жизни“. Старец: „Погоди, не спеши“. И дал мне рюмочку эликсиру, сказав: „Да засни немножко“. В ту же минуту я почувствовал себя легче и заснул самым крепким сном. Меня разбудили уже после вечерни, и я встал, как будто со мной ничего не бывало. Подумал я после того, что это явное со мной чудо совершилось по молитвам батюшки; а он, ударив меня слегка ладонью, сказал: „Я тебе, лупоглазый, лоб разобью; ишь, еще мудрствовать вздумал; не из тучи гром гремит“. После того я спросил батюшку: „Кто же будет восприемником моим от мантии?“ – „Да делать нечего, – ответил он, – видно, сам отец строитель; а иначе ни ты, ни он не понесете, – ты, кажется, хорошо это знаешь“».

Тем окончилось свидание отца Александра со старцем, после чего он, распроставшись со своим батюшкой, отправился обратно в Тихонову пустынь.

Старцу отцу Леониду Господь не судил дожить до следующего года. Но семя, посеянное им в Тихоновой пустыни, по времени принесло благие плоды. После начальствования отца Геронтия определен был настоятелем в Тихонову обитель оптинский иеромонах Моисей, который управлял ею очень долго – лет сорок. Кроме сего, там оставался один из ближайших учеников старца отца Леонида, иеросхимонах Ефрем, который тоже долго там старчествовал и о котором уже упомянуто нами несколько выше. Имя его от крещения было Иоанн. Поначалу, когда жил он в Оптиной при старце отце Леониде молодым

Житие оптинского старца Льва

послушником, отличался такой кротостью и благонаравием, что все братия обзывали его вроде клички «Иоанн боговейный». И при этих-то усердных деятелях – настоятеле Моисее и старце Ефреме, по молитвам уже почившего старца отца Леониды, Тихонова пустынь достигла наконец цветущего состояния.

Глава XII

Окормление старцем Леонидом относившихся к нему посторонних посетителей, монашествующих и мирян. Его предсказания, наставления, исцеления, обличения, советы, между которыми общий совет желающим вступить в брак и прочее, в рассказах

Около пяти лет (со 2 февраля 1837 года по 11 октября 1841 года) прожил старец отец Леонид в монастыре по переходе своем из скита. И во все это время, несмотря на препятствия со стороны епархиальной власти и некоторых недоброжелательных лиц и невзирая на слабость своего здоровья, при удобной возможности не переставал он, помимо своих оптинских братий, принимать и посторонних посетителей, памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37) и еще: *ту́не при́йте, ту́не дади́те* (Мф. 10, 8); и до самой блаженной своей кончины являл неутомимую ревность служения Богу в лице страждущего человечества. По данной ему

*Преподобный
Исаакий
(Антимонов)
Оптинский.
Фотография.
Конец 1860-х–
1870-е годы*

от Господа прозорливости, он некоторым предсказывал их будущее и утешал, некоторых вразумлял, обличал, подавал полезные советы и прочее. Особенно же он расположен был к принятию простого народа. Ибо нужды бедных требовали неотложной помощи, а скорби смертельные – скорого утешения. Многие жили в гостинице по неделям, ожидая лицезрения старца. Некоторые, приходя к нему, от болезни сердца едва могли сказать слово и только стонами выражали ее. Другие, одержимые бесами, были влачимаы в келью старца сострадательными родными или близкими. Иные несли детей для принятия от него благословения. Старец уподоблялся в то время великому дереву, покрытому обильными плодами, к которому простирали взоры и руки все искавшие пользы душевной. По этому поводу он говорил: «Сам Бог может пройти ко мне тем, которым это полезно».

Вот примеры многообразного пользования старцем Леонидом обращавшихся к нему посторонних посетителей.

Покойный оптинский настоятель архимандрит Исаакий* рассказывал о первом своем свидании со старцем отцом Леонидом следующее: «Бывши мирским человеком, приехал я в первый раз в Оптину пустынь и пожелал принять благословение от отца Леонида. Пришел к старцу рано утром. Народу у него еще не было; только какая-то женщина стояла перед ним на коленях. Келейник доложил обо мне: „Пришел Иван Иванович Антимонов“. – „Пусть подождет“, – громко сказал старец. Я сел в передней на

* Скончался
22 августа
1894 года.

лавочку. Отпустив женщину, старец громко позвал: „Ванюшка!“ Никак не думая, чтобы это слово относилось ко мне, я спокойно сидел. Келейник, улыбнувшись, промолвил: „Это батюшка вас зовет“. Мне, губернскому франтику, показалось очень неожиданным такое патриархальное название, но я этим нисколько не обиделся. Напротив, такое простое обращение великого старца пришлось мне по сердцу и почему-то очень утешило меня, и я до сих пор вспоминаю об этом с душевной отрадой. „Ванюшка! Иди-ка сюда, – продолжал старец, – вот я тебя!“ Я подошел к старцу, принял от него благословение и, став на колени, объяснил ему обстоятельства, которые меня беспокоили. Старец, выслушав все с отеческою любовью, очень утешил меня своей беседой и, отпуская, предсказал мне, что со временем и я буду в монашестве. Лет через семь предсказание это исполнилось». Впоследствии отец архимандрит Исаакий припоминал, что любивший его дед называл его в детстве также Ванюшкой.

В 1839 году один молодой человек по имени Михаил, из болховских граждан, желая вступить в монашество, отправился для сего в Белобережскую пустынь. Здесь, между прочими рассказами об оптинском старце отце Леониде, он слышал следующий замечательный случай. Когда отец Леонид был настоятелем в Белых Берегах, в монастырском лесу жил монах, караульщик, который приходивших к нему крестьянских детей обучал грамоте. Однажды пришел к нему пьяный крестьянин и без всякой причины так избил его, что этот монах вскоре умер. Когда об этом передали отцу Леониду, он утвердительно сказал: «За то, что этот крестьянин без всякого справедливого повода убил неповинного, он и сам скоро умрет». И действительно, дня через три этот человек внезапно умер. От этого и других рассказов, свидетельствовавших о духовной мудрости старца, сердце Михаила разгорелось. Он пожелал проходить монашескую

жизнь под руководством отца Леонида и с этой мыслью отправился из Белобережской пустыни в Оптину пустынь. Старец же, поговоривши с ним, благословил ему поступить в Тихонову пустынь «под начал к отцу Геронтию». Михаил, не желая расстаться с отцом Леонидом, попросил у него дозволение остаться в Оптиной пустыни. Старец дозволил. Но некоторые из оптинских братий объяснили Михаилу, что он, оставшись в Оптиной пустыни, послушался старца и в этом последовал своей воле. Смутившись этим, Михаил просил у старца прощения, что не пошел по его назначению в Тихонову пустынь. Старец на это сказал: «Ничего, живи пока здесь; а знай, что в Тихоновой пустыни все-таки будешь, будешь и будешь». Этот юноша Михаил, впоследствии оптинский иеромонах отец Моисей, через 18 лет после сего предсказания, по воле епархиального начальства, был назначен настоятелем Тихоновой пустыни, при котором и процвела эта обитель*.

* Скончался
4 ноября 1895 года.

Оптинский иеромонах Пахомий рассказывал, что когда он в первый раз приехал в Оптину пустынь и пришел к старцу отцу Леониду, то, увидев его тучность, соблазнился и, остановившись у дверей его кельи, подумал: «Что ж это за схимник?» Заметив его, прозорливый старец встал и, ударяя руками по своему животу, громко через весь окружавший его народ сказал: «Что Копцев? Видно, славны бубны за горами, а близко подойдешь – как лукошко. Смотри-ка, брат, какое у меня пузенько». На приезжего напал страх: он со старцем Леонидом знаком был только по переписке, а лично до сего времени с ним не видался и, приехавши в Оптину, ни к кому не заходя, прямо пошел к старцу. Как же старец, никогда его не выдававший, называет его по фамилии? Как он мог узнать тайный его помысл? С невольным трепетом пришлец пал к ногам отца Леонида, который тут же при всех обличил его, как он на дороге поссорился с извозчиком.

Рассказывал козельский житель Семен Иванович, который был одним из приверженных почитателей старца отца Леонида: «В тридцатых годах (XIX века) я, как и после, занимался приготовлением горшечной посуды. Жили мы с матушкой в своем домике; лошади у нас не было, а была порядочная повозка. Накладу, бывало, горшков в эту повозку, попрошу у кого-нибудь лошадку и свезу горшки-то на базар. Так, бывало, и пробавлялся. В это время стоял у нас в доме солдат-поляк, но потом отошел от нас и сбился с толку. Раз, улучивши удобное время, он залез к нам на двор и стащил колеса с нашей повозки. Объяснил я батюшке отцу Леониду свое горе и сказал, что знаю вора и могу отыскать колеса. „Оставь, Семенушка, не гонись за своими колесами, – ответил батюшка, – это Бог тебя наказал, ты и понеси Божие наказание и тогда малой скорбью избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан“. Я последовал совету старца, и, как он сказал, так все и сбылось. В скором времени тот же поляк опять залез к нам на двор, вытащил из амбара мешок с мукой, взвалил на плечо и хотел пройти с ним через огород; а с огорода в это время шла моя матушка и встретила его. „Куда ты, – сказала она, – это несешь?“ Тот бросил мешок с мукой и убежал.

Вскоре за этим был и другой случай. У нас была корова, мы решились продать ее. Нашли купца, сторговались и взяли задаток. Но покупатель почему-то несколько дней не брал от нас коровы; наконец взял ее к себе. А в следующую за тем ночь влез к нам вор и разломал закуту, где стаивала наша корова, без сомнения, чтобы свести ее; но ее уже там не было. Так опять Господь, по молитвам старца, избавил нас от напасти. После сего через много лет был со мной и третий подобный случай, уже после смерти моей матери. Оканчивалась Страстная

седмица, и наступал праздник Пасхи. Мне почему-то пришло на мысль перенести все свои нужные вещи из своего домика к сестре-соседке. Так я и сделал. А как наступал первый день праздника, я запер со всех сторон свой дом и пошел к утрени. Всегда, бывало, эту утренью я проводил радостно; а теперь, сам не знаю отчего, в душе было что-то неприятно. Прихожу от утрени, смотрю: окна повывставлены, и дверь отперта. „Ну, – думаю себе, – должно быть, был недобрый человек“. И действительно был; но так как все нужные вещи перенесены были мной к сестре, то он и ушел почти ни с чем. Так три раза исполнялось на мне предсказание батюшки отца Леониды, что если понесу малое наказание Божие, то больше уже Бог не станет наказывать меня».

Этот Семен Иванович долгое время жил при Оптиной пустыни мирским человеком и управлял монастырским кирпичным заводом. Скончался в глубокой старости, приняв тайное пострижение в схиму.

«По вступлении моем в Белевский женский монастырь, – рассказывала монахиня Н., – первое время я жила в чужой келье. Родитель мой имел средства и мог бы купить или построить мне собственную келью, но старец отец Леонид не позволил. По времени предложили мне купить место под келью в монастыре; отец Леонид позволил, но до году келью не велел строить. Тогдашняя игуменья, которая не относилась к старцу Леониду, и многие из сестер находили это старческое решение очень странным и непонятным. „Имея место и средства, почему же не строить келью?“ – говорили они. Да и мне самой очень хотелось жить в своей келье. По неразумию своему я и употребила некоторую хитрость. Съездила к родителю своему и предложила ему построить мне келью, как бы по его собственному желанию. Он согласился. Я объявила батюшке отцу Леониду, что родитель мой непременно

желает теперь же поставить для меня келью. Старец возразил: „Он желает, потому что ты его об этом просила. Ну, пожалуй, сруб можете поставить, а печку до году не класть, чтобы тебе перейти в келью в будущем году“. Но я, победившись желанием иметь скорее свою келью, этим не удовлетворилась, а опять подговорила родителя своего без отсрочки класть печь; батюшке же сказала, что на это была воля отца моего. „Ну смотри, – сказал старец, – не на пользу будет тебе твоя келья, не утетишься ею“. Скоро сбылись эти слова старца. Только я перешла в свою самочинную келью, постигло меня наказание Божие за то, что не слушалась и обманывала его. Я лишилась душевного мира, стала испытывать безотрадную тоску и, наконец, подверглась страшной душевной болезни, или, лучше сказать, попущением Божиим нападению душевных врагов, и помрачилась умом. Три года продолжались тяжкие и невыразимые страдания. Что со мной было в это время, того и рассказать не могу. Вразумившись несколько своими страданиями, я обратилась к старцу с покаянием. „Говорил я тебе, – сказал отец Леонид, – что не на пользу будет тебе твоя келья. Вот ты пострадала за свое ослушание и лукавство и еще должна пострадать. Теперь тебе одно спасение – продай келью; без этого исцелеть не можешь“. После всего испытанного мной я на этот раз с верой приняла слово старца и решилась оказать ему послушание во что бы то ни стало.

Родитель мой сильно негодовал на меня за намерение продать построенную им келью, очень противился этому и грозил оставить меня на будущее время без помощи. Несмотря ни на что, я все-таки продала свою несчастную келью и тут только получила душевное облегчение, хотя, по предсказанию старца, мучительная болезнь не вдруг оставила меня. Много я перенесла скорбей, живя в чужих кельях, особенно испытала тяжкие страдания, когда узнала

о кончине старца отца Леонида. Я доходила до отчаяния, не получив разрешения от старца жить в своей келье и не зная, как устроится моя жизнь. Но, по милости Божией, мало-помалу все уладилось. По времени преемник старца Леонида батюшка отец Макарий благословил мне купить келью. Я страшилась исполнить это; но батюшка успокоил меня, сказав, что время моего испытания прошло и что пришел час воли Божией жить мне в своей келье. С его благословения я и перешла в купленную мной келью, в которой и жила более тридцати лет. Наученная горьким опытом моей жизни, я поняла, как губительно в чем-либо послушаться своих духовных наставников. С тех пор, что бы старец мне ни говорил, я старалась всегда в точности и без рассуждения исполнять его волю. Желала бы я, чтобы мой пример послужил уроком и для других, относящихся за советами к старцам».

У одной тульской купчихи по кончине ее мужа осталась дочь девица, которую мать хотела отдать в замужество, и отправилась за благословением к старцу отцу Леониду. Он велел привезти ее к себе, сказав, что имеет для нее прекрасного жениха. Мать сама привезла свою дочь к старцу; а он благословил отвезти ее в Белевский девичий монастырь, в котором она скоро окончила земную жизнь свою, соединившись с Небесным Женихом своим Христом.

РАССКАЗ МОНАХИНИ О.

«С детства у меня было большое желание жить в монастыре. Потому в 1837 году, когда мне было от роду 12 лет, я просила мать свою оставить меня в девичьем монастыре в Киеве, где мы были проездом. Она на это не согласилась, а обещала поместить меня в Борисовскую пустынь Курской губернии, когда мне будет 15 лет. Но вскоре

после этого она скончалась. Отец же мой никак не хотел отпустить меня в монастырь раньше 35-летнего возраста. Много я об этом скорбела, и в 1840 году, когда мне минуло 15 лет, я очень опасалась, как бы участь моя не была решена против моего желания, и потому я уже хотела тайно уйти из родительского дома. Но одна моя тетка, которая хорошо была расположена ко мне, взяла меня к себе в дом, а потом уговорила отца моего поехать в Оптину пустынь к батюшке отцу Леониду и предоставить ему решить мою участь. Отец мой согласился. Когда же мы явились к старцу, он, никогда не зная нас, назвал всех нас по имени и сказал, что давно ожидает таких гостей. При такой неожиданной встрече мы все стали в тупик, не зная, что ответить. Потом мы поодиночке входили в его келейку, и тут батюшка всем по устройению говорил настоящее, прошедшее и будущее. Меня впустили к нему после всех. В ожидании той минуты, когда мне нужно было к нему идти, я находилась в большом страхе, а вышла из его кельйки покойной и с большим утешением душевным. Он меня благословил прямо в Борисовскую пустынь, и за его молитвы родитель мой уже более не удерживал меня; но обеспечения денежного мне никакого не дал. А когда старца спросили, как я буду жить, его ответ был такой: „Она будет жить лучше лучших“. Слова батюшки отца Леонида во всем сбылись. В 1841 году родитель мой сам привез меня в Борисовскую пустынь, в которой и осталась я на житьельство и всегда на опыте видела над собой во всем Промысл Божий за святые молитвы старца».

Со слов борисовской схимницы матери Анатолии, бывшей в миру дворянки, девицы Параскевы Труновой, записано следующее. В детстве эта девочка была наблюдательна и любила рассуждать. Смотря на свою старшую замужнюю сестру, как она ухаживала за своими малолетними детками, которые то и дело шумели и плакали, не давая

матери покоя, Паша стала смущаться ее суетливой беспокойной жизнью. Смущение это наконец дошло до того, что она решительно сказала себе: «Ни за что не пойду замуж». Когда же сделался известен в доме их старец отец Леонид, она вздумала поехать к нему и спросить у него совета и благословения, как ей жить – в монастырь ли идти или еще как. В 1839 году, когда Паше исполнилось 14 лет, она приехала в Оптину и пришла к старцу. Но так как намерение ее поступить в монастырь было еще нетвердо, то, вероятно, отчасти по этой причине и старец положительного ничего ей не сказал. Братьям же ее, Павлу и Симеону, жившим в Оптиной послушниками, решительно сказал: «Через год она будет в монастыре, только вы не говорите ей о сем». А ей самой только сказал: «Через год побывай к нам». С тем и отпустил старец девочку домой. Тяжел был для нее этот год. Разные смущения, сомнения, недоумения терзали ее сердце, и нередко она плакала неутешными слезами. В этой скорби она два раза видела во сне старца отца Леонида, который в первый раз дал ей кусок хлеба без соли, а во второй – посоливши, и сказал: «Не скорби, я сказал, что будешь в монастыре, только прежде побывай ко мне». Когда минул год, Паша поехала с одной своей товаркой в Оптину. Пришедши к старцу, она хотела было передать ему сновидения. Но старец, не давши ей выговорить слова, сказал: «Ну что скорбела и плакала? Ведь я дал тебе кусок хлеба без соли, и ты съела, а теперь посолил». Смысл этих сновидений, кажется, такой: проведенный девицей Труновой год так же был для нее неприятен и невкусен, как без соли хлеб; а теперь жизнь ее должна была измениться к лучшему и сделаться приятной, как хлеб посоленный.

Тут же она и получила от старца благословение поступить в Борисовскую Тихвинскую пустынь вопреки своему желанию поступить в какой-либо другой монастырь,

поближе к старцу, и определена была в сожительство к борисовским монахиням, вышеупомянутой матери Тавифе (Варпаховской) и матери Алипии (Сукачевой) (обе дворянки), случайно прибывшим к этому времени в Оптину. В то же время старец благословил ей ходить к нему в келью выслушивать у него молитвенные правила. Вот однажды Паша со своей товаркой стояли перед старцем в его келье. Тут же были еще какие-то монахини, которые просили у него дозволения прийти к нему на другой день после ранней обедни получить от него напутственное благословение, так как собирались уезжать из Оптиной. Но вдруг старец говорит им: «Да ведь вы обедню-то проспите». Те отвечали: «Ну зачем же, батюшка, просыпать-то; мы попросим гостинника, чтобы он нас разбудил». Но старец настаивал на своем: «Нет, проспите, проспите обедню». Подумала и Паша: «Ну как это так можно, чтобы монахини да проспали обедню?» На другой день после утрени прилегли все отдохнуть. Проснувшись, Паша спрашивает встретившегося с нею гостинника: «Что, к обедне ударяли?» – «Чего ударяли, – отвечает гостинник, – обедня теперь уже на отходе». Очень смутилась проспавшая обедню Паша и тотчас же, убравшись, со своей товаркой, обе поспешили к старцу. Обедня, между прочим, уже окончилась, и в его келье стояли пришедшие получить от него напутственное благословение вчерашние монахини. Не обращая ни на кого и ни на что внимания, смущенная Паша повалилась в ноги к старцу, прося прощения в своем неумышленном грехе: «Простите, батюшка, ведь мы обедню-то проспали». А старец в ответ: «Ну вот, а все про меня говорят, что я знахарь, что я узнаю. Где ж я узнал-то? Я вот про них говорил, что они проспят, а они не проспали; про вас же я вовсе и не говорил, что проспите, а вы проспали. Где же я узнаю? Какой же я знахарь?»

*Вид Оптиной
пустыни
с северо-
западной
стороны.
Литография
с тоном.
Вторая
половина
XIX века*

В другой раз вместе с Пашей стояли около старца приехавшие из Калужской Тихоновой пустыни два монаха, Михаил Иванович Антимонов и Алексей Поликарпович Бочков. Обратившись к ним, старец спросил: «А что, Паша будет наша?» Взглянув на девочку, Антимонов ответил: «Да, кажется, батюшка, что будет наша». – «То-то, – поддакнул старец, – и я также думаю, что Паша будет наша (то есть монахиня)».

Неоднократно в присутствии Паши приходил к старцу один послушник. Но всякий раз, как только, бывало, он придет, старец спросит: «Кто там?» Послышится ответ: «Послушник ваш». На это старец возражал: «Какой послушник? Помещик». Вскоре послушник этот вышел в мир и женился.

Еще, по рассказам Паши Труновой, приведена была при ней к старцу отцу Леониду шестью человеками одна бесноватая. Как только она увидела старца, упала перед ним и сильно закричала: «Вот этот-то седой меня выгонит. Был я в Киеве, в Москве, в Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду». Старец читал над ней молитву

и мазал ее святым маслом из лампады от иконы Божией Матери. Вначале же, когда больную вели к старцу, она сильно упиралась и наступила ему на ногу, так что до синеты оттоптала ему большой палец ноги, который после долго болел. После молитв старца бесноватая встала тихо и пошла из его кельи. Потом ежегодно приходила она в Оптину уже здоровая, а после кончины отца Леонида с верой брала с могилы его землю для других больных, от которой они также получали пользу.

Настало наконец время возвратиться Паше восвояси и в конце концов по назначению старца отправиться в Борисовскую пустынь на постоянное жительство. На прощанье старец сказал ей: «Десять лет проживешь в монастыре и ни в чем не будешь иметь нужды». Так и было. Но и после проведенного ею в обители десятилетия, хотя обстоятельства ее изменились, она все-таки жила, не имея большой нужды. Прожила в монастыре очень долго (более 60 лет) и скончалась схимницей в глубокой старости в начале XX века.

Бывшая в 1862 году в Оптиной пустыни севская монахиня Назарета передавала о себе следующее: «Еще при жизни покойного старца иеросхимонаха Леонида я страдала жесточайшей болезнью в груди, называемой раком, который разъедал мне грудь, не поддаваясь никаким средствам лечения. Врачи предсказывали мне смерть через три дня. Но вот во время бдения под праздник Введения во храм Божией Матери (главный обительский праздник Оптиной Введенской пустыни), когда страдания мои, день ото дня усиливаясь, достигли высшей степени, я вижу наяву: входят ко мне два старца, которых я прежде никогда не видела. Соболезнуя мне, они смотрели на меня, а я на них смотрела. Вот один, который был постарше, и говорит мне: „Приезжай в Оптину, помолись Богу, и получишь исцеление“. Больше я их не

видела, но от этих слов во мне ожила надежда на исцеление от болезни. Собрав последние силы, я поспешила отправиться в путь. Когда же приехала в Оптину пустынь, два старца пришли ко мне на гостиницу, выслали бывших при мне из номера, посадили меня среди комнаты на стул, а сами сели около меня, один с правой стороны, а другой с левой. Я воспользовалась этим случаем, чтобы вернее узнать, действительно ли пришедшие ко мне старцы были те самые, которые являлись мне в нашей обители. Вставши со стула и обратившись к ним лицом, я с изумлением увидела, что точно были они. В старшем я узнала отца Леонида, а в младшем – отца Макария. Отец Леонид, взявши меня за руки и сажая на мое место, сурово сказал: „Когда к нам приехала, нечего глазеть, садись да слушай“. И оба начали кое о чем меня расспрашивать. На другой день рано утром, только что ударили в колокол к утрени, пришел ко мне отец Леонид, помазал мою больную грудь маслом из лампы и окропил святой водой. Боль у меня тотчас затихла, а вечером я уже чувствовала себя совершенно здоровой. И вот за молитвами старцев живу я уже более 20 лет вместо обещанных мне врачами трех дней».

«Вскоре по поступлении моем в Оптину пустынь (около 1832 года), – рассказывал отец игумен П., – когда келейниками у отца Леонида были отец Геронтий, отец Макарий (Грузинов) и Павел (Тамбовцев), привели к старцу бесноватую крестьянку, которая во время беснования говорила на иностранных языках. Старец читал над ней раза три молитву, мазал ее елеем от неугасимой лампы перед иконой Божией Матери и давал ей пить это масло. В другой раз ее приводили к старцу еще больной, а в третий уже исцеленной. Когда же Тамбовцев попросил ее поговорить, как говорила она в прежние разы, на иностранных языках, она сказала: „И, батюшка! Где мне говорить на

иностранных языках? Я и по-своему-то (по-русски) едва говорю и насилу хожу. Слава Богу, что прежняя болезнь-то моя прошла“».

«Я помню, – рассказывал киево-печерский иеросхимонах Антоний, – пришла к старцу отцу Леониду одна женщина, у которой была на груди рана. Отбросив стыдливость, она открыла ее старцу в присутствии всех нас, его келейных. Батюшка, ничтоже сумняся, омочил свой указательный перст в елей теплившейся перед святой иконой Матери Божией лампы, помазал рану женщины и отпустил ее домой. Через неделю эта женщина пришла к старцу с благодарением и всем нам заявила, что рана ее зажила вскоре после того, как старец помазал ее елеем. Бывало нередко, – прибавлял отец Антоний, – придет к батюшке больной, еле ноги волочит, а от него идет бодро и весело и всем объявляет свою радость, что исцелел».

«Однажды, – рассказывал оптинский старожил иеромонах Пимен*, – когда я, бывши еще новоначальным, пришел к отцу Леониду с тремя другими послушниками и мы, стоя перед ним на коленях, объясняли ему, что каждому было нужно, вошел какой-то приезжий господин в густых эполетах. Старец спросил его: „Что вам угодно?“ Господин ответил: „Я много о вас слышал и, приехавши в Оптину пустынь, желал посмотреть на вас“. – „Извольте смотреть“, – сказал отец Леонид. При этом он встает и, поглаживая обеими руками грудь и живот, поворачивается к приезжему боком, спиной и другим боком, а потом опять обращается к нему лицом, повторяя: „Вот, извольте смотреть меня“. Озадаченный и смущенный таким поступком старца, господин тотчас же пошел к настоятелю жаловаться, что приехал в обитель ради пользы душевной, а старец очень странно принял его – вставши, только кругом

* Скончался 1 сентября 1881 года.

Иеромонах
Пимен
(Пащенко).
Фотография.
1860-е –
1870-е годы

повернулся перед ним. Настоятель спросил: „Как вы пришли к старцу и что ему сказали?“ Тот отвечал: „Я ему сказал, что, много наслышавшись о нем, желал посмотреть его“. – „По вопросу вашему был и ответ вам, – заметил настоятель, – отец Леонид иногда полуюродствует, но уверяю вас, что старец мудрый и святой“.

Не успели мы уйти, – продолжал иеромонах Пимен, – как господин с густыми эполетами опять явился к батюшке отцу Леониду и поклонился ему в ноги, хотя старец и удерживал его. „Простите, батюшка, – сказал он, – я вам не сумел объяснить о себе и вас не понял“.

Тогда батюшка махнул нам рукой, и мы ушли, а старец часа два занимался с приезжим господином. Что они говорили, не знаю. Только после этот господин целый месяц жил в монастырской гостинице, очень часто ходил к отцу Леониду и после много раз писал ему, что он был в отчаянном положении и что старец оживил и воскресил его».

РАССКАЗ ВЫШЕУПОМЯНУТОГО КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО
ИЕРОСХИМОНАХА АНТОНИЯ

«В 1812 году в войне с французами убит был полковник Кульнев. После него осталась жена его Анастасия Степановна с сыном Николаем. Мальчик определен был на казенное воспитание. А вдова Кульнева так была огорчена лишением своего супруга, что потеряла способность хозяйствовать и все свое имение раздала бедным, сама

оставшись нищей с двумя своими крепостными крестьянками, которые, впрочем, отпущены были ею на волю. Несмотря на это, они добровольно оставались при своей доброй госпоже и покоили ее до самой блаженной ее кончины. Сначала Кульнева жила в Курске и пользовалась духовными советами и попечением о ней игумена Коренной пустыни Палладия (Белевцова). А затем, когда отец игумен Палладий определен был наместником Александро-Невской лавры, она перебралась в Орел и, наконец, в город Болхов, поближе к Оптиной пустыни и к старцу отцу Леониду, чтобы иметь возможность через своих прислужниц пользоваться его советами, так как она несколько лет уже не могла писать писем. Болховские жители, как и прежде орловские, обеспечивали ее в содержании с избытком, особенно когда в Болхове сделалось известно, что Кульнева – тайная схимница и живет под руководством оптинских старцев, отца Леонида и отца Макария. А где ее единственный сын Николушка, как она выражалась, ей вовсе не было известно.

Но вот однажды проходила мимо Оптиной пустыни армия солдат, назначенная квартировать в городе Белгороде Курской губернии. В Козельске была дневка. Начальник армии генерал, из любопытства, с несколькими офицерами отправился в означенную обитель, где просил монахов ознакомить его с монастырскими достопримечательностями. Между прочим ему предложили познакомиться со старцем отцом Леонидом. Предложение было принято. И когда генерал в сопровождении своих офицеров вошел в келью батюшки, последний пригласил всех гостей сесть и начал спрашивать генерала, кто он и где служил. Тот назвал свою фамилию: „Кульнев; я остался после отца малолетним, поступил в учебное заведение, окончил курс наук и с того времени нахожусь на службе“. Старец: „А где же ваша матушка?“ Кульнев: „Право, не знаю, в живых ли она находится

или нет. Для меня, впрочем, это все равно“. Старец: „Как так? Хорош же вы сынок“. Кульнев: „А что же? Она мне ничего не доставила, все имение раздала, потому и я потерял ее из виду“. Старец: „Ах, генерал, генерал! Что мелешь? Мать тебе ничего не доставила, а все прожила. И как это ты говоришь, что все она раздала? А вот об этом-то ты и не подумаешь, что она едва могла перенести удар лишения твоего родителя, а своего супруга; и с того времени и до настоящего стоит пред Богом, как неугасимая свеча, и как чистая жертва посвятила свою жизнь на всякое злострадание и нищету за благо своего единственного сына Николушки. Вот уже около тридцати лет она проходит такой самоотверженный подвиг. Неужели же эти ее молитвы для своего Николушки не наследство? У многих генералов, при всех изысканных средствах, дети не лучше прохвостов, а Николушка и без средств, да вот генерал!“

Глубоко потрясли Кульнева эти простые, но и правдивые старческие слова. Обратясь к святым иконам, он зарыдал. Офицеры последовали его примеру. У каждого из них защемило сердце. Генерал становится перед старцем на колени и говорит: „Отец мой! Вы оживили мой дух. Чем более я старался пренебречь именем моей матери, тем более стеснялась душа моя. Я усиливался убить веру во все святое; и если я не отчаянный, то меня удерживал авторитет, которым я во всю мою жизнь дорожу. Отец мой! Вы меня воскресили. Я теперь ясно вижу попечительность о мне Промысла Божия. Скажите же мне теперь, когда и где я могу видеть мою молитвенницу матушку?“ Батюшка рассказал ему, и генерал распростился со старцем при бесчисленных благодарностях. По прибытии в Болхов Кульнев вошел в переднюю, где квартировала его матушка, и попросил доложить, что сын ее Николай желает ее видеть. Услышав голос своего сына, старица воскликнула: „Николушка, Николушка, голубчик мой! Иди сюда; а я не могу встать, вот уже

сколько лет нахожусь в сидячем положении“. А Николушка, как только увидел из двери свою матушку, тотчас пал на колени и так на коленях подполз к ее кровати и расцеловал у ней руки и ноги, с искренним сыновним от сердца рыданием. Она же после сказывала: „И не знаю, как только могла я перенести такую радостную для меня встречу. Слава Богу за все!“ С того времени Кульнев содержал мать свою до самой ее смерти и принял от нее родительское благословение на бракосочетание. Добрая невестка посещала ее; по предложению мужа была и у батюшки отца Леонида. Между прочим Кульнев рассказал своей матери, как он напал на след ее и как простые, безыскусственные слова старца отца Леонида сильно повлияли на его сердце. „О, я их никогда не забуду, – прибавил Кульнев, – передам их своим друзьям и потомству“».

ДРУГОЙ РАССКАЗ ТОЖЕ ИЕРОСХИМОНАХА АНТОНИЯ

«Два мценских компаньона отправили барки с хлебом, который они надеялись продать или в Коломне, или, в всяком случае, в Москве. По принятому ими обычаю они заехали в Оптину получить от старца отца Леонида напутственное благословение. Увидев их, старец спросил: „Ну что, господа, как хлебные дела?“ – „Да пока вяло, – ответили купцы, – благословите, едем“. Старец: „Нет, я думаю, завтра поедете“. Купцы: „Батюшка, благословите сегодня“. Но батюшка решительно сказал: „Нет, нет, сказано – завтра; что тут еще спорить?“ А завтра еще прождали до вечера. „Ну, теперь с Богом“, – сказал, прощаясь с ними, старец. Таким образом, купцы в пути своем просрочили около трех дней. А в это время цены на хлеб возвысились; и они от продажи хлеба получили хорошие барыши. Это одно. А затем последовало еще вот что. Получивши за хлеб порядочную сумму денег, означенные купцы должны

были везти домой деньги при себе. На обратном пути они опять заехали в Оптину; и лишь только вошли в келью к батюшке, он поздравил их с получением большого прибытка: „А что, купцы-молодцы? Немножко пождали, да много пожали. А если еще послушаете, то хорошо и сладко покушаете“. И батюшка удержал их в Оптиной на целые сутки. Затем они благополучно возвратились в Мценск. Что же оказалось? Когда купцы получали за хлеб деньги, они были замечены и преследованы мошенниками, которые взяли номер для квартирования в соседстве с ними, в одной гостинице, вошли в дружеский разговор и сказали, что едут по одной с ними дороге до города Белева. Намерение же злоумышленников было ограбить купцов на дороге и даже лишить их жизни. И достигли бы они этой цели, если бы старец не задержал их в Оптиной. Об этом своем злом намерении и неудаче сами злодеи после письменно известили чудесно избавленных от угрожавшей им опасности. Событие это всех жителей города Мценска расположило к безусловному повиновению старцу отцу Леониду, а после и к его преемникам – отцу Макарию и отцу Амвросию.

Приехал в Оптину пустынь ректор семинарии. Когда ему предложили поговорить со старцем отцом Леонидом, он сказал: „Что я с ним, мужиком, буду говорить?“ Однако пошел к старцу. Когда же он вошел к нему в келью, отец Леонид повторил его слова: „Что тебе со мной, мужиком, говорить?“ Несмотря на такую бесцеремонную встречу, ректор не оскорбился на старца и с приятностью разговаривал с ним часа два, а потом выразился о старце так: „Что наша ученость? Его ученость трудовая, благодатная“.

Один бывший в свое время в известности архимандрит нарочно приехал в Оптину повидать старца отца Леонида. Посетителя окружили всевозможными знаками внимания, но отец Леонид и для него не прерывал обычного своего

приема больных, странных, монахинь и своих учеников. Чтобы доставить архимандриту возможность с большей свободой побеседовать с отцом Леонидом, вздумали вместе с гостем пригласить на обед к отцу игумену старца и ближайших лиц. Вероятно, это было предложено самим гостем. Оптинские знали, что старец Леонид никогда не ходил на парадные игуменские угощения и неохотно надевал рясу и камилавку с клобуком, считая свои труднические часы и делом, и вместе отдыхом; а эти обеды были для него самым тяжким трудом и мукой. Старец облачился в свою изношенную мухояровую рясу и, послушания ради, пришел к обеду. Архимандрит после первых блюд и предварительного молчания предложил старцу вопрос: „Скажи нам, старец, слово на пользу“, подражая этим вопросом древним монахам, которые, впрочем, искали слово на пользу не за обедами, а после мысленного моления, окруженные всей монашеской скудостью. Отец Леонид поморщился и ответил наотрез: „Да что было полезного, все высыпал женщинам; теперь ничего не осталось“. Ответ сочли смирением и умолкли. Архимандрит покраснел, почувствовав намек на свою жизнь, протекающую между женщинами, его поклонницами. Не знаем, было ли это сказано старцем с намерением. Но если ждали слово на пользу, то душа старца сама собой изрекла это слово в назидание архимандриту, человеку умному и духовному.

Некогда говорил со старцем отцом Леонидом один из бывших его учеников, настоятель обители, о своей братии и между прочим сказал: „У меня такой-то примерно живет“. Старец вдруг вскочил со своего стула, бросил свое вязанье и сотворил на себе большое крестное знамение, ударяя с силой в чело, грудь и оба плеча. „Господи Боже мой! – воскликнул он. – Сколько безумной гордости в малых словах! У меня! У меня! А что есть у тебя своего? Одни твои грехи, одно твое бессмысленное тщеславие.

Житие оптинского старца Льва

Монастырь не твой – преподобного; братия пришли не к тебе, а ко Христу Господу своему, чая спасения от Него. Что ты, подрядчик, что ли, а они батраки, что ты мне рекомендуешь одного из них? Хотя бы ты сказал: братия наши находят, что такой-то живет так-то. А ты говоришь: у меня. Господствовать хочешь над братией? Хочешь, чтоб они были твоими крепостными? Да знаешь ли, за что братия соблазнялись на меня в Белых Берегах? Не за чванство мое, а, напротив, за то, что держал себя перед ними слишком просто, что ездил в Брянск в простой телеге, правя иногда сам лошадей. Вот за что. А им хотелось, как и тебе, чтобы настоятель походил на барина. Уж и тогда червь честолюбия стал грызть братские сердца. Из них вышли подобные тебе; а на пользу ли душе было их начальство? Нет, брат, доброго настоятеля из барина не будет. Следовало бы тебе подражать отцу игумену Моисею хотя удержанием словес и обдуманностью их. Ты помнишь, что такое апостол в послании своем говорит, что могущий удержать уста силен воздержать и все тело (см.: Иак. 3, 2). Помяни

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Монастырская гостиница и Св. Ворота

Почтовая
открытка.
Начало
XX века

мои слова: не быть и тебе воздержному!“ Настоятель краснел, но не оправдывался.

Приехал однажды в Оптину пустынь помещик П. и, увидев старца, подумал про себя: „Что же это говорят, что он необыкновенный человек? Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно“. Вдруг старец говорит ему: „Тебе бы все дома строить; здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо вот такое-то“. Нужно заметить, что помещик этот, когда ехал из Калуги в Оптину, увидел прекрасную местность и так заинтересовался ею, что вздумал на этом месте выстроить дом и уже составлял в уме своем план, какой он должен быть и сколько в нем окон, в чем старец и обличил помещика. Когда же П. стал исповедоваться у него, отец Леонид напомнил ему грех, давно им забытый и который он даже и за грех не считал. Тогда П. и признал старца за необыкновенного человека.

Жил в недалеком расстоянии от Оптиной пустыни один барин, который хвастался, что как только он взглянет на отца Леонида, так его всего насквозь увидит. Вот однажды этот барин приезжает к старцу, когда у него было много гостей, и входит к нему в келью. Ростом он был высокий и тучный телом. У старца Леонида был такой обычай: когда он хотел на кого произвести особое впечатление, то загородит глаза левой рукой, приставив ее ко лбу козырьком, как будто рассматривая какой-либо предмет на солнце. Так поступил он и при входе этого барина и сказал: „Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Леонида. А сам, шельма, семнадцать лет не был на исповеди и у Святого Причащения“. Барин затрясся, как лист, и после плакал и каялся, что он грешник неверующий и действительно семнадцать лет не исповедовался и не причащался Святых Христовых Таин».

Житие оптинского старца Льва

СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ РАССКАЗА ПОКАЗЫВАЮТ В СТАРЦЕ
РЕВНОСТЬ ПО БОГУ

Какая-то госпожа принесла отцу Леониду рукописную службу с акафистом Богу Отцу и просила его рассмотреть ее. Служба, написанная уставом, была в богатом переплете с золотым обрезаем. Старец передал эту рукопись на рассмотрение тогдашнему скитона начальнику иеромонаху Антонию. Рассмотрев рукопись, отец Антоний заметил, что так как Святой Церковью не принято особой службы Богу Отцу, то считает принятие сего опасным. Тогда отец Леонид сказал: «А вот дай-ка ее сюда, мы ее положим в печь». Отец Антоний возразил было: «Да что же скажет барыня?» – «Пушай говорит что хочет, мы на нее не посмотрим», – ответил старец и сжег книгу.

Отец Леонид, чадолюбивый и премилосердый к кающимся, посвятивший себя на службу меньшим братьям своим, был непреклонен перед теми из мирских лиц, которые свое богатство, силу или значение поставляли наравне с законами Церкви и, бесстрашно нарушая правила церковные, требовали у отцов духовных разрешения в явных грехах.

Один из помещиков, благодетельствовавший монастырю и посещавший его, хотя нечасто, жил в явной незаконной связи со своей крепостной женщиной до старости, хотя от первой законной жены имел уже взрослых и женатых детей. Наслышавшись о славном старце отце Леониде, принимавшем многих на исповедь, помещик, приехавши в Оптину, сделал чрез отца настоятеля старцу предложение, что желает у него исповедаться. Отец Леонид отказался, к немалому оскорблению помещика, который начал просить отца игумена и отца Макария быть его посредниками перед отцом Леонидом. После вторичного прошения старец нехотя согласился, сказав, что не отвечает за

последствия. Помещик исповедался и старцем не допущен был до Причащения Святых Таин. Можно себе представить стыд и посрамление барина, который смотрел на всех свысока, а теперь должен был смириться перед всем монастырем, яко оглашенный. К вящему его стыду, сопровождавшая его замужняя его дочь готова была благодарить великого старца за такое решение. Барин покушался просить отца игумена и отца Макария о заступничестве, но те отказались – и по совести, и зная непреклонность в таких делах отца Леонида. Что же произошло? Возвратившись домой, помещик через месяц или менее разорвал многолетнюю связь со своей наложницей к общей радости всего своего семейства. Вероятно, старец в глубине души своей молился о заблудшем и просил Господа о смягчении сердца духовного своего сына.

В другой раз пожелал исповедаться у старца отца Леонида некоторый господин, приехавший из Вязьмы. После исповеди старец благословил ему приступить к Причастию, но с условием, если он твердо решится исправить свою жизнь, что тот и обещал исполнить. «Если же не сдержишь слова, – заключил старец, – то и не являйся ко мне». В следующее лето вяземский господин опять приехал в Оптину. Но когда он подходил к келье отца Леонида, старец, увидав его через открытое окно, остановил его словами: «Стой, стой! Что, исполнил ты свое обещание?» Послышалось со стороны приезжего: «Батюшка! простите...» Старец: «Не исполнил? Ну так поворачивай назад и не приходи ко мне». Так и принужден был этот господин уехать, не принявши даже благословения от старца. Долго, долго после кончины отца Леонида в Вязьме и во всей Смоленской губернии помнили этот случай, который тогда же сделался известен и на многих навел спасительный страх, вразумляя, что желающим пользоваться духовными наставлениями старцев недостаточно

только спрашивать их, но должно стараться и исполнять то, что они скажут.

Кроме этих были и еще от старца Леонида разные чудесные случаи. Так, отец Антоний (Путилов) рассказывал одному из своих детей духовных, что сын одной четы, которую он видел у отца Леонида, имел как бы некую уродливость души и совершенное несходство лица с отцом и матерью. Старец говорил, что это было наказанием Божиим за несоблюдение праздников его родителями.

Приехало в Оптину пустынь одно карачевское семейство, в котором не раз повторялись семейные несчастья. Приехавшие отыскиали тут своего земляка, казначея старика иеромонаха Гавриила, и объяснили ему свои обстоятельства. Он вздумал было помочь их горю херувимским ладаном, но без благословения отца Леонида не решался подать им какой-либо совет и пошел к старцу благословиться. «Чудак ты! – сказал ему старец. – Поможет ли тут херувимский ладан? Где гнев Божий, там Господь не щадит и Своей святыни. Тут потребно другое, то есть искреннее раскаяние в грехах, за которые послан гнев Божий, и исправление».

Жена мценского купца Орловской губернии Николая Васильевича Ломакина, Екатерина Ивановна, долгое время страдала от винопития, так что готова была всего лишиться, лишь бы только где-нибудь и как-нибудь достать и напиться вина. Много она приняла за это побоев от своего мужа, но отстать от винопития не могла. Вздумали они наконец поехать в Оптину к старцу отцу Леониду. И как только вошли к нему в келью, старец, обратясь к страдавшей запоем, сказал: «Катя! Пойдем-ка, я тебя исповедую на живую ниточку (наскоро)». После исповеди болезнь ее немедленно прекратилась. Возвратившись домой в Мценск, женщина та не могла даже терпеть винного запаха.

У этих купцов Ломакиных был сын, Василий Николаевич Ломакин, 18-ти лет. Он подвергся каменной болезни.

Люди советовали везти его на операцию, для чего и повезли его сперва к старцу Леониду за благословением. Но больной, побывши недолгое время в Оптиной пустыни, по молитвам старца и без операции получил совершенное исцеление и возвратился в Мценск здоровым. Об этих двух случаях рассказал оптинский послушник Петр Ломакин, их родственник*.

* Скончался 26 апреля 1904 года.

Многие из мирян, относившиеся к старцу Леониду, обращались к нему за благословением перед совершением браков. Преимущественно так поступали жители некоторых городов Тульской губернии, и заметно было, что браки, совершавшиеся по благословению старца, были благополучны. Но, с другой стороны, если державшиеся этого обыкновения почему-либо не хотели брать благословение на совершение брака, то оказывалось, что браки эти не всегда были удачны. Такое различие побудило некоторых и поневоле обращаться к старцам за благословением не только на совершение браков, но и на другие предприятия.

Просившим благословение на брак отец Леонид обыкновенно советовал хорошенько рассматривать все благоприятствующие или не благоприятствующие обстоятельства. Так, например, обращать внимание на то, чтобы и жених, и невеста – оба были здоровы и чтобы было им чем жить; чтобы звание от звания резко не отличалось и чтобы по летам, или по возрасту, мало было различия. Особенно бедным семействам не советовал брать богатую невесту, чтобы не быть ей рабами. При этом старец повторял самую простую старинную пословицу: «Знай сапог сапога, а лапоть лаптя». Кроме того, вопрошавшим о выборе жениха говорил, чтобы обращали внимание на свойства его отца, а вопрошавшим о выборе невесты – чтобы обращали внимание на свойства матери. При этом говаривал: «Яблочко от яблоньки далеко не укатится». Наконец,

жениху и невесте и родителям их советовал смотреть, при усердной молитве, на свое сердце. Если при последней решимости на брак жених и невеста и родители их стали бы ощущать душевное спокойствие, то старец советовал решаться на такой брак. В противном же случае, если бы при этом оказалось сомнение, безотчетная боязнь, беспокойство и смущение, то старец говорил, что это неблагоприятный знак, и советовал приискывать другого жениха или другую невесту. Это был общий совет старца отца Леониды для всех. Но сам он, по данной ему от Бога прозорливости, преподавал иногда советы, несходные с человеческими мнениями и соображениями.

Пришел однажды к старцу небогатый человек и, объяснив, что за его дочь сватаются три жениха – мещанин, фабричный и зажиточный помещик, спросил его, за кого из них отдать ему свою дочь. Отец Леонид посоветовал отдать за помещика, сказав, что тут будет сытнее. Затем наступил голодный год, по прошествии которого отец означенной невесты приходил благодарить старца за то, что он посоветовал ему отдать дочь за помещика, который в голодное время прокормил его, прибавив при этом, что мещанин и фабричный сами чуть с голода не померли.

Сказывал о себе уроженец города Перемышля Калужской губернии, проживавший долгое время в Саратове, купец Василий Иванович Богомолов следующее. Будучи молодым человеком, он подыскал себе невесту девицу, мать которой придерживалась какой-то секты и дочь свою готовила, по обычаю сектантов, принять титул «богородицы». Но до вступления в брак он отправился к старцу отцу Леониду за советом, жениться ли на ней или искать другую невесту. Старец благословил жениться. Совет Богомоловым принят, и брак был совершен. Таким образом особа эта, вышедши замуж за православного, и сама сделалась

православной и, между прочим, недолго в замужестве пожила, всего года полтора.

У сего купца Богомолова были две сестры девицы, которые, по благословению старца отца Леонида, обе поступили в Калужский женский монастырь. Старшей из них, которую родители желали выдать замуж, он предрек близкую кончину, сказав ей лично: «Тебе и жить-то осталось всего двенадцать лет». Так и случилось. По прошествии двенадцати лет монастырской жизни она скончалась.

Кроме этих и подобных им частных случаев, старец отец Леонид постоянно окружен был крестьянами и, по преимуществу, крестьянками, к занятию с которыми, как упомянуто выше, был более расположен. Бывали по этому поводу очень странные случаи. Архимандрит А. рассказывал, что, пришедши в первый раз к старцу Леониду, он застал его занимавшимся с крестьянками. Старец был в простом холщовом замаранном балахоне; в одной руке держал штоф, наполненный какой-то жидкостью, а в другой рюмку и, наливая в нее из штофа, подавал одной из окружающих его крестьянок. При виде этого архимандрит остолбенел. «Что ж ты удивляешься? – сказал старец. – Али не помнишь, как ты сам бочками варил это зелье?» При этих словах неожиданное зрелище очень просто объяснилось для архимандрита. Старец подавал больной крестьянке горькую воду, которой и приезжий архимандрит когда-то, бывши еще мирским человеком, лечил многих больных и для сего приготавливал ее в большом количестве. Соблазн в архимандрите сменился после сего удивлением, как старец, который в первый раз его видел, мог напомнить ему о таком обстоятельстве из его жизни, о котором даже и сам он забыл.

Видя старца Леонида в такой молве народной, некоторые из посетителей выражали некое недовольство на него, вероятно, считая занятие его с простым народом делом не

Житие оптинского старца Льва

очень важным, а может быть, и бесполезным или даже неуместным. Но старец умел вразумлять таковых. Однажды приехал в Оптину пустынь благочинный из города Белева почтенный отец протоиерей Иоанн Глаголев, который любил и уважал отца Леонида и взаимно им был уважаем. Пришедши к старцу, отец Иоанн нашел его по обычаю окруженным крестьянками. «Охота вам, батюшка, возиться с бабами», – сказал он со свойственной ему простотой. «Что ж, отец Иоанн, и правда: это бы ваше дело, – ответил старец, – а скажите-ка, как вы их исповедуете? Два-три слова спросите, вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, вникнули бы в их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда долго с ними заниматься. Ну а если и мы не будем их принимать, куда же они, бедные, пойдут со своим горем?» Пристыженный протоиерей сознался в необдуманности сказанных старцу своих слов.

Глава XIII

Гонение на старца отца Леонида и на его учениц, живших в Белевском женском Крестовоздвиженском монастыре (1839–1841 годы)

Несмотря на видимо благие и благотворные действия старца отца Леонида, его постоянно подозревали неблагорасположенные к нему люди, за ним следили и в свое время судили формальным порядком. Так рассказывала о себе вышеупомянутая девица из дворян Параскева Трунова.

«Бывши в Оптиной в 1839 году, я проживала с компаньонкой в монастырской гостинице. Вздумалось нам с ней однажды пройтись по дорожке к скотному двору. Тут мы нечаянно встретились с двумя особами – иеромонахом и подначальным священником, противниками старца отца Леонида. На вопрос последних, кто мы и зачем приехали в Оптину, мы ответили, что приехали к старцу отцу Леониду полечиться, так как, действительно, у одной из нас

болела рука, а у другой нога. Допрашивающие нас заметили, что старец не доктор и лечит только душевные болезни. Мы, в свою очередь, возразили: „В таком случае мы попросим у него совета, что нам делать“. – „А вы, – продолжали иеромонах со священником, – возьмите маслица от святой иконы Божией Матери и мажьте им больные места“. Мы поблагодарили их за совет, сказав, что у нас есть в Оптиной братья*, которые доставят нам масла. Узнав же, что у нас тут есть родственники, непрошенные наставники прекратили разговор. А после старец, узнав о нечаянной нашей встрече, посоветовал нам вперед остерегаться и избегать подобных людей.

* Вышеупомянутые послушники Павел и Симеон Труновы были родные братья Параскевы Труновой.

Пришлось нам с компаньонкой в этот приезд и еще быть у старца. Вдруг он нам и говорит: „Завтра, девочки, сидите в номере гостиницы и никуда не выходите; завтра будет суд“. – „Кого же, батюшка, будут судить-то?“ – спросили мы. „Да меня“, – ответил старец. Действительно, на другой день расположилась следственная комиссия в нижнем этаже гостиницы, на втором этаже которой сидели мы в страхе. Судьи призывали к себе сначала иеромонахов, потом иеродиаконов, далее монахов и послушников и всех допрашивали, не знает ли кто об отце Леониде чего-либо укорного. Однако никто из них не сказал о нем ни одного плохого слова. Суд окончился скоро, а мы целый день просидели в номере голодными, потому что гостинник в суетах забыл покормить нас в свое время. Узнав о счастливом исходе суда над собой, старец сказал: „Это девочки помолились обо мне“».

Но все эти и подобные им неблагоприятные действия со стороны начальства и вообще неблагоприятных людей не были для старца отца Леонида новостью и не могли много беспокоить его, так как они касались только его одного. Попущением Божиим перед самой кончиной старца враг навел на него еще одно последнее

предсмертное испытание, которое для него особенно было чувствительно, потому что касалось не его одного, а многих из его духовных детей.

В числе приходивших к старцу отцу Леониду для духовных советов были и девицы разных сословий, которые, не имея склонности к брачной жизни, но желая с молодых лет уневестить себя Единому Небесному Жениху и Невестохранителю чистых душ, Царю Христу, просили об этом совета у опытного старца. Он принимал и их с отеческою любовью и, раскрывая им правильный взгляд на иноческую жизнь, научал идти узким путем отсечения своей воли и разума и не только удаляться от страстей, но исторгать и самые корни их, очищая сердце от страстных помыслов и мысленных приражений, чрез частое откровение и исповедание оных опытным и искусным в духовном делании. Некоторым из девиц, изъявлявшим искреннюю готовность идти этим путем, старец советовал вступить в Белевскую обитель и отдать себя в руководство бывшей там старице рясофорной монахини матери Анфии, которая возросла и преуспела в деятельной духовной жизни под опытным руководством самого отца Леонида и обращалась к нему за духовными советами и наставлениями еще до водворения старца в Оптиной пустыни. Настоятельница же Белевского монастыря игуменья Епафродита, видя, как мать Анфия и близкие к ней сестры видимо преуспевают в духовной жизни, оказывала им заметное предпочтение. Исконный враг рода человеческого воспользовался этим, чтобы уязвить других нерадивых, и они приняли в свое сердце стрелу зависти против Анфии и преданных ей сестер. Вследствие чего и постигло Белевскую обитель великое искушение.

Дело было так. В Белевском монастыре жила манатейная монахиня N., дочь вышеупомянутого скитского схимника отца Вассиана, такая же необразованная простушка,

как и родитель ее. Она часто посещала его и, что ни говорил ей отец Вассиан, все принимала за истину и переносила в свой монастырь. В то же время в обители этой жили две сестры-дворянки, Мария и Марфа Николаевны Сомовы, которые поступили в монастырь по благословию оптинских старцев отца Леонида и отца Макария. В числе обращавшихся к упомянутой матери Анфий за духовными советами были и эти две сестры, которые жили сначала вместе в одной келье. Но так как они были разного настроения, то одна из них, Мария Николаевна, решила отделиться от своей сестры и приобрести для себя другое помещение, что и сделала. По благословию старца отца Леонида она продолжала обращаться к матери Анфии, а Марфа Николаевна, как образованная институтка, стала смотреть на старческое благословение и духовное руководство как на дело излишнее и стала жить в монастыре вольно. От скуки она часто приглашала к себе мать Н., которая каждый раз по возвращении из Оптиной от своего родителя рассказывала про старца отца Леонида разные небылицы. Послушать эти небылицы Марфа Николаевна всегда приглашала своего духовного отца, монастырского священника отца Григория. Общее их мнение о старце отце Леониде и о его ученице матери Анфии было таково: будто бы мать Анфия привлекает к себе сестер, распространяет между ними какое-то новое учение, исповедует их и разрешает именем отца Леонида. Эти и подобные им вымыслы, основанные на извращении самых простых и невинных слов и действий добродетельной старицы, конечно по внушению бесовскому, принимались как истинные.

Священник и в свое время духовник Белевского женского монастыря отец Григорий, человек молодой, строгой постнической жизни, поначалу, когда старец отец Леонид жил на скитской пасеке, глубоко почитал его, был его

духовным сыном и даже удивлялся его старческим подвигам. А отец Макарий, духовный друг и сотаинник старца отца Леонида, проезжая по обстоятельствам из Оптиной в Орел через Белев и обратно в Оптину, всегда имел в доме отца Григория ночлег. Потому отец Григорий к обоим старцам был в самых близких отношениях. Но когда ему пришлось слышать разные ложные невыгодные толки о старце Леониде, вера его к старцу поколебалась. Естественно потому было, что он стал подозрительно смотреть и на мать Анфию, которую невзлюбил за то, что она и по ее примеру некоторые другие сестры обращались за духовными советами к старцу отцу Леониду. В этом он считал себя только единственным законным руководителем их и потому видел в этом умаление своей чести, смешивая в своих понятиях таинство Исповеди, составляющее, как известно, неотъемлемое право всех имеющих духовную власть вязать и решить, то есть облеченных благодатью священства, со старчеством, или с откровением помыслов, которое, по уставу иноческого жительства, есть принадлежность лишь одних опытных и усовершенствовавшихся в деятельности иноческой жизни старцев и стариц*.

Кроме того, отец Григорий при строгом личном взгляде на монашество блазнился тем, что старец отец Леонид был тучного телосложения и принимал много посетителей разного рода и возраста, входил в их объяснения и выслушивал всякие их непристойные слова и деяния, что, по его мнению, не должно бы входить в слух схимника и осквернять ангельскую чистоту души его. Вследствие этого отец Григорий стал думать, не кроется ли здесь какая-либо ересь – масонство или еще что. Об этом он прежде всего писал близкому своему родственнику, известному подвижнической жизнью иеросхимонаху Киево-Печерской лавры и духовнику Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова) отцу Парфению, который нашел нужным

* См. о сем различии подробно ниже в письме старца отца Макария к матери Анфии и Марии Николаевне Сомовой.

*Киево-
Печерская
лавра.
Литография.
Вторая
половина
XIX века*

вызвать отца Григория в Киев для личного совещания, какие принять меры к тому, чтобы открыть заблуждение.

Известно, что старец отец Парфений, хотя был подвижник и Божий угодник, но недалеко был в знании догматов Святой Православной Церкви и не знаком был с учениями еретическими, а потому после беседы с отцом

Григорием, который по недоразумению передал ему ложь за истину, оба они заключили, что заблуждение оптинского старца отца Леонида и его учеников и учениц есть не что иное, как масонство. Если бы отец Парфений в то время представил отца Григория митрополиту Филарету, то дело об отце Леониде очень легко бы разъяснилось и ничего бы особенного не произошло. Но враг, ненавистник всякого добра, попутал – не допустил старцу Парфению прийти к этой благой мысли, и затеянное отцом Григорием дело получило весьма печальный оборот.

Получив от старца Парфения благословение, отец Григорий отправился в свой Белевский монастырь с твердым намерением вывести наружу таящуюся ересь и тотчас по приезде ревностно принялся за это дело. Он начал с того, что сделал заявление о своем открытии настоятельнице монастыря игумении Епафродите и тем немало смутил добрую старушку. Напрасно она поставляла на вид отцу Григорию, что оговариваемая им старица Анфия и единомысленные с ней сестры – лучшие овечки врученного ей Богом словесного стада. Отец Григорий не хотел ничего слушать, уверяя с клятвой, что он открыл таившуюся доселе ересь и по долгу своего звания считает себя обязанным вооружиться всеми мерами против этого зла.

Затем он стал усердно распространять как в своей обители, так и вне ее разные хулы и поречения на старца отца Леонида. Когда известие об этом дошло до смиренного старца, он, как уже искусившийся в духовных бранях воин, встретил благодушно не новые для его слуха клеветы. Но его спостник и духовный друг отец Макарий, имея в виду не столько обличение, сколько вразумление ревнующего не по разуму отца Григория, написал ему весьма убедительное и вместе проникнутое духом кротости и снисхождения к заблуждающемуся собрату письмо следующего содержания:

«Ваше благословение, достопочтеннейший во иереях отец Григорий! К сердечному моему сожалению, слышу о вас, что вы приняли ложно мнение и убедились в оном против батюшки отца Леонида не только в худую сторону о его жизни, но даже и о вере, причитая к какой-то секте или ереси, чего я от вас не ожидал. Имея к вам сердечное расположение, желаю вывести вас из сего заблуждения; ибо вы подпадаете греху хулы на неповинного и делаетесь виновником того же и в других. Кто вам внушил о нем таковое мнение, надобно испытать, достоин ли он вероятия и на чем основал свои доводы.

Не всякому дѹху вѣруйте, но искушайте дѹхи, аще от Бѹга суть, – пишет святой апостол (1 Ин. 4, 1). Отца Леонида довольно знают Святейшего Правительствующего Синода члены, высокопреосвященные митрополиты, весьма с хорошей стороны. Киевский же митрополит знал его еще прежде, бывши в Орловской епархии настоятелем в Свенском монастыре; а отец Леонид жил тогда в Белобережской пустыни, которые были расстоянием не более как в 20 верстах и частое имели сношение. В 1837 году, в проезд его высокопреосвященства в Киев, бывши в нашей пустыни, оказал ему очень милостивое архипастырское благоволение. Отец игумен (Моисей) и отец Антоний имеют к нему весьма хорошее расположение и уважение и во многом с ним советуются. Также и другие отцы и братия наши имеют к нему доверие и любовь и пользуются его наставлениями. И светские разного звания люди приходят к нему и отходят не без утешения в душевном их прискорбии и недоумениях. Отец Леонид находился около 20 лет при опытном в духовной жизни старце схимонахе Феодоре. Схимонахи Феодор и спостник его Клеопа известны правостью веры и святостью жизни, которые были ученики молдавского старца Паисия, а он (отец Леонид) от них был наставляем в духовной жизни.

Глава XIII

Правость веры его известна высокопреосвященным митрополитам Московскому и Киевскому и нашему преосвященному, яко предстоятелям Церкви. Да и мы все знаем и твердо уверяем, что он верует во Святую Единосущную и Нераздельную Троицу – Отца и Сына и Святого Духа, как Святая Соборная и Апостольская Греко-Российская Церковь повелевает, и все догматы и постановления ее право исповедует и содержит и никогда ни к какой ереси и секте не принадлежал и не принадлежит. Жизнь проводит, сколько можно по силам его и здоровью, воздержную, а не соблазнительную. Иначе как бы могли как свои братья, так и светские люди от него пользоваться? Есть, правда, люди, которые приходят со испытанием и лукавством, желая найти чудотворца, прозорливца или прорицателя, и, не находя в нем ничего из сих качеств, произносят на него свои хулы, которые, как видно, дошли и до вашего слуха и возмутили дух ваш. Тогда бы надобно было о нем сожалеть, если бы все рекли о нем добро; ибо, по слову Спасителя нашего, горе человеку тому, о нем же реку́т вси челове́цы до́бре (см.: Лк. 6, 26). Кто ж убежал

Почтовая
открытка.
Начало
XX века

хулы и поношений из благочестиво живущих, когда и на Самого Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, не сотворившего ни единого греха, но благодетельствующего душам и телесам человеческим туне, вопияли и соблазнялись? В чем удостоверяемся Его Божественными словами: *а́ще господи́на до́му веельзеву́ла нареко́ша, ко́льми́ па́че дома́шния егó* (Мф. 10, 25). *А́ще Мене́ изгна́ша, и вас изжену́т* (Ин. 15, 20).

Очень немудрено, что враг вооружается на него за то, что он наставлениями своими восставляет многих к твердости в вере, к благочестивой жизни, к разрушению вражды, между людьми бываемой. Всего этого враг ненавидит и восставляет на него возносить хулы, мня его поколебать. Однако ж он, благодатью Божией хранимый, нимало не повреждается и не малодушествует от оных; но, сожалея о них, охотно им прощает и молится за них Богу, да не поставит им в грех сего. И об вас он крайне соболезнует, всеу преткнувшемуся о нем в вашем мнении и себе вреждающем. А мне жаль и батюшку отца Леонида за ложную о нем клевету, и вас за вероятие оной. Как же может быть совесть ваша спокойна и мирна, когда столько душ ложно преткнулись? Святой апостол Павел пишет к Галатам в 5-й главе стихе 10: *смуца́йй... вас понесе́т грех*. Вот как важно и бедственно разглашением ложных слухов возмущать других совесть!

Еще когда бы порицать только в какой-нибудь, по мнению их, греховной жизни, то это сродно всякому человеку, и никто же без греха́, а́ще и еди́н день жи́зни егó бу́дет (см.: Иов. 14, 4–5). А когда дело идет до веры, то имею долг в сем его защитить и оправдать. Святой Агафон, быв укорен от некоторых различными греховными укоризнами, отвечал на всякую: „Грешен есмь“. А когда сказали ему: „Агафон – еретик“, – он сделал возражение. И когда возпросили его, почему он все укоризны с терпением перенес,

а сего последнего не перенес, – отвечал: „Грехи оные сродны человеку, и надеемся во оних получить прощение милосердием Божиим, а еретик есть отлучен от Бога“. Видите, как это важно, что и святой стал против сего; то не должен ли я, имея к батюшке любовь и зная его правость, в защиту его представить вам, что он верует так, как выше вам объяснил.

Но и жизнь его есть добродетельнейшая, и служит для нас и для многих примером. Все же ереси и противные религии мудрования совершают в тайне и скрытно, а в нем ничего такого не видим. Если ж кто находит что противное, пусть судит как хочет; но суд Божий и суд человеческий имеют великую разность. *Прéжде врéмени ничтóже судíte* (1 Кор. 4, 5). На Страшном Суде, когда предстанут человецы нелицеприемному Судии, тогда обличатся каждого не токмо дела, но и советы сердечные. Может быть, и скажут: се человек, егóже имéхом нéкогда в посмéх и поругáние, кáко вменíся в сынéх Бóжиих, и во святýх жрéбий егó есть (см.: Прем. 5, 3; Прем. 5, 5). Сие пишу вам единственно из сожаления к вам и желая вас вывести из ложного мнения, дабы успокоить дух ваш. Ведь я уверен, что вы не имеете спокойствия, приняв на него таковое мнение. Прошу вас, Господа ради, для вашей душевной пользы, оставьте оное и не верьте тем, кои внушают вам сие. Желаю, чтобы благодать Божия коснулась вашего сердца в познании предлагаемой мной вам истины.

Поручая себя вашим святым молитвам, с нижайшим почтением остаюсь вашего благословения усердный смолитвенник, многогрешный иеромонах Макарий. Января 24 дня 1839 года».

Это убедительное и вместе любвеобильное письмо смиренномуудрого старца Макария, может быть, и оказало бы на отца Григория благоприятное действие, но, подкрепляемый авторитетом киево-печерского старца Парфения,

он, как видно из последствий, не придавал ему особенного значения. Между тем пущенная им в ход молва, будто бы он открыл в Белевском женском монастыре ересь, в том же году дошла до епархиального архиерея. Отец Григорий и мать игумения Епафродита немедленно вызваны были в Тулу. На вопрос преосвященного Дамаскина – в чем дело, отец Григорий не обинуясь подтвердил свое мнение о мнимой ереси, называя проповедником оной оптинского старца отца Леонида, а распространительницами ее в Белевском монастыре – старицу Анфию и послушницу Марию Николаевну Сомову, подкрепляя все это ссылкой будто бы на признание бывших в той же ереси и раскаявшихся двух своих духовных дочерей.

Преосвященный, смущенный неблагоприятными слухами об обители и притом опасаясь, чтобы молва эта не пошла далее и не повредила ему во мнении высшего начальства, поспешил дать веру словам отца Григория и решился строгими мерами пресечь зло в самом начале и тем утолить молву, невыгодную для обители в частности и для епархии вообще.

Дело началось тем, что вслед за отцом Григорием вызвана была в Тулу оговоренная им в ереси мать Анфия с единомысленными с ней сестрами. По прибытии в Тулу мать Анфия по приказанию преосвященного отдана была на увещание тогдашней игумении Тульского Успенского монастыря Клавдии. Наслышавшись о какой-то ереси и боясь, как бы самой не подпасть гневу владыки, игумения принялась за дело с полным усердием. Она позвала мать Анфию в свою образную и, поставив ее перед иконами, стала настойчиво увещевать мнимую еретичку признаться чистосердечно в своем заблуждении, обещая, что она в таком случае будет ходатаицей о их прощении у преосвященного, который, как чадолюбивый отец, желает лишь раскрыть истину. Мать Анфия, не зная за собой

никакой вины, просто и кротко отвечала игумении, что она, признавая себя грешной вообще, однако, не знает за собой никакой ереси, и просила в свою очередь объяснить ей, в чем именно требуют от нее признания. Тогда игумения повела речь с другой стороны и начала осыпать неизвестного ей старца хулами, говоря, что он масон и увлек их, невинных, в свою ересь. Мать Анфия заметила на это, что она не знает, что такое значит «масон», но твердо знает, что безвинно хулимый ею старец отец Леонид известен как муж опытный в духовной жизни и учил их не чему иному, как прямому монашескому пути, согласному с писаниями святых богодухновенных отцов, просиявших в монашеском жительстве. Игумения прервала ее вопросом: «А что, он давал вам читать свои книги?» – «Да, – отвечала мать Анфия, – я и теперь читаю по его наставлению книгу аввы Дорофея, которая, по словам старцев, есть азбука монашеской жизни».

По запискам же киево-печерского иеросхимонаха отца Антония, игумения, увидавши у подсудимых – матери Анфии с другими сестрами – книги Добротолюбие славянское и преподобного Ефрема Сирина, спросила: «Какие это книги?» Мать Анфия ответила. Но как сама игумения, по-видимому, никогда этих святоотеческих книг не читала, то, желая привести свое неудачное увещание к какому-

*Преподобные авва Дорофей
и Досифей. Книжная миниатюра*

либо концу, воскликнула: «Ну, так и есть, масоны, черно-книжники! Говорю вам: вы, милые, впали в ересь и, если не раскаетесь, погибнете, погибнете непременно и здесь еще будете наказаны с примерной строгостью». Рассерженная своей неудачей, игуменья представила преосвященному мать Анфию упорной еретичкой, ни в чем не сознающей. Отобранные книги – Добротолюбие и святого Ефрема Сирина – препровождены были игуменией при рапорте в духовную консисторию как еретические.

Над остальными оговоренными в мнимой ереси сестрами (всех числом тринадцать) поручено было произвести дознание бывшему тогда настоятелю Новосильского Свято-Духова монастыря архимандриту Никанору. Следователь хотя и допрашивал поодиночке сестер, но ничего не мог узнать более того, что было прежде известно всему Белевскому монастырю, то есть что сестры эти ходили к старице Анфии за духовными советами, от чего ни она, ни сестры и не думали отпираться. Не желая обвинить в слишком поспешном заключении отца Григория, следователь не решился оправдать и подпавших гневу владыки сестер и потому представил их в своем донесении как упорных, ни в чем не сознающих.

После этого дознания, не приведшего ни к какому положительному результату, преосвященный Дамаскин словесно приказал игумении Епафродите донести ему письменно о случившемся в ее обители. Добросердечная, но робкая старица игуменья, видя, что ей во исполнение данного поручения всячески придется обвинить тех, кого она по внутреннему своему убеждению считала невинными, решила, по крайней мере, обвинить их не в ереси, а в самочинии; и потому в донесении своем преосвященному от 24 ноября 1840 года об обвиняемых сестрах написала, что она «никакой другой ереси в них не нашла, как одно лишь монахини Анфии своеволие».

Времени после того прошло более двух месяцев. Наконец, на донесение игумении Епафродиты в феврале 1841 года последовала резолюция преосвященного такого содержания: «Монахиню Анфию, по снятии с нее рясофора, выслать из монастыря немедленно, препроводив вид ее увольнительный в правление (Белевское) для выдачи ей по принадлежности. Послушниц, не определенных начальством, но, вопреки распоряжениям оного, проживающих в монастыре, также выслать из монастыря. Настоятельница, за слабое смотрение за проживающими в монастыре и за неисполнение распоряжений начальства, воспретить в течение двух недель употребление мантии, привнушив, чтобы она смотрела внимательнее за порядком в монастыре и не допускала до невыгодных слухов об оном». Не во всей, однако, силе приведена была в исполнение эта резолюция преосвященного, осуждавшая на изгнание из обители мать Анфию и всех ходивших к ней за советами сестер. Матери игумении удалось упросить владыку ограничиться лишь двумя, признанными более других виновными и упорными – матерью Анфией и девицей из дворян Марией Николаевной Сомовой, которые и высланы были из обители. Прочие же остались в сильном подозрении и под надзором.

Между тем, молва о белевских происшествиях разнеслась всюду и вызвала новые стеснительные меры в отношении к оптинскому старцу отцу Леониду, как причастному судебному делу о его белевских ученицах. Недоброжелатели, по этому особенно случаю, представляли его каким-то самовольным нарушителем монашеских правил и упорным ослушником начальства. Из кельи, построенной для успокоения старца господином Желябужским, велено было отцу игумену Моисею в конце 1840 года перевести его в другую, в корпус жившего в то время на покое в Оптиной пустыни архимандрита Мелхиседека,

подальше от ворот и от мимо ходившего народа. Главное же при этом имелось в виду то, что архимандрит, как человек заслуженный и имевший вид необщительный, не потерпит в соседстве старца Леонида, всегда окруженного множеством народа, и будет за это жаловаться начальству, а тем самым подаст случай запутать старца и двинуть его из Оптиной пустыни в какой-либо другой монастырь. Но ожидание это не оправдалось. Отец архимандрит понимал старца и смотрел на него как на человека, в Бозе живущего, и хоть по временам и ворчал на посетителей – зачем старца беспокоят и чрез это навлекают на него такую беду, – но к самому старцу был вежлив и ласков и нередко с уважением к нему выражался так: «Отец Леонид! Я удивляюсь вашей жизни и беспредельному вашему труду, да еще в вашей старости. Я соглашусь лучше землю копать, нежели толковать с ними, да еще так любезно, что все довольны остаются. О, да поможет вам Бог! Меня это удивляет». Добрый этот отец архимандрит скоро скончался.

Вместе с переводом старца в другую келью ему снова строго запрещено было епархиальным начальством принимать мирских посетителей, что, впрочем, опять было ненадолго. Как раз к этому времени приехала в Оптину осужденная на изгнание мать Анфия. Старец очень стеснен был в приеме посторонних посетителей; но когда узнал о ее приезде, то, как отец сердобольный, готовый положить душу свою за своих искренних учеников и учениц, решительно сказал: «Хоть бы меч над головой моей висел, а Анфию принять нужно». Полный веры в Божественный Промысл, старец всеми мерами ободрял упавшую духом мать Анфию и прочих оклеветанных с ней сестер. И вообще старец отец Леонид и отец Макарий, сами искушенные в скорбях, знали, как помогать искушаемым. Будучи глубоко убеждены в торжестве наветуемой истины, они укрепляли скорбящих потерпеть в чаянии Бóга,

спасающего от малодушия и бури (см.: Пс. 54, 8), помня, что Господь никому не посылает искушения выше сил, но не замедлит сотворить со искушением и избытие.

Стеснительное положение самого отца Леонида усиливалось еще тем, что его, больного старца, заставили ходить ежедневно к церковным службам. Повинуясь воле начальства, как воле Самого Господа, старец собирал свои слабеющие силы и с ударом колокола выходил из кельи. Но чудное было в то время зрелище. Его шествие в храм Божий походило на шествие триумфальное. Народ с нетерпением ждал его появления. При его выходе из кельи многие повергались перед ним на землю, все старались принять от него благословение и поцеловать его руку, некоторые целовали края его одежды, а иные громко выражали свое сострадание к нему. Небольшое пространство от кельи до церкви старец проходил между двух стен народа не менее получаса, шутя отгоняя палкой слишком теснившихся к нему. У правого клироса, где становился старец, собирались огромные толпы народа.

Между тем жизнь старца догорала. К осени 1841 года пришлось по обстоятельствам быть в Оптиной пустыни вышеупомянутой девице из дворян, в то время уже послушнице Борисовской женской пустыни Параскеве Труновой. Пришла она к старцу. По слабости сил он лежал в это время на койке, а возле него сидел батюшка отец Макарий. «Вот хорошо, что пришла, – сказал старец. – Иди, я передам тебя отцу Макарию». И затем, взяв ее руку в свою полу, передал ее в полу отца Макария. Нужно было вскоре после того Труновой исповедаться. Старец отец Леонид раскрыл ей в подробности всю ее жизнь, где, когда и что она делала. И затем велел ей пойти исповедаться у батюшки отца Макария. Когда же она возразила: «А что же вы-то, батюшка?», старец сказал: «Ведь я передал тебя отцу Макарию, а я скоро должен умереть». В это время

послышалось сильное урчание в животе старца. «Вот слышишь? – промолвил он. – Это признаки моей близкой смерти». Смущенная такой неожиданностью, Трунова заговорила было: «Да как же так, батюшка? Как же жить-то без вас?» Старец успокоительно ответил: «Не смущайся, отец Макарий будет действовать точно так же, как и я». Когда же готовившаяся к исповеди Трунова высказала старцу свое опасение, как бы ей не забыть кое-что из того, о чем напоминал ей старец, он сказал: «Если что забудешь, отец Макарий напомнит, а если и он о чем не напомнит, то, когда придет ко мне, я ему напомню». С того времени она стала духовной дочерью отца Макария. Все это было, по замечанию Труновой, месяца за два до кончины старца отца Леонида.

Отпуская на этот раз Трунову из Оптиной обратно в свой монастырь, старец еще подтвердил ей, что он скоро умрет, и велел втайне передать двум борисовским монахиням, чтобы приехали проститься с ним, что, конечно, в свое время и было ими исполнено. А кроме того, старец вручил Труновой письмо к одной из бывших под опалой учениц своих в Белевском женском монастыре, матери Павлине, и крепко заповедал ей всячески добиться, чтобы отдать матери Павлине письмо в собственные ее руки и от его имени сказать ободрительное: «Не унывай!» Приехавши в Белев, Трунова, чтобы не навлечь на себя подозрения, остановилась не в монастырской гостинице, а на частной квартире; ибо белевские старцевы ученицы были в большом подозрении и за ними следили. Когда Трунова подошла к келье матери Павлины, первая вышла ей навстречу, вероятно как изгнанница, прибывшая сюда на время, мать Анфия с вопросом: «Что вам надо?» – «Мне надо, – отвечала Трунова, – видеть мать Павлину». Мать Анфия сказала, что она нездорова. «Но у меня есть письмо к ней от батюшки отца Леонида, – продолжала Трунова, – и батюшка велел мне

передать его письмо в собственные ее руки». Тогда только мать Анфия, передав слова Труновой матери Павлине, вызвала ее для свидания. Вышла мать Павлина, бледная, худая. Видно было, что сильная скорбь до безнадёжности точила ее сердце. Трунова передала ей письмо и сказала: «Батюшка не велит вам унывать». Слезы радости при этих словах полились из глаз матери Павлины и оросили как старцево письмо, так и принесшую его. Расспросам не было конца: «Как же это вы его видели? И где же видели?»

Кстати, продолжим еще речь о белевских страдальцах. Много скорбного досталось на долю невинно оговоренной матери Анфии и преданных ей сестер. По изгнании из монастыря она и Мария Николаевна Сомова не знали, где главу приклонить, потому что, куда ни являлись, везде их принимали с недоверием и подозрением. Приехавши в Воронеж, мать Анфия желала приютиться, хоть на несколько времени, в тамошнем женском монастыре. Встретившись с одной монахиней, она спросила: «Не была ли здесь Мария Николаевна Сомова?» Монахиня с боязнью ответила: «Была и пробыла у нас несколько дней; но мы боимся об этом и говорить, чтобы самим не попасть в беду. Говорят, она какая-то опасная еретичка. А еще, слышно, была там в Белеве какая-то Анфия, так ту, говорят, в Сибирь сослали». Слыша о себе такой отзыв, мать Анфия, конечно, должна была скоро удалиться из Воронежа и в ожидании какой-либо перемены проводить скитальческую жизнь.

Большим скорбям и унижениям подвергались и оставшиеся в монастыре единомысленные с матерью Анфией сестры. Но во всех скорбях их поддерживали взаимные между ними любовь и единодушие; ибо общие скорби и гонения, как известно, сближают людей. Вместе с тем должно заметить, что эти достолюбезные качества были в них, так сказать, отражением любви и единомыслия, господствовавших между их старцами-руководителями

Белев.
Общий вид.
Почтовая
открытка.
Начало XX века

Леонидом и Макарием. По словам одной из числа бывших в гонении сестер, упомянутой выше матери Павлины, радости и скорби у них были общие: если одна из их малого общества была чем-нибудь утешена, то это составляло общую радость для всех, они не знали зависти; и, напротив, скорбь каждой разделялась и облегчалась общим участием и общею любовью всех сестер. Также великим укреплением и утешением среди скорбей служила для гонимых отеческая любовь старца отца Леонида, который в это тяжелое для них время не оставлял их своими словесными и письменными назиданиями. Утешая их, он твердил им: «Потерпите Господа ради. Печаль ваша в радость преложится. Верую Господу, – прибавлял он еще, – насколько Белевская обитель обесславилась, настолько впоследствии прославится. Верую, что Белевский монастырь будет мой, что будет в нем моя игумения». Слыша эти слова отца Леонида, мать Павлина (впоследствии игумения Белевского монастыря), известная своей духовной жизнью, в недоумении размышляла: «Как это может быть? Должно быть, для восстановления нашей обители пришлют к нам какую-нибудь монахиню из Севска». А что слова старца

относились к ней самой, этого она, находясь в то время в скорбном и уничиженном положении, и предположить не могла.

Между тем время шло, а конца испытанию бывших в гонении еще не было видно. И мать Анфия с Марией Николаевной Сомовой так были удручены своим неопределенным безвыходным положением, что, как можно видеть из приводимого здесь старческого к ним письма, стали уже и терять веру к старцам и в старчество. По этому поводу они и получили от оптинских старцев письмо следующего содержания:

«Достопочтеннейшия о Господе мать Анфия и Мария Николаевна! Мы прочли ваше письмо с немалым удивлением. *Маловѣре, почто́ усомнѣлся еси́* (Мф. 14, 31)? – так говорил Божественный наш Спаситель возлюбленному Своему ученику Петру в то время, когда он утопал. Теперь то же потопление случилось с вами. И мы тем же гласом Спасителя взываем к вам: *маловере!*.. Неужели многократные опыты наших наставлений от Божественных Писаний и святых богоносных отец не могли удостоверить вас в истине спасительного пути, коим шествовали преподобные отцы, которым и мы тщимся подражать, по мере сил наших? Хотя недостойны и скудны в добродетелях, но желаем вам, хотящим спастися, шествовать путем, указанным нам ими, а потому немало огорчает нас ваше малодушие. Если вам угодно слушать нас, то почто злая помышления входят в сердца ваша? Рассматривая едва не потонку действие врага рода человеческого, видим, как он тщится под предлогом истины совратить вас с пути избранного, с пути добродетели. Спрашиваем вас: может ли учить иностранному языку тот, кто не знает оно́го? Великое различие между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто в какой чин призван, тот в нем да пребывает. Опыт лучший учитель. Писано есть: да будут тебе

друзья мнози, но советники един от тысяч (см.: Сир. 6, 6). А когда усомневаетесь в советах и наставлениях наших, почто прибегаете к нам? Мы никого к себе не привлекаем – вы это знаете.

По уставам иноческого предания при пострижении от Евангелия передают старицам, а не духовным отцам, которым (то есть старицам) и должны новоначальные открывать свою совесть для получения советов и наставлений, как противостоять искушениям вражиим. Но это не есть исповедь, а откровение. И в сем случае исполняется апостольское предание: исповедайте друг другу согрешения ваша (см.: Иак. 5, 16). Таинство же Исповеди совершенно другое и не имеет к откровению никакого отношения. Обязанности духовника совершенно другие, нежели отношения к старицам. Припомним об одной синклитике, которую архиерей передал одной старице и спросил ее, в каком находится исправлении. Получил ответ, что слишком добра к ней. Тогда он передал ее другой старице, строжайшей, и по прошествии некоторого времени узнал от нее, что сия смягчила ее нравы. Не есть ли оное образ и нынешнего предания? Мать игуменья ваша поступает благоразумно и сообразно уставам иноческого предания, желая сестер заблаговременно приучить к очищению своей совести, до пострижения в монашество, а тем самым делает настоящий искус, по преданию святых отец, в иночестве просиявших.

Что касается до того, что будто в келье без священника нельзя молиться, то это более удивления достойно, нежели вероятия. Сколько видим святых жен, в пустыне житествовавших, в посте просиявших! Чем они занимались, как не молитвой в уединении? Святая Мария Египетская в пустыне без пресвитера приносила свои молитвы и только в последний год жизни удостоилась узреть святого Зосиму и принять от него Святые Христовы Тайны. На счет же того, что без благословения старицы ничего не

делать, это не только полезно, но и спасительно. Из множества примеров, имеющих в Патерике и писаниях святых отец, напоминаем о том ученике, который, будучи послан за послушание от старца в город, едва не впал в любодеяние, но, вспомняв старца, невидимой силой был восхищен и очутился в келье своей. Что относится до старцев, то в девичьих монастырях подразумевать должно о старицах. Не все старцы были священники. Сие ясно видеть можно из жития преподобного Пафнутия Боровского чудотворца (1 мая). Ибо у него в монастыре из 700 братьев не было ни одного священника, но все были под руководством старцев. Итак, лучше сообразоваться с уставами иноческого жития и быть спокойными.

В Добротолюбии (славянском) в послании святого Кассиана к Леонтину игумену (IV часть) напечатано: „Авва Моисей рече: да не точию, яже творим, но и яже помышляем, открываем отцем, и да ни в чем же своему помыслу веруем, но и во всем словесем старец да последуем, и оно быти добро веруем, еже аще они искусят. Сие же делание не точию истинным рассуждением и правым путем инока невредима пребывати устрояет, но и от всех сетей диавольских без вреда того сохраняет“. Сия помянув вашей любви от многого малое и поручая вас покрову Божию

*Преподобный Лев,
старец Оптинский*

и слову благодати Его, остаемся ваши недостойные богомольцы, многогрешный иеросхимонах Леонид и многогрешный иеромонах Макарий. 19 сентября 1840 года».

Так старец отец Леонид совместно с отцом Макарием старался утешать и ободрять гонимых за правду учениц своих, несмотря на то, что и сам в то же время, как сказано, терпел гонение. А тут еще, по козням вражиим, кроме стеснения от начальства, стала в народе разноситься молва, что отца Леонида сошлют в Соловецкий монастырь. Другие поговаривали, что его переведут в больницу Боровского монастыря под надзор и не позволят никому с ним видаться. Оптинские, тихоновские и малоярославецкие ученики отца Леонида с ужасом говорили об участии семидесятидвухлетнего старца, заточаемого в штатную обитель. Страшась за старца, они опасались и за себя: кто мог без него вести их по пути спасения? Пока жив был отец Леонид, никто для них не мог назваться старцем, ни к кому не было такой полной веры, ничье слово не имело такой великой силы. Он был как крепкий дуб, около которого обвивались они как слабые растения. С отнятием его все падало. Правда, после смерти своей отец Леонид как бы ожил в лице отца Макария, но в то время казалась невозможной жизнь без отца Леонида. Ученики предложили старцу защищаться и оправдываться и написать близкому знакомому отцу архимандриту Сергиевой пустыни Игнатию (Брянчанинову), чтобы заступился за него у членов Святейшего Синода и наипаче у Московского митрополита Филарета, бывшего тогда на чреде в Петербурге. Отец Леонид отказался. С непоколебимой верой в охраняющий нас Промысл, не попускающий искушений паче сил наших, а может быть, и прирав свыше извещение, что Оптина пустынь будет его могилой, старец на все опасения и жалостные о нем речи отвечал молчанием, плел свои пояски и принимал по-прежнему приходящих. Тогда уже

и отец Макарий, во главе всех, решился убеждать старца отца Леонида, чтобы поберег себя, по крайней мере, для учеников. «Что с нами будет, батюшка, если вас переведут в Боровск?» – «Не переведут, – отвечал утвердительно отец Леонид, – я здесь умру». – «Батюшка! – возразил отец Макарий. – Да мы малодушны, мы не имеем вашей веры. Умилосердитесь над нами и разрешите мне написать к отцу Игнатию. Вы только подпишите – об этом все вас умоляем». Несколько времени продолжались усиленные просьбы учеников. Наконец отец Леонид преклонился на мольбы чад своих и, видя, что от него не отстают и страхи за него с каждым днем усиливаются, сказал отцу Макарию на последнее его прошение: «Пиши что хочешь – я подпишу не читая». Отец Макарий поспешил воспользоваться этим разрешением старца и от его имени составил письмо, в котором, между прочим, написано было следующее:

«Вы желаете успокоить меня при старости лет моих, изыскиваете меры и средства к тому... Вполне сие чувствую и, приемля, приношу вам мою искреннюю благодарность. Что же касается до положения моего, в каком я теперь нахожусь, скажу вам: известные вам, может, наши обстоятельства, касающиеся до личности моей, при Божией помощи благодушно приемлю. Хотя и не смею сказать: „Вся могу о укрепляющем мя Иисусе“ (Флп. 4, 13), но знаю, что милосердый Господь, ведый немощь мою, таковые посылает искушения, во еже бы возмощи и понести их; и верую, что без воли Его ничтоже может последовать, а что происходит, все есть на пользу и ко спасению многогрешной души моей... В отношении же к ближним обязан принять участие в скорбях и сострадать им с соболезнованием, видя их немощствующих и еще требующих охранения от вредящих чувствам случаев и опасаясь, да не будут оные им преткновением и соблазном к ущербу душевного их устроения... Я не сопротивляюсь вашему ко

*Калуга.
Общий вид.
Почтовая
открытка.
Начало
XX века*

мне усердию, а что Господь возвестит вам сделать к успокоению моей старости, или сказать к защите меня против ложных клевет, усердно вам буду благодарен, и тем более, что сие относится не к одному мне, но и к благорасположенным по Бозе ко мне. И, конечно, за то не лишит вас Господь награды Своей, как за сострадание ближним».

Письмо, написанное отцом Макарием и без прочтения подписанное старцем Леонидом, послано было в Петербург. В это время в Сергиевой пустыни (Петербургской губернии) жил один из учеников старца, как будто нарочно занесенный туда на краткое время для участия в этом деле. К нему-то и отослано было письмо отца Макария или отца Леонида скитским монахом Иоанникием, постриженником и духовным сыном отца Леонида, для передачи отцу архимандриту Игнатию и для общего содействия. Письмо получено было вечером, а на следующее за сим утро отец архимандрит отправился к митрополиту Филарету для объяснения дела. Вскоре затем святитель Филарет написал в Калугу к епископу Николаю, что «ересь предполагать

в отце Леониде нет причины», и немедленно слухи об удалении старца из Оптиной замолкли.

Удивляться надо тому, что, какие бы перемены ни происходили в положении старца отца Леонида, он все принимал равнодушно, много не тревожась ими. «Всеобщий и всезлбный враг диавол, – писал он одному духовному своему сыну, – хотя и многие творит подсады нам, но ничтоже успеет, если мы будем уповать на Бога, помня сие учение: *блажѣни естѣ, егда понóсят вам, и ижденúт, и рекúт всяк зол глаго́л на вы лжúще, Менѣ ра́ди: ра́дуйтесь и веселíтся, я́ко мзда ва́ша мно́га на Небесѣх* (Мф. 5, 11–12). И хоть есть нечто смущенное в нас, но Господь всемогущий поколь сохраняет мое ничтожество, и впредь уповаю и вручаюсь Промыслу Его». «Вы печетесь о моей худости, что я будто нахожусь в оскорблении, – писал старец другому лицу. – Попечение сие доказывает чувства вашей ко мне любви, и я за оное чувствительно вас благодарю. Но что касается до меня, то благодарение всевышнему и всеблагому о мне Промыслу! Не вижу таковых скорбей, которые были бы невыносимы. Аще и какие случаются, то получаю и помощь Божию, во еже понести оные. Невозможно же, чтобы совершенно избавиться их, когда нам Господь наш Иисус Христос оставил их, яко наследие. Сам бо пострада за нас. И святые апостолы между многими учениями о терпении и необходимости скорбей написали и сие, что *мно́гими скорбьмí подобáет нам внúти во Цáрствие Небѣсное* (Деян. 14, 22). Посему, не ища добровольно скорбей, должно повиноваться воле Божией. Какие Ему угодно послать нам скорби, принимать должны все с благодарением». С такими чувствами встречал старец и переносил все причиняемые ему скорби и о собственной своей участи здесь, на земле, вовсе не заботился.

При последнем свидании преосвященного Калужского Николая со старцем отцом Леонидом, когда уже перестали

Житие оптинского старца Льва

стеснять его в приеме посетителей, владыка все-таки не преминул упрекнуть его в этом: «Ну что, старик, тебе все неймется? Сколько тебе ни запрещай, ты все возишься с этой бестолковой толпой. Пора бы тебе это оставить. Ведь умирать пора». Правдивый и прямодушный старец благодерзновенно ответил: «Владыко святой! Уже не к чему мне оставлять то, к чему я призван. *Пою Бо́гу моему, до́ндеже есмь* (Пс. 145, 2). Я и гоню их от себя палкой, как вы мне говорили, да вот не слушают». Затем прибавил еще: «А не угодно ли вам спросить у них, зачем они ко мне обращаются, – я ведь их к себе не зову». Но на это предложение старца владыка только рассмеялся и сказал: «Вот еще какую штуку выдумал!» Между прочим, оставил старца жить и действовать, как ему угодно, вернее же сказать – как указал ему Сам Господь.

Глава XIV

Блаженная кончина старца отца Леонида и погребение

Приблизился, наконец, определенный Богом старцу Леониду день и час перейти от мира сего. Об этом он давно уже имел предчувствие или предупреждение от Господа, потому многим говорил положительно о близости своей кончины. Так один военный, ревнуя о спасении души своей, возложил на себя вериги и, слыша о прозорливости старца, пожелал видеть его. Пришедши же в обитель, он застал отца Леонида в церкви у ранней обедни, по окончании которой и пошел за старцем вместе с прочими, желая принять от него благословение. Старец, благословляя, начал уговаривать его, чтобы снял вериги. «Батюшка! – сказал военный. – Благословите еще годок поносить, тогда я приду к вам, и вы сами снимете с меня». Так разговаривая, они дошли до места, где ныне похоронено тело отца Леонида. В ответ на просьбу военного старец,

показывая палкой на это место, сказал ему: «Через годок я буду вот где; а ты теперьними».

Так и случилось – через год отец Леонид был похоронен на указанном им месте.

«На другой год по поступлении моем в Оптину пустынь, – рассказывал иеромонах Анатолий*, – проявилось у меня сильное желание уйти для жительства на Афон. Сперва я объяснил свое желание батюшке отцу Макарию. Он мне отвечал: „Живи в скиту по-афонски; тогда и скит будет для тебя Афоном“. Я этим не удовлетворился, пошел к старцу отцу Леониду и стал его просить, чтобы он благословил меня отправиться на Афон. Как он зашумит на меня, затопает: „Куда ты, – говорит, – хочешь идти, бездельник этакий? Послушник неопытный, еще не утвердившийся в монашеской жизни, а вздумал на Афон идти. Чтобы ты у меня никогда и не думал об этом!“ Так я и ушел от старца. Но желание идти на Афон не оставляло меня. Прихожу к старцу в другой раз и уже начинаю просить его настойчиво, чтобы он отпустил меня из Оптиной. Старец опять зашумел было на меня, но, заметив, что я остаюсь непреклонен в своем желании, вдруг подошел ко мне, обнял меня обеими руками, прижал к своей груди и с нежной отеческою любовью начал говорить: „Арсеньюшка! Что же ты делаешь? Вот ты уйдешь на чужую сторону, а отец твой тут умрет без тебя. Каково тебе будет, когда ты услышишь об этом?“ Тут я заплакал, упал ему в ноги и, испросив прощение в своей безрассудной просьбе, остался жить в Оптиной. Спустя год после этого батюшка отец Леонид скончался».

* Скончался 18 февраля 1880 года. Был некоторое время духовником в Оптиной пустыни. В миру именовался – Арсений Артемьевич Вулковский-Буднин, харьковский мещанин.

В июне 1841 года было последнее посещение старцем Тихоновой пустыни, где по его благословению начали строить новую трапезу. Говоря о начатой постройке, старец сказал отцу настоятелю: «Не увижу я, видно, вашу новую трапезу». Когда же отец настоятель возразил:

«Может, Господь продлит вашу жизнь и еще нас утешите своим посещением», старец опять сказал: «Нет, едва ли до зимы проживу и здесь уже больше не буду». Приехавши же в Оптину пустынь, говорил многим: «Зимы не доживу» – и давал некоторым конечное решение в недомоганиях.

Одному знатному лицу, посетившему Оптину пустынь летом 1841 года, старец говорил: «Поживи, если хочешь, до ноября, схоронишь меня». Но тот не решился остаться; а когда впоследствии дошло до него известие о кончине отца Леонида, весьма удивился, что сбылись его слова.

Незадолго до кончины старца отца Леонида посетил Оптину пустынь и старца постриженник Святой Афонской Горы инок Парфений, бывший впоследствии игуменом новосозданного им Гуслицкого монастыря в Московской епархии. Из его рассказа об этом посещении, между прочим, видно, что старец почти до конца своей жизни, пока имел возможность, проводил время в обычных своих занятиях – плел пояски и вместе принимал посетителей*. Так он повествует:

«Из Белобережской пустыни я в пятый день прибыл в общежительную Оптину пустынь, что в Калужской губернии близ города Козельска. Прежде за много лет я слышал о живущем в Оптиной пустыни великом старце иеросхимонахе Леониде и давно желал видеть его, насладиться его беседой и получить от него наставление и в скорбях своих утешение. По прибытии моем в Оптину пустынь я нетерпеливо желал сходить к отцу Леониду, с надеждой получить себе утешение и, расспросив о келье его, пошел к нему немедленно. И пришедши в его сени, убоялся, ово от радости, что сподоблюсь видеть такого великого отца, ово от мысли, как я, недостойный, явлюсь пред такого великого старца, и долго, стоя в сенях, опасался отворить дверь. Потом вышел его ученик. Я спросил: „Можно взойти к старцу?“ Он

* См.: Сказание о странствии инока Парфения. Ч. I. Москва. 1856. С. 275–280. (Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 1856.)

Братская Трапеза в Тихоновой пустыни.

*Тихоновая пустынь. Трапезная.
Почтовая открытка.
Начало XX века*

отвечал: „Можно“. Потом я вошел к нему в келью, но там еще более убоился и вострепетал. Ибо почти полная келья была людей разного звания: господ, купцов и простых, и все стоят на коленях со страхом и трепетом, как пред грозным судьей, и каждый ожидает себе ответа и наставления. И я также позади всех пал на колени. Старец же сидит на кроватке и плетет пояс. Это было его рукоделие – плести пояски и давать посетителям в благословение. Потом старец возгласил: „А ты, афонский отец, почто пал на колени? Или ты хочешь, чтобы и я стал на колени?“ Я устрасился от того, что никогда он меня не видал и не знал, в одежде же я был простой, а назвал меня отцом афонским.

Я отвечал: „Прости мя, отче святой, Господа ради; я повинуюсь обычаю: вижу, что все стоят на коленях, – и я пал на колени“. Он же сказал: „Те люди мирские, да еще и виновные, – пусть они постоят; а ты монах, да еще афонский; встань и подойди ко мне“. Вставши, я подошел к нему. Он же, благословивши меня, приказал сесть с ним на кровать и много меня расспрашивал о Святой Горе Афонской, и о иноческой жизни, и о монастырской общежительной, и о прочих афонских уставах и обычаях, а сам руками беспрестанно плетет пояс. Я все подробно рассказал; он же от радости плакал и прославлял Господа Бога, что еще много у Него есть верных рабов, оставивших мир и всякое житейское попечение и Ему, Господу своему, верою и любовью служащих и работающих. Потом начал отпускать

людей и каждому врачевал душевные и телесные его болезни, телесные – молитвой, а душевные – отеческою любовью и кроткими словами и душеполезным наставлением, иных строгим выговором и даже изгнанием из кельи.

Между этими людьми стоял пред ним на коленях один господин, приехавший на поклонение в обитель и для посещения великого старца. Старец спросил его: „А ты что хочешь от меня получить?“ Тот со слезами ответил: „Желаю, отче святой, получить от вас душеполезное наставление“. Старец спросил: „А исполнил ли ты, что я тебе прежде приказал?“ Тот ответил: „Нет, отче святой, не могу того исполнить“. Старец сказал: „Зачем же ты, не исполнивши первого, пришел еще и другого просить?“ Потом он грозно сказал ученикам своим: „Вытолкайте его вон из кельи“ – и они выгнали его вон. Я и все там бывшие испугались такового строгого поступка и наказания. Но старец сам не смутился и паки начал с кротостью беседовать с прочими и отпускать людей. Потом один из учеников сказал: „Отче святой, на полу лежит златница“. Он сказал: „Подайте ее мне“. Они подали. Старец сказал: „Это господин нарочно выпустил из рук, и добре сотворил, ибо пригодится афонскому отцу на дорогу“. И отдал мне полуимпериял.

Потом я спросил старца: „Отче святой, за что вы так весьма строго поступили с господином?“ Он же отвечал мне: „Отец афонский! Я знаю, с кем как поступать: он раб Божий и хочет спастися, но впал в одну страсть – привык к табаку. Он прежде приходил ко мне и спрашивал о том; я приказал ему отстать от табаку и дал ему заповедь более никогда не употреблять его и, пока не отстанет, не велел ему и являться ко мне. Он же, не исполнивши первой заповеди, еще и за другой пришел. Вот, любезный отец афонский, сколько трудно из человека исторгать страсти!“

*Иеросхимонах Иоанн (Малиновский).
Художник иеромонах Гавриил
(Спасский). Портрет.
Середина XIX века*

Когда мы беседовали, привели к нему три женщины одну больную, ума и рассудка лишившуюся, и все три плакали и просили старца о больной помолиться. Он же надел на себя епитрахиль, положил на голову болящей конец епитрахили и свои руки и, прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестил и приказал отвести ее на гостиницу. Сие сделал он сидя; а потому он сидел, что уже не мог встать, был болен и доживал последние свои дни. Потом приходили к нему ученики, монастырские братья, и открывали ему свою совесть и свои душевные язвы. Он же всех врачевал и давал им настав-

ления. Потом говорил им, что приближается к нему кончина, и сказал: „Доколе вы, чада мои, не будете мудры, яко змия, и цели, яко голубие? Доколе вы будете изнемогать? Доколе вы будете учиться? Уже пора вам и самим быть мудрыми и учителями, а вы сами ежедневно еще изнемогаете и падаете. Как вы будете жить без меня? Я доживаю последние дни и должен оставить вас и отдать долг естеству своему и отойти ко Господу моему“. Ученики, слышавши сие, горько плакали. Потом всех отпустил, и меня также.

На другой день я паки пришел к нему, и он паки принял меня с любовью и много со мной беседовал. Потом пришли вчерашние женщины, и больная была с ними, но уже не больная, а совершенно здоровая. Они пришли благодарить старца. Видевши сие, я удивился и сказал старцу: „Отче святой, как вы дерзаете творить такие дела?

Вы славой человеческой можете погубить все свои труды и подвиги“. Он же в ответ сказал мне: „Отец афонский! Я сие сотворил не своей властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святого Духа, данная мне при рукоположении; а сам я человек грешный“. Слышавши сие, я весьма воспользовался его благим рассуждением, верой и смирением. Потом паки приходил вчерашний господин и просил у старца прощения со слезами. Он же простил и приказал исполнять то, что приказано было прежде. Потом отпустил нас всех.

Я препроводил в Оптиной пустыни целую седмицу и торжествовал праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Торжественное было всенощное бдение: на полиелее все три псалма пели нараспев по стихам; все братия и весь народ стояли со свечами. И многажды я посещал тихий и безмолвный скит, который отстоит от монастыря с полверсты посреди лесу, и многажды там беседовал с отцами, иеросхимонахом Иоанном, обратившимся из раскола, также и с духовником иеромонахом Макарием. Многажды беседовал и со страннолюбивым оптинским игуменом Моисеем. Потом отправился в путь. А старец Леонид после меня через месяц кончил жизнь свою и отошел ко Господу своему».

Приведенные здесь рассказы ясно показывают, что старцу отцу Леониду известно было время его кончины. Теперь же будем говорить и о кончине.

С первых чисел сентября старец начал ослабевать здоровьем и болел недель пять. Болезнь его была водяная, причем он чувствовал сильную боль в правом боку, в груди скопление мокрот и в животе большую затверделость. Окружавшие старца желали позвать лекаря, но он на это не согласился и никаких лекарств не хотел принимать.

До 15 сентября старец, хотя с трудом, но понемногу ходил еще по келье и в праздники – Рождества Пресвятой

Богородицы и Воздвижения Честного Креста Господня, на всенощном бдении, которое, по болезни его, служили для него в келье, в положенное время, поддерживаемый братьями, сам кадил и пел величание.

15-го числа старец был особорован святым елеем, при большом стечении любивших его братьев. К самому этому времени, как бы предуведомленные, приехали в Оптину пустынь настоятель Малоярославецкого монастыря игумен Антоний и настоятель Тихоновой пустыни ученик старца Леонида отец Геронтий. Они-то вместе с сотрудником старца отцом Макарием и жившим в скиту на покое игуменом Варлаамом, при участии казначея иеромонаха Гавриила, иеросхимонаха Иоанна и иеромонаха Иосифа, и совершили таинство Елеосвящения.

С этого дня старец особенно начал готовиться к кончине. Он прощался с приходившими к нему братьями и, благословляя их, иному давал книгу, другому образ и никого не оставил без утешения.

28 сентября, сообщившись Святым Христовым Таин, больной пожелал, чтобы был пропет канон на исход души, что и было исполнено. Окружавшие его братья смутились и, размыслив о своем сиротстве, начали с плачем просить его не оставить их в скорби. Он же, слыша и видя сие, возмутился духом и, прослезившись, сказал: «Дети! Если у Господа стяжу дерзновение, всех вас к себе приму. Я вас вручаю Господу. Он вам поможет течение сие скончати; только вы к Нему прибегайте. Он сохранит вас от всех искушений. А о сем не смущайтесь, что канон пропели. Может быть, еще раз шесть или семь пропоете». Действительно, с 28 сентября до дня блаженной кончины старца, последовавшей 11 октября, канон пропет был восемь раз. Пищи в это время он никакой не принимал, кроме малой части воды. Его укреплял только один Небесный Хлеб – Пречистые Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа,

ибо он в эти последние две недели двенадцать раз сподобился принятия сего таинства.

С 6 октября старец уже не мог вставать с постели и, видимо, жестоко страдал – все тело его опухло. Лежа на смертном одре, он взывал умиленным гласом: «О Вседержителю! О Искупителю! О премилосердый Господи! Ты видишь мою болезнь; уже не могу более терпеть: прими дух мой в мире». И потом: «Господи, в руке Твои предаю дух мой». Также и к Преподобной Матери Пресвятой Богородице взывал, прося от Нее помощи. Приходившим же отцам и братьям говорил: «Помолитесь, чтобы Господь сократил мои страдания». Но потом опять, повинувшись воле Божией и поручая себя Его Промыслу, взывал: «Господи, да будет воля Твоя! Якоже Тебе угодно, тако и сотвори».

«Дня за два или за три до кончины старца, – рассказывал его келейник Иаков (впоследствии иеромонах Киево-Печерской лавры Иоаким), – как вышло такое время, что оставался при старце один я, пришло мне желание, чтобы он сказал мне что-либо на пользу. Старец быстро взглянул на икону и перекрестился с произнесением слов: „Благодарю Тебя, милостивый Создателю мой Господи, что я избежал тех бед и скорбей, которых ожидает грядущее время; но не знаю, избежите ли вы их. Поди сюда, Яша!“ Я подошел. Старец благословил меня и еще повторил те же самые слова. Я, как был в то время млад и неопытен, не спросил батюшку, какие это беды и скорби. А после его кончины и желал бы знать, да уже было поздно».

Настал, наконец, последний день жизни старца отца Леонида – суббота 11 октября. Утром, в восьмом часу, он приобщился Святых Христовых Таин. В это же утро прибыл в Оптину пустынь проститься с отходящим от мира сего подвижником бывший в той стране юродивый

Василий Петрович Брагузин, с которым старец находился в духовном общении. Находясь в 180 верстах от Оптиной пустыни в доме господ Дубровиных, он провидел духом кончину старца Леонида и встревожил этой вестью хозяев дома, которые и сами с ним поспешили на почтовых приехать в Оптину обитель. Вошед в келью больного, Брагузин сказал: «Надобно переодеться», – давая сим разуметь о скором исшествии души из тела. «Василий Петрович! Помолись, чтобы Господь избавил меня от вечной смерти», – тихо проговорил старец. «Авось избавит!» – ответил протяжно Брагузин на эту смиренную просьбу великого подвижника.

Около 10 часов старец Леонид начал креститься, говоря: «Слава Богу!» Повторив много раз эти слова, несколько помолчал; потом обступившим его сказал: «Ныне со мной будет милость Божия». Спустя час после этих слов старец начал более веселиться духом и радоваться сердцем; и хотя испытывал тяжкие телесные страдания, но, уповая на будущие воздаяния, не мог скрыть ощущаемой им духовной радости, и лицо его начало более и более светлеть. Заблаговестили к вечерне. Старец благословил ученикам своим читать малую вечерню, но до конца не мог выслушать оную. Когда он велел прекратить чтение, ученик его, вышеупомянутый послушник Иаков, умиленно сказал: «А прочее, батюшка, вы, верно, будете править там, в соборе святых отец?» – так как наступало празднование памяти святых отцов VII Вселенского Собора, положенное в воскресенье под 11 октября. Умиравший старец несколько раз воззвал: «Слава Богу, слава Богу, слава Тебе, Господи!» И вопрошавшим его давал богомудрые, исполненные великой пользы ответы. Потом, простясь со всеми окружавшими его, поспешно отпустил их, оставив при себе одного ученика, который спустя несколько времени заметил редкое его дыхание и быстрый взгляд на икону

Пресвятой Богородицы и позвал других; но уже старец перестал говорить. Посмотревши на предстоящих учеников своих, он поднял правую руку, перекрестился сам, затем благословил их всех и опять взглянул на икону Божией Матери, как будто прося ученикам своим Ее заступления. После сего в 7 часов и 30 минут пополудни, закрыв глаза, тихо испустил дух и перешел от здешних скорбей и болезней к вечному успокоению*.

Многие усердно преданные старцу почитатели его в отдаленных местах имели тайное и утешительное извещение о блаженной его кончине.

Тело старца отца Леонида стояло в соборном храме три дня, не издавая нисколько смертного запаха, и согрело всю одежду и даже нижнюю доску гроба. Руки его были мягки, как у живого, и имели особенную белизну. В болезни же старец имел руки и все тело холодные. Многим особенно любившим его и преимущественно любимому своему келейнику Иакову говорил: «Если получу милость Божию, тело мое согреется и будет теплое».

До самого погребения церковь с утра до ночи была полна народом, приходившим отдать последнее целование тому, кто был духовным отцом и безмездным врачом всем приходившим к нему. Также и при погребении, которое совершено 13 октября игуменом Моисеем со всеми наличными иеромонахами и иеродиаконами, стечение богомольцев было огромное, как будто в великий праздник. Хотя в монастыре нет обыкновения целовать тело умершего, но посетители, будучи побеждены великою любовью к почившему, в продолжение литургии и отпевания непрерывно целовали его руки со слезами. Когда же настало время выноса, народ стал более и более тесниться ко гробу старца. Но, проникнутые скорбью о потере любимого отца, братия толпой кинулись нести гроб его, и уже мирским посетителям невозможно было подойти к нему

* Небольшой с мезонином корпусок, где скончался старец Леонид, находится на юго-восточной стороне от Казанского храма. В нем, исключая мезонин, только четыре кельи: при входе в коридор на правой стороне две и на левой две. Келья же, в которой старец доживал остаток дней своих и перешел в вечную жизнь, обращена на юго-запад.

от множества братий. Блаженный Василий Петрович Брагузин на погребении, как заметно было, торжествовал духом, а прощаясь со старцем, плакал.

Погребено тело старца отца Леонида, по общему желанию настоятеля и братий, близ соборной Введенской церкви за южным приделом святого Николая Чудотворца, рядом с могилой его духовного сына и друга о Господе Алексея Ивановича Желябужского, скончавшегося несколькими месяцами ранее отца Леонида, 11 июня того же 1841 года. При жизни своей отец Леонид как бы шуточно говаривал ему: «Старец! Мы с тобой рядышком ляжем, бок с боком». Об этих словах отца Леонида вспомнили уже после погребения его и удивлялись точному исполнению их. На могилах старца отца Леонида и А. И. Желябужского стоят два высоких памятника одинаковой формы, вылитые из чугуна, украшенные позолотой и обведенные чугунной решеткой.

На памятнике старца Леонида посетитель прочтет следующие надписи: «Кто есть человек, *и*же поживёт и не *у*зрит смёрти; но блажени умирающие о Господе; ей, починут от трудов своих»; «Памятник сей покрывает тело почивающего о Господе с миром иеросхимонаха Леонида (Льва), понесшего благое Христово иго в монашестве 46 лет; родом был из карачевских граждан, по фамилии Наголкин»; «Уснул сном смерти в надежде воскресения и жизни вечныя. Оставил о себе память в сердцах многих, получивших утешение в скорбях своих»; «Скончался 11 октября 1841 г.; всего жития его было 72 года»; «Памятник сей воздвигнули усердие и любовь к нему».

По кончине старца отца Леонида осиротевшие его духовные дети находились в великой скорби о потере своего духовного отца и наставника. Но скорбь эта во всех растворялась благонадежием, что старец получил милость Божию и ходатайствует пред Богом о всех чадах своих. Вот

как выражал эти общие чувства в письмах к разным лицам ближайший ученик и преемник старца иеромонах отец Макарий: «Любезного нашего батюшки отца Леонида уже не стало с нами, тело его сокрыла от нас мать сыра земля, а душа отошла верно в руце Божии... Вы верно поскорбите о нашем сиротстве, но вместе и утешитесь духом о его покое, который он, несомненно, обрящет по милосердию Божию... Видно, время, назначенное для него Божиим определением, пришло и надобно было разлучиться душе от плоти, освободиться от здешних скорбей и болезней и перейти к вечному покою... Нельзя сомневаться, чтобы он не удостоился получить милость от Господа и верно будет ходатайствовать о нас, грешных, странствующих в юдоли сей плачевной и боримых страстями душевными и телесными».

«Прясно изобразилось, – писал отец Макарий к отцу игумену Антонию в Малоярославец, – чувство любви вашей к достопамятному и любезному нашему батюшке отцу Льву в писании вашем, писанном ко мне от 17 октября, и соболезнование об отшествии его от нас. Вы и окружающая вас братия точно пролили нелестные, но искренние слезы прискорбия о разлучении с таковым отцом. Да, кажется, из знавших его немного найдется

*Некрополь Оптиной пустыни.
На втором плане справа памятник
на могиле старца Льва. Фотография.
Конец XIX века*

Житие оптинского старца Льва

таких, кто бы не принес ему сей дани. *Па́мьять пра́веднаго с похва́лами* (Притч. 10, 7), оправдалось над ним сие слово. А какие я получаю известия от девичьих монастырей! Что там было по получении писем о кончине его! Плач и рыдание и вопль мног. В Севске учредили неусыпаемую Псалтирь до 40 дней и думали, что только некоторые приверженные будут читать, но вместо того все наперерыв бегут почтить память его славословием Божиим и молением о нем, – до двухсот человек произвольно читают. Тверская игуменья пишет, что не осушает слез, что медлила отъездом и лишила себя видеть его (старца) и принять его благословение, учредила у себя по нем поминовение и послала в некоторые церкви поминать.

Из Борисовки пишет М. Т., что всех расположенных к батюшке огорчило до зела известие о кончине его; только что-то всех надежда одушевляет об обретении им вечного блаженства, и сим разгоняется мрак печали... Поистине наша обитель счастлива, что даровал нам Господь такого добродетельного подвижника иметь близ себя. И хотя мрачная могила сокрыла его тело от взоров наших, но мы мысленно помним и созерцаем его к нам любовь отеческую и веруем, что духом с нами пребывает».

Глава XV

Заключение

Па́мять пра́ведных с похвала́ми
(Притч. 10, 7).

В заключение всего сказанного о жизни, подвигах и кончине достоблаженного старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва) отметим здесь то отрадное знаменательное явление, что к последним дням жизни сего старца все неблагоприятствовавшие ему обстоятельства стали изменяться на лучшие и предсказания его исполняться; а вскоре после его кончины и все уладилось.

Дело о белевских изгнанниках и прочих ученицах отца Леонида, по его проречению, закончилось полным торжеством истины. За них вступился Киевский митрополит Филарет, которого старец письменно просил о защите не для себя, а для бедных инокинь, терпевших такие невзгоды единственно за то, что желали пользоваться

его духовными наставлениями и проводить монашескую жизнь по указанию святых отцов. Киевский святитель, как уже упомянуто, хорошо и давно знавший старца отца Леонида, писал тульскому преосвященному Дамаскину в оправдание старца и оклеветанных монахинь. О том же писал ему и Московский митрополит Филарет. И преосвященный Дамаскин скоро убедился, что введен был в заблуждение ревностью не по разуму священника отца Григория. В конце 1841 года, 4 октября, белевские изгнанницы мать Анфия и Мария Николаевна Сомова, по соизволению тульского владыки, снова были приняты в монастырь, так что старец отец Леонид, скончавшийся 11 октября того же года, за неделю до кончины своей был утешен и успокоен вестью о прекращении гонения на духовных его дочерей. Тогда и книги – Добротолюбие и святого Ефрема Сирина, представленные игуменией Клавдией в Тульскую консисторию как еретические, возвращены были владелицам уже как православные.

Через несколько же лет после кончины старца исполнилось и другое его предсказание. Именно: в 1848 году одна из ближайших учениц его и матери Анфии монахиня Павлина избрана и посвящена во игумении Белевского монастыря, а мать Анфия, постриженная в мантию с именем Магдалины, назначена казначеей той же обители и до самой кончины своей была ревностной помощницей игумении, особенно в духовном окормлении сестер монастыря, как опытная старица, являясь посредницей между сестрами и игуменией в их нуждах, умиротворяя враждующих, смиряя строптивых, утешая малодушных, успокаивая немощных и больных. Мать игумения почитала ее, как только может почитать нежная дочь свою родную мать. А уважение духовного начальства, общая любовь сестер и почтительное внимание всех, имевших какое-либо отношение к обители и настоятельнице, вполне вознаградило

старицу за скорби, претерпенные ею в начале пребывания в сем монастыре. При игумении Павлине и при казначее и старице Магдалине Белевская обитель, по предсказанию отца Леонида, начала процветать. Преосвященный Дамаскин, во все последующее время своего управления епархией, своей доверенностью и отеческим вниманием, которыми постоянно отличал невинно заподозренных, не только загладил в их сердцах память бывших скорбей, но и заслужил их общую любовь и благодарную память и за личное его к ним внимание, и особенно за покровительство и одобрение того самого духовного отношения, которое прежде представлено было ему в извращенном виде.

Другая ближайшая ученица старца Леонида, вместе с матерью Анфией более прочих пострадавшая во время гонения, Мария Николаевна Сомова, в монашестве Макария, в 1862 году сделана настоятельницей Каширской женской общины (ныне монастыря), в которой благополучно настоятельствовала до глубокой старости.

Что касается до отца Григория, виновника белевских нестроений, то он, познав свою ошибку и вину, хотя не решился принести явное раскаяние пред всеми за явный соблазн и возмущение многих, но втайне много раз просил прощения у казначеи Магдалины (бывшей матери Анфии) и других бывших в гонении сестер. Впрочем, по недоверенным судьбам Божиим, он восхищен был из жизни сей в летах средних.

В самой Оптиной пустыни разные волнения и нестроения стали утихать, ибо вооружавшиеся против старца Леонида монахи-старожилы, еще при жизни его, какие повышли из Оптиной в другие монастыри, а какие отошли в жизнь вечную. Когда же вывелись в Оптиной пустыни недоброжелательные к старцу лица, тогда и скитский схимонах отец Вассиан, как никем не смущаемый, присмирел.

«Случалось мне, – так рассказывал тихоновский монах Антоний, бывший прежде отец Александр, ученик старца Леонида, – случалось мне его видеть после кончины батюшки отца Леонида. Обыкновенно при свидании поприветствую его: „Благословите, батюшка“. Получу сочувственный ответ: „А, рабе Божий, Бог благословит. Ну что, – скажет, – скучно после старца?“ – „Скучно, батюшка, помолитесь!“ – „Да я о рабе Божиим молюсь“. Такие встречи всегда вызвали сердечную горечь и слезы. „Ну-ну, – прибавит отец Вассиан, – терпите, рабе Божий. А старец-то – того – был мудрец. Макарий-то, раб Божий, его дюже слушал. А хорош вот и Макарий – и меня помнит. Спаси его Господи!“ Сказал я ему еще как-то: „Вы, батюшка, не так понимаете об отце Леониде. Сами же говорите, что отец Макарий его слушал, а такой старец, как отец Макарий, кого-нибудь слушать не стал бы“. – „Да-да, – смиренно ответил отец Вассиан, – видно, есть за что. Царство ему Небесное!“ Этот простоватый старичок скончался в глубокой старости, лет 90, мирной христианской кончиной, и на третий или на четвертый после сего день был погребен самим отцом игуменом Моисеем соборне. Во все это время тело покойника было мягкое, как у живого, что, по замечанию духовно опытных мужей, служит знаком милости Божией».

Наконец и калужский преосвященный Николай переменил свое мнение о старце отце Леониде, хотя, впрочем, нескоро. Долго владыка увлекался невыгодными о старце отзывами его недоброжелателей, и никто не мог разубедить его в том. Не раз пытался высказать об отце Леониде правду отец игумен Моисей. Но лишь только, бывало, делает на это намек, как тотчас преосвященный резко прерывал его. «Знаю, знаю, – скажет, – он для тебя дойная корова, значит, все ладно, все сойдет». Когда дети покойного вышеупомянутого господина Желябужского приготовили

два одинаковой формы и величины памятника, один на могилу своего родителя, а другой на могилу его духовного отца старца отца Леонида, тогда один из сыновей Желябужского нарочно ездил в Калугу просить у преосвященного дозволение поставить эти памятники на своих местах. Владыка холодно ответил: «Делать нечего, ставьте и над отцом Леонидом, хотя это и излишне, так уж и быть! Не назад же отправлять памятник». Потому и заключали в то время, что если бы предварительно стали испрашивать у владыки дозволение отлить памятник на могилу старца Леонида, то он не дозволил бы сего. Может быть, и так.

Но вот в 1842 году вторично посетил Оптину пустынь высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский, как и в первый раз, проездом из Петербурга в Киев. Его по обычаю сопровождал Калужский епископ Николай, который и был свидетелем того, как великий иерарх-митрополит почтил память своего давнего близкого к нему человека старца отца Леонида, отслужив над его могилой литию, а может быть, при этом и рассказал преосвященному Николаю что-либо из давно минувшего, что сладце воспоминается. С того времени и владыка Николай уже переменил свое мнение о старце на лучшее. После того уже не слышно было с его стороны шуток и насмешек, когда разговор касался старца отца Леонида, а, напротив, стал он относиться к почившему с уважением.

В следующем же 1843 году преосвященный Николай, приехавши в Оптину пустынь, служил соборне панихиду, а потом и литию на могиле старца; в разговорах с настоятелем и братьями высказывал к почившему уважение, а вместе с тем откровенно выражал сожаление, что по недоразумению при жизни старца не ценил его и давал веру несправедливым толкам о нем. «И я человек, – говорил преосвященный, – и потому мог ошибаться, поверив тому,

что некоторые говорили». Вместе с тем владыка выразил желание, чтобы собраны были сведения о жизни старца отца Леонида и напечатано его жизнеописание. Впоследствии же он даже приводил слова почившего старца в назидание другим. Именно, когда малоярославецкий игумен отец Антоний в 1843 году по болезни просил себе увольнения на покой, преосвященный Николай писал ему: «Прежних времен старцы в подобных случаях говорили с пророком: *пою Богу моему, дондеже есмь...* (Пс. 145, 2). Рекомендую и вам следовать сих богомудрых мужей примеру».

Так смиренному старцу воздал честь тот самый архипастырь, который прежде с сомнением и недоверием взирал на его служение в пользу страждущего человечества! Но более всего оправдало старца отца Леонида время. Достоинство каждого учителя и правильность его учения более всего познаются от плодов их. А известно, что учение старца Леонида и его личное влияние везде, куда оно ни простиралось и где с усердием ни принималось и ни принимается, всегда оказывало и оказывает самые благоприятные действия. Трудам старца много обязаны своим благоустройством и процветанием три мужские обители в Калужской епархии и пять женских обителей в других епархиях. В этих последних, отчасти при жизни старца, отчасти же после его кончины, поставлены были настоятельницами достойные его ученицы. А кто изочтет великое число частных лиц, иноков и мирян, которые через отеческое его попечение обрели верный путь к душевному спасению и всегда с благодарностью благословляли память старца-наставника! Голоса и отголоски противников отца Леонида давно замолкли, а имя его сделалось известным по всей православной России и с благоговением произносится всеми истинными монахами и чтилителями монашества. В святой обители оптинской всегда

Глава XV

служителями Церкви возглашается ему: «Вечная память!» Сбылось на нем и сбывается слово Священного Писания: имя мужа благочестивого переживаёт роды, и слава его не потребится: премудрость его поведят людие, и похвалу исповест Цёрковь (см.: Сир. 44, 12, 14).

Достойно замечания, что накануне того дня (то есть в субботу 11 октября 1841 года), когда положено Святой Церковью праздновать память святых отцов VII Вселенского Собора, Господь благоволил принять к Себе душу верного раба Своего, как бы в обличение тех, которые, по неразумию своему, при жизни называли его еретиком.

Итак, дивны и предивны дела всепремудрого и всеблагого Промысла Твоего, Господи, хотящего всем спастися и в разум истины приити! *Затвори́л бо еси́, Бо́же, всех в противлѣние, да всех помѣлуеши* (Рим. 11, 32). Тебе слава и благодарение и поклонение подобает, Царю Святый, во веки бесконечные. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Несколько писем старца отца Леонида,
в схиме Льва*

1

* Впоследствии
архимандрит
и наместник
Алекسانдро-Невской
лавры.

Пречестнейший и препочтеннейший наш батюшка
отец А.*, усердно желаем тебе о Едином Пресладчайшем
Господе Иисусе радоваться!

Спешу сим, при излитии слез, известить вас о блажен-
ной кончине нашего всеобщего батюшки отца Феодора.
Воистину блаженна была его кончина. Он преставился
апреля седьмого, в начале девятого часа пополудни, в пя-
ток Светлой седмицы. Пред позднюю обедню сам отец
архимандрит, единственно от своего усердия, соборовал
маслом; при окончании Елеосвящения, когда разогнули
над главою его Евангелие, во время чтения последней мо-
литвы – открылось Евангелие от Матфея – воскресное, то
самое, которое читается в Великую Субботу на Божествен-
ной литургии.

При всем этом довольно участвовал своим усердием
отец А. Из поздней обедни приобщили Святых Таин.

Он от Великой Среды ничего хлебного и даже горячей
воды не употреблял, кроме сухарной воды и квасу, да и то
очень мало: глоточка по два. На праздник же Пасхи и на
второй день принимал мало молока, раза по два в день –
по два глотка и мало более... Прости, Господа ради, под-
робно писать от слабости не в силах, а ежели заблагорас-
судишь, можешь прочесть в письме к отцу Г-у**. Ежели же

** Казначеем
в Оптиной пусты-
ни.

Несколько писем старца Леонида

не удастся, то при помощи Божией, по времени, когда живы будем и будет ваше желание, то напишем, а теперь изнемог: правила ныне по нем третины.

На Светлой, дня за два пред смертью, братия приходили прощаться с ним, а отец архимандрит неоднократно и с довольным чувствованием говорил с ним и прощался раза три, поразительно, хотя прежде никакой у него с ним не было ссоры. Но вот, слава Богу, сверх всякого чаяния и палеостровский строитель заезжал из П-а и ласково, с усердным чувством говорил с ним и простился не без слез. На другой день он отправился в свой монастырь.

Еще достойно внимания, что нашего отца А-а родной отец, приехавший в Соловецкий монастырь, по желанию быв пострижен в мантию (о великом же образе мало у них понятия было, но только отец его был жизни примерной и достохвальной простоты всегда держался), по прожитии в Соловках с прибавком 10 годов скончался также в пяток на Светлой седмице пред позднюю обедню. Отец А. очень удивляется такому тождеству, то есть что премилосердый Господь сподобил и духовному его отцу, как и родному, преставиться в пяток Светлой седмицы; даже и число седьмое в их кончине было одно.

И, сократя, пребыть имеем с наичувствительнейшим почтением ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, многогрешнии иеросхимонахи Леонид и А., униженно заочно кланяемся и просим ваших святых молитв в подкрепление немощей наших душевных и телесных. Отец Ф. и отец И-ь также вам кланяются, а отец В-й особенно свидетельствует тебе свое почтение с поклонением.

10 апреля 1822 года.

Александро-Свирский монастырь.

Приложение

2

Христос воскрес!

Пречестнейшие и прелюбезнейшие наши о Господе
отцы и собратие, отец Г. и отец И., усердно желаем вам
о Едином Пресладчайшем Господе Иисусе
радоваться и благодушествовать.

Пущенное вами писание 10 апреля мы получили 14 и содержанию, по силе скудоумия нашего, вняли. Хотя мы за премногие грехи наши и нерадение и лишились всеобщего нашего душевного наставника к спасению – но что же делать?.. Не отчаем себя вконец; ибо когда по его, при последних часах бывшему, дражайшему наставлению будем следовать, то есть чтобы отнюдь не разлучатся из духовного нашего сообщества и союза, а пребывать между собою в совете духовной любви и друг друга послушати, – когда сие наставление при помощи Всемогущего потщимся исполнить, то хотя и находимся в крайней душевной бедности, но веруем премилосердому Господу, что он, имея у Него дерзновение, своими богоприятными молитвами к неограниченному Его благоутробию всячески и паче будет нам, бедным, вспомоществовать; только мы сами должны стараться не отпасть нерадением нашим от духовного его мудрования; а то, хотя телом и разлучился от нас, но духом пребудет с нами.

А что вы пишете, что вам находит там иногда трепетная боязнь, дабы чем не растравиться, этого, по нашему худому рассуждению, мы все вообще должны бояться и трепетать поползновения, и не токмо в столице, но где бы ни случилось житьельствовать.

Что же касается до пищи, кажется, вам это уже решено во время нашего личного посещения, что предлагаемая с воздержанием употреблять во славу Божию, а для чревобесия не изыскивать излишнего.

А насчет неудовольствий, по мнению вашему, от собратий, то всечасно просим и молим премилосердного Владыку нашего, Создателя и Промыслителя, дабы даровал нам, бедным, разум для беспогрешительного обхождения с ними и в находящих дабы ниспослал терпение. В таковых случаях пренужно вспоминать себе для утешения авву Кира*, коего все братство выгоняли и хухнали** из трапезы, и прочее. Но он при исходе из тела благодарил их, что они его искушали; вместо же того он от бесов пребыл не-искушаем. Да еще вам припомню батюшку, всеобщего нашего отца Феодора, скажите – где его любили?.. И святой апостол пишет, что *хотящии благочестно жити... будут гонимы* (2 Тим. 3, 12).

...А большие ваши, что сеяли и досевают, то пожнут и жать будут до избытка... Признавать же себя во всем недостаточными... это пренужно, и не токмо нам, но и всем вообще; мы же, пребеднейшие, как скудоумны, то везде нам должно жить и повсечасно соображаться с братиею для заимствования доброго.

И, сократя, просим вас и молим вообще, Господа ради, потерпите еще тамо. А что вы в великом градусе выражаете, что случается вам ночевать в трех и более домах, это нам с вами полезно: вы, видно, забыли слова покойного батюшки отца Феодора; он часто повторял мысль единого духоносного старца, что нам должно приобучать себя так, что, ежели, времени зовущу, придется и в тюрьме посидеть, чтобы и там совместно было.

...Возблагодарим премилосердного Господа Бога, устроющего нашу судьбу в пользу убогих душ наших, и паки просим потерпеть: может, премилосердый Господь не преподаст ли нам какового неизреченного Своего милосердия!

...Пещись же нам чрезмерно не о чем, а только по возможности о убогой душе нашей. А когда бесовские

* См. книгу «Лествица» святого Иоанна Лествичника, слово 4.

** Хухнать — хулить, укорять, насмехаться. — Примеч. ред.

помыслы влекут в душепагубную жизнь, то мы должны насие воображать и помнить, для чего отлучились от мира и всего яже в нем, – единственно для спасения своей души; при пострижении дан нам на злые помыслы меч духовный – четки, дабы сим отражать помыслы, бываемые от врага, ибо святой Иоанн Лествичник пишет: «Иисúсовым именем бий рáтники, не обрящещи бо крепча́йша ору́жия ни на Небесѣ, ни на землѣ». Отцы наши и собратия! Попечемся о спасении убогих душ наших и потщимся всегда призывать в помощь имя Божие.

И, сократя, пребыть имеем с нашим наичувствительнейшим почтением и обычною преданностию ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, многогрешнии: И. Л., или по форме Леонид и Антиох*, заочно униженно кланяемся, прося ваших святых молитв в подкрепление немощей наших душевных и телесных.

17 апреля 1822 года.

* Старец по кончине отца Феодора в подписи некоторых писем своих прилагал, из смирения, к своему имени и имя Антиоха, духовного сына своего, хотя последний несколько не участвовал в его письмах.

3

Пречестнейшая и препочтеннейшая в монахинях
матушка N.!

Усердно желаем вам о Пресладчайшем Господе Иисусе
Христе радоваться и благодушествовати.

Приятное ваше писание получили сего 8 мая и содержанию вняли; на что и ответствуем, но только с великим понуждением.

Что касается до откровения N. N. – мы вас нудить к сему многотяжестному игу отнюдь духу не собираем; да и нрав ее отчасти предвидим, и закоснелость, полученную ею в препровождении жизни или по своей воле, или в ее сообщении с различными наставниками и наставницами,

что много ей повредило и расстроило до крайности. Это нам понятно. Но как она пишет и объясняет свою крайность притом и свою, хотя и посредственную, приверженность к вашему благонравию, от чего ощущает иногда от вас некоторую отраду в своих встречах; по таковым причинам мы советуем ей, по ее вере к вам, объясняться для облегчения от наводнения злых помыслов и страстей, колеблющих наши души. Для чего вспомните вторую заповедь Господню (Мф. 22, 39), в которой повелевается любить ближнего, яко самого себя. Чем же и как любить? Никак невозможно и сего исключить, дабы, в чем можем, вспомоществовать ближним; и всевозможно да стараемся в прощающем и сострадающем духе утешать, но дабы только по силе, сиречь когда, при помощи Божией, не вредишься сама; а когда кто сам, при назидании другого, повреждается, то советуют святые отцы следовать лучшему, то есть себе внимать и себя сохранять. Итак, по сей части внимайте и усматривайте силу свою и совесть. Можешь, благостию Вышняго покрываема, по силе и вспомоществовать требующим, не скрывая таланта, Богом данного; ибо, как сказано во Святом Евангелии: *ему́же дано́ мно́го, и възы́щется мно́го, и также: друг дру́га тяготи́ носите, и та́ко испо́лните зако́н Христо́в* (Гал. 6, 2).

При благорассмотрении в нужде бывает полезно и самой посоветоваться с благомыслящими; и это похвально – окаивать себя пред всеми. А скорбеть, кажется, не о чем, но вникать в свою совесть и не беспокоиться, будто мать Н. вовлечет вас в молву; просим по этой части быть покойными. Но открывать помыслы вашей любви, видно, мать Н. еще духу не собрала, хотя чувствует, что в рассуждении малодушествует, но будто ты не понесешь ее немощи; однако это мы только гадательствуем. Впрочем, ежели вашему сердцу Бог возвестит, то во время каковой нужды, ради заповеди Господней, не оставляй ее*. А что вы пишете, что

* И да известно вашей любви будет, что кто с большею верою вопрошает, то по толикой же мере и Господь преподает разум ответственному в сказании ответа.

вы ни под каким видом не согласитесь принять ее совершенно в окормление, в рассуждении своей немощи; мы в сем вас не опровергаем; да едва ли и она совершенно может предатися. Кажется, можно гадательствовать, что отнюдь не может по вышеписанным закоснительным навыкам. Писано есть: дух бодр, да плоть немощна (см.: Мф. 26, 41). Что я вам напоминал насчет игуменства, в том прощения прошу, – я вас беспокоил своим безумием. Ей, матушка, истинно вам признаюсь, и не ласкаем, и отнюдь не желаем, ниже мыслим, чтоб вы игумениею были, или бы заметили в вас склонность к любоначалию; но сердечно утешаемся вашему о сем благоприятному и решительному ответу; но надмение и тщеславное мнение внутри вопиет, что едва ли гонзнет* мать Z. игум[енства]. Но, однако, прости Бога ради, и благодушествуй, и мирствуй, потому что от безумия сия пишу. Я вам, матушка, истинно объясню, что у меня самого отнюдь не было чувства и воображения быть начальником; но милосердый Господь попустил искушиться, да милостию Своею и освободил.

* Гонзнет (от слав. гонзнѹти) – избежит. – *Примеч. ред.*

Но что по вере вашей и от частого понуждения чувствуете облегчение в страстях, о сем благодарите милосердного Господа Бога, облегчающего ваше бремя. Однако бодрствуй и блюди и остерегайся, – паки враг с наглостию приидет и начнет потрясать вашу душевную храмину; но веруй, что и помощь невидимо от Господа приидет и подкрепит и восставит к благоотишью.

Что ж касается до вещелюбия и мшелоимства (сиречь излишества различных вещей), то сия немощь, по рассуждению святых отцов, горше и пребедственнее сребролюбия; но да пополняем и окаяваем себя, и Господь всесилен нас и судьбу нашу во благоотишный и спасительный устроить конец. О пище держи прежде написанный вам нами совет, и будешь спокойна. Уединение и хотя чувственное молчание, беспрекословное и неоспоримое, есть

средство к спасению; и опыты всегда показывают, и святые утверждают, что способствует ко всякому благому делу; и обратно, деяние помогает нашему спасению.

И молитву Иисусову проходи, как творишь, и приидет время, тогда самое дело и милосердие Божие просветит и вразумит вашу душу, как и кого спросить, и пошлет-ся, что ищешь и желаешь. Писано в тропаре священномученикам отцам, что «деяние обрёл еси, богодухновенне, в видения восход». Молитву творить обыкновенно – это деяние, каковую бы (молитву) кто ни творил; а видение или восхищение ума – то дар Божий от благодати Божией к нам. Канон вам читать советуем акафистный один, но только со вниманием, сколь возможно. Это справедливо, что кто бы ни был, подвижник или постник, но живущий по своей воле и сам собой окормляясь, утверждения и благого рассуждения в нем отнюдь не увидишь. Того-то ради святой Симеон Новый Богослов пишет в слове 6, что лучше учеником ученика именоваться, нежели самочинно жити. О сем же и святой Марк Подвижник в послании к Николаю инок в 1 части Добротолюбия на обороте 37 листа пишет: «Мнози многими труды и постничеством и злостраданием проидоша, и труды многи Бога ради потерпеша; но самочиние, нерассуждение и нетребование от ближнего пользы таковыя их труды нетвердыми и суетными соделаша».

Касательно вопроса о молитвах, будто к матери К. писано мною начало; кажется, должен быть и конец. После всякого правила непременно должно читать: «Досто́йно есть я́ко вои́стинну»; Сла́ва, и ны́не; «Го́споди, поми́луй» – трижды; «Моли́твами святы́х оте́ц на́ших Го́споди Иису́се Христе́...» до конца и отпуст простолюденный* «Господи Иисусе Христе...» до конца. А дважды в сутки должно присовокуплять после обычного отпуста, то есть после «Го́споди Иису́се Христе́...» поутру, после утренних

* Не священнический.

Приложение

молитв, и ввечеру, после молитв на сон грядущим: «Осла́би, оста́ви, прости́, Бо́же, согреше́ния на́ша...» до конца; потом молитву: «Ненави́дящих и оби́дящих нас», находящуюся в конце великого повечерия, потом повседневною исповедь, которую можно сыскать в месяцеслове киевской печати в самом конце книги. Каноны читать хотя и должно бы после вечерни и после повечерия, но когда вам не вмещается – оставьте; а когда позволит случай и время, то, прочитавши каноны, должно и молитвы при канонах читать, и конец обычный сделать.

И мы, непотребнии, пребываем искреннейшими пожелателями вашей любви благих и душеспасительных успехов, – ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, убозии и многогрешнии И. Л. и схимонах Ф., заочно земно кланяемся и просим ваших святых молитв в подкрепление немощей наших; и все наши собратия и отцы единомудушно вам кланяются – и всем вашим единомудренным сестрам.

15 мая 1817 года. Валаамский монастырь.

4

К той же

Ваше преподобие! Достопочтеннейшая о Господе сестра
и по духу дочь, мать N.!

Всеусердно желаю здравствовать душевно и телесно
и о Господе радоваться.

Приятное ваше писание, пущенное вами с почтою от 27 октября, я получил во всякой исправности и, прочитавши, содержанию внял по мере слабого моего понятия, из коего вижу, что ваша расположенность и усердие к моей худости и по днесь не оскудевает и вы, по великой своей

вере, с сожалением и сокрушением сердечным объясняете свои немощи. Что касается до вашего обрадованного чувства, которое ощущали вы при чтении моего ничтожнейшего письма, то я полагаю – сие не иное что, как особенная помощь Божия, утешающая вас, немощнейших, дабы вы, оскорбленные от тинного и пиявицами наполненного вражияго езера, за подлежащую нужду прохладение жаждающей души своей получили. Слава премилосердому Великодаровитому Господу, что возвестил вашей любви послушать моего недостойного совета: взяв душеспасительные меры, преданные духоносными святыми отцами, согласные и со святыми животворящими заповедями, Самим Спасителем заповеданными: возлюбии Гóспода Бóга всем сёрдцем и всею мýслию, а б́лжняго я́ко самагó себé (см.: Лк. 10, 27; Мк. 12, 31), дабы непреткновенными быть и между тем ближних любить.

А как вы, дочь, при таковой вашей вере и благоговеинстве, о назначении к вам матери К. смутились и говорите, чтобы она по моему совету ничего не начинала и не дерзала без вас делать, и вы пишете, что за сие оскорбились, – для меня сие крайне непонятно и темно, что бы это значило? Я, кажется, на вас обеих клятвы не наложил и ничем не связал. А как вы по своей вере просите и молитесь, дабы вас не покинуть, но преподать вам душеназидательный совет, – в каковой надежде я, непотребный, дерзаю паки объяснить вам, что она, К., как вы уже сами писали, во время вашей болезни служила вам со всяким усердием и тщанием не для какого интереса и выгод, но единственно ради заповеди Божией; то почему же, ежели ее вера и благорасположенность будут к вам, ее положением не заняться? И вы то худо знаете, что не столько искусство и опыты старческие действуют, сколько вера со упованием вопрошающих благодать Божию на нас вообще привлекают; и вы, дочь, почто скорбите, не рассудя нимало? Если

Приложение

бы нерассудительно я связал вас с запрещением, чтобы ты по всем частям преследовала ее преподобство – мать К. и, словом сказать, како бы на бичевке водила, то, точно, отяготительно бы вам было. А как вы и прежде имели одну матушку и от одного воспитываемы были духовного млека, также и таковую ко друг другу всегдашнюю от частых соображений получили привычку открываться, – это и понудило мою унылость предложить вышесказанное, хотя для некоторой отрады душ ваших. Что же касается до ее дерзновенных произносов в словах, то мы должны смирением, самоукорением и терпением препобеждать все; вы сами знаете, что она значительно повреждена, и Господь силен ее исправить. Итак, если вам премилосердый Господь возвестит меня, грешного, послушать, как согласного с заповедями Господними и преданиями святых отцов, то извольте понудиться исполнять оное, и надеюсь, что полезно вам будет. А когда не известится, то как вам угодно; только мирствуйте и не смущайтесь. Я, мало того, расположился вам еще вручить и Е., как она мою худость об этом просит, и по своему чувству и ее также к вам назначаю; и сколько ее веры будет, столько и пользы будет ощущать, а без веры кто и к пророку пойдет, не получит пользы... И вы на вопросы каждой то можете отвечать, что по вере их будет Бог вразумлять; а я еще вам скажу удивительное, что святой Иоанн Лествичник пишет: «Некоторые отцы другим, по вере их, слова произносили и, своих слов устыдившись, положили начало благое и исправили свою жизнь».

И сие ваше намерение одобряю, чтобы устроить себя глухую и немую... однако с разумом. А что вы хотя и решились принять было М., но матушка игумения не благословила, то знайте, что, видно, не на пользу было бы; и смотрите, остерегайтесь усиливаться какую себе принять. Боже вас избави! А ежели Богу будет угодно которой

у вас быть, то об оной совершенного препятствия сделать не могут; потерпите, может и М. благословят. Слава и о сем Господу, что нас гонят и злословят, но от сего мы не должны в пагубное отчаяние погружаться; чтения по два листика прибавить можно, а мать Д. я почитаю с тобою за едино... Господь премилостивый да поможет вам, и да сохранит, и покроет от всех десных и шуиих сетей и наветов диавольских, и да простит вся согрешения ваша молитвами отец и матерей; и аз, недостойный посылаю отеческое вам прощение и благословение. Ваш навсегда богомолец И. Л. с приверженною братиею кланяемся.

5

К той же

Приятное ваше для меня писание, пущенное вами с почтою в сентябре, мы удостоились получить 2 октября, и, прочитавши, внял, по силе слабого моего понятия, сколько силы позволили, и ясно вижу, что вы при таковых скорбных приключениях, коими угнетаемы до изнеможения, побеждаетесь и страждете душевредным малодушием и тлетворною печалию, которая и последние твои силы расстраивает и измощдает, что весьма претщетно для вашей слабой обремененной души по всем частям, но отседа да положим начало, с Божиею помощью, за все находящее благодарить и терпеть, и премилосердый Господь, видя ваше послушание и тщание к благоназидательным деяниям, всячески ниспошлет свыше помощь и благодать Свою, даруя благооттишные чувства и благодушные препровождать жизнь вашу в терпении и благохвалении Господа, призывающего вас в благооттишное сие пристанище, то есть в звание ангельского образа обители вашей.

Приложение

Что касается до лишения опытной и преискусной старицы, достопамятной матушки В., также и удаления на время окормителя душ ваших, батюшки отца духовного и наставника Макария, хотя сии потери значительны и неоспоримо обязаны приписать сие лишение грехам своим и недостойнству, что лишились мы таковых благоназидательных окормителей душ наших, но, однако, при всем этом должны вспомнить, что премилосердый Господь все устраивает в душевную нашу пользу; к тому же Бог неоскуден в милости и действия Его также неоскудны; и где только восхощет явить силу Свою – побеждаются уставы и естества чин!.. Но, о несмысленная и косная сердцем дочь!.. Что тако в смущение и малодушие вдаешися и почто унываешь и безмерно печалишися? И хотя вы точно лишились дражайшей и нежнейшей наставницы и матери, но вы лишились ее телесно, а не душевно; потому что она, достоблаженная, взята от нас телесно, а дух ее и благие останки подвигов ее – терпение и злострадание в находящихся, непамятозлобие и любовь без изъятия ко всем, не токмо к благомыслящим и любящим, но и к сопротивляющимся, также и повиновение, и послушание, и вера ко благоискусным – останутся незабвенны. Сии подвиги она продолжала до последнего исхода из жизни сей; наконец в дополнение запечатлела благомудрие свое благоприятною кончиною, которой премилостивый Господь ее удостоил и восприял в вечное блаженство, где, по апостолу, ꙗже око не ви́де, и у́хо не слы́ша, сїя Господь уготовил любящим Его (см.: 1 Кор. 2, 9).

Да одумаемся, для чего нам печалиться излишне, хотя и в виду нашем предпошла наша наставница и учительница? Она и здесь вас, по возможности сил и мере веры вашей, окормляла и вразумляла и защищала от врагов видимых и невидимых; но даже и в телесном благодетельствовала, оставив вам покров и убежище – келью. Когда

мы веру и соблюдение душеназидательных ее наставлений будем сохранять и по оным исполнять, то и в будущей жизни умилоstit и упросит Великодаровитого Господа соединить и сопричислить любимое чадо свое к себе во едину обитель. Вот когда печалиться следовало бы (только, Боже, избави всякого человека), если бы наша мать наставница духом жизнь свою начинала, а плотски кончила, то есть греховным падением, и, не покаившись, восхищена от среды нас; о таковом погибельном конце должно рыдать и плакать!!!

Также равным образом печалиться и унывать удержитесь о прелюбезнейшем батюшке отце Макарии*, поелику хотя он от вас, равно и от нас, на время удален, но духом соединен; точно дальнего ради расстояния уста его к наставлению не могут действовать, но любовь его и десная рука, пером действуемая, в полном смысле будет вас окормлять и утешать, по мере вашего благого произволения и веры. А ежели вам сказать ясно, что если наставник и вблизи, и повсечасно напоминает нам наши недостатки, с сострадательностию советует и увещавает охраняться злобы, то нам злокозненный враг диавол человеконенавистный не поредку предлагает – повинующимся – ему в помысле недостатки его человеческие и влагает презорство, дабы обезверить нас к нему и хладнокровно принимать благоназидательные его наставления. Этим-то и лишаемся пользы; посему святой и богодухновенный отец Симеон Новый Богослов и советует: не учащать входа своего в настоятельскую келью из предосторожности, дабы не впасть в презорство и дерзновение. Что же вы изволите упоминать, что во время пребывания батюшки в монастыре вашем вы словно как во сне видели его, ибо во время последней его отлучки вы почти нечувственны были; слава Богу за сие, потому что вы этим, за немощь свою, предохранены были от значительной скорби.

* Он в это время был в Петербурге, куда взят отъезжавшим на чреду архиереем.

Что касается до вашего недоумения и скорби о неполучении от меня, непотребного, ответственных к вашей любви писем, то извольте выслушать долготерпеливо и благодушно причины, сему препятствующие: во-первых, слабость моего здоровья; во-вторых, со своими братьями ежедневное занятие; в-третьих, приходящие и приезжающие ко мне благонамеренные разные лица премного удерживают и воспящают* удовлетворить ваши желания; и скажу тебе, дочь моя любимейшая, мать N., что сие письмо оканчивается уже третью неделю, и по таким отрывкам вы можете из содержания его заметить, что не по свойству многие слова помещены.

* Воспящать –
здесь: задерживать, мешать;
останавливаться
перед помехой. —
Примеч. ред.

О сестрах П. и А., что взяла матушка игуменья, много не скорби, поелику премилостивый и всемогущий Бог силен и в таковой молве поддержать и сохранить; и о протекашем времени тоже не скорби, что худо их врачевала и наставляла, ибо такое наставление наиболее действует не нашим мнимым искусством, но от их веры и благопроизволения со благоговеинством. Но и теперь, дочь, если они и от игуменской кельи придут, вы должны, призвав в помощь Бога, дабы невидимо вас вразумил и просветил ваш ум и сердце, преподавать им благоназидательные и утешительные словеса и советы в утверждение их душ; и хотя вы, дочь N., сами жаждете, дабы вам кто из благоумудствующих душеполезное слово сказал, но писано есть: возлюбии ближняго твоего, яко сам себе (см.: Мф. 22, 39; Мк. 12, 31) и прочая.

С матерью К. соображаться вам советую яко с единомудренною сестрою, – не токмо в телесных, но и в душевных; а особливо же когда вам батюшка благословил с нею духом неотлучною быть; а посему, уважая батюшки отца Макария благий совет, и к тому же сами вы объясняете плоды ее к вам любви во время самой крайней нужды вашей – болезни – она неотлучно вам служила,

как купленная раба, и по таковой ее приверженности к вам, кажется, не должно употреблять женской хитрости, которая даже прямо противна нашему званию, что бес представляет мысль: когда она совершенно обучится рукоделию вашему – ей больше, чем вам, будут давать работы, а вы уже без пропитания останетесь. И на сие извольте выслушать, что Бог неоскуден в Своей неисследимой милости к нам, силен и всемогущ нас пропитать Своим неисследимым Промыслом, и пропитать изобильно. Итак, дочь, старайся все свои внешние дарования преподать ей, тем более что она единомудренна, и ты будешь в числе делательниц заповедей Божиих. Делание заповедей Господних животворит душу, и даже тело твоё умиротворит и утешит до обилия.

В келейные, кажется, пренужно вам принять какую из благомыслящих, а особливо при такой попущенной вам слабости, – это Господь вам да благословит. А насчет сестры С. старайтесь соблюдать, дабы не замечать ее деяний и разных уловчивых ее соображений; тем всячески предохраните себя от губительного презорства – осуждения, которое крайне помрачает и расстраивает всю нашу жизнь; но я вам скажу, что нам должно ее любить, а непристойные ее деяния ненавидеть; она, по Писанию, своему Господу стоит и своему, служа, падает, а мы кто, что чужdim рабам будем судить? Также да стараемся сохраниться от продерзости и понудимся всячески благоназидательнее быть, ибо мягкое слово премного вливает благоговеинства в чувства слышащего или слышащей. Господь премилостивый да просветит тебя, да умудришия во смирении и паче сих написанных моею худостию: вспоминай, «яко на всякое искушение – смирение, самоукорение и терпение – победа». Господь премилосердный да поможет тебе, и да сохранит, и покроет тя от всех десных и шуиих сетей вражиих, и да простит тебе вся согрешения твоя; и аз, многогрешный,

Приложение

посылаю тебе отеческое мое прощение и благословение, и, молитвами покойных и достоблаженных: батюшки отца Феодора и матерей Варвары и Виталии – мир Божий да почиет на вас, и я, непотребный, навсегда пребываю жаждущий вашего спасения недостойный богомолец И. Л. с единомудренною братиею.

Ежели застанет в живых письмо сие мать и дочь мою И., то объявите ей мое усердное и любовное почтение; и испрашиваю свыше на нее Божие благословение, дабы терпела и благодарила Бога за все.

6

Достопочтеннейшая по духу дочь, мать N., всеусердно желаю тебе, купно и с любезнейшею вашею сестрицею, матерью И., здравствовать душевно и телесно и о Едином Пресладчайшем Господе Иисусе радоваться!

Слава премилосердому Господу, возвестившему батюшке отцу Макарию ваши унылые души утешить благоназидательным писанием к поощрению и ободрению печалующих духом. Но, о дочери по духу! Теперь, кажется, вам ясно и самим видно, что вас всемилостивый и великодаровитый Господь не оставляет, но всячески удовлетворяет и утешает; а потому мы должны, по возможности слабых сил, благодарить Его благоутробие и не забывать всех воздаяний Его.

Что же вы, дочь, жалуетесь: яростная и плотская страсти хотя отступили на время, но недуг малодушия временем наиболее гнетет вас; то, о мати и дочь! да будет твоей любви известно, что всеобщий враг диавол, свои брани и козни всегда пременяя, обманывает и побеждает нас таковыми злохитрыми и коварными злоухищрениями; и вы

не утверждайтесь в том, чтобы у вас вовсе угасла ярость и плотская страсть; но разве на некое время дан вам отлог для отдохновения. И не враг сию ослабу преподает, но милосердием Божиим благодать Его невидимо за молитвы отец и матерей вспомоществует; ибо аще бы не Божия благодать невидимо защищала и подкрепляла, то едва бы кто возмог соблюсти в непорочности себя. А как вы откровенно объясняетесь, что даже ни малейшего слова претерпевать не можете и что даже всякая малость вас трогает до самого сердца, то, дочь моя... сие меня печалит до избытка; поелику нам Сам Спаситель во Святом Евангелии Своими пречистыми усты изрек тако: *в терпении вашем стяжите* (то есть приобучите) *души ваша и: претерпевый до конца, той спасен будет* (Лк. 21, 19; Мф. 10, 22). И святой Илия Экдик в главе 62 пишет: «Дом убо души есть терпение, обдержится бо в нем; имение – смирение, питается бо тем». Из сих причин явственно, что в нас с тобою мало обретается смирения; а потому еще нам пренужно самим изыскивать, кому повиноватися и объяснати свои деяния и помышления, отчего и сами ведомое будете и, по возможности сил, и к вам приходящим благоуспешнее будете преподавать благие советы. Да и не будет места мысленному врагу влагать мысли тщеславия, что вы своими дарованиями утешаете приходящих, но между тем должны воображать, что за молитвы отца или наставницы своей; таким образом пребудешь неподвижима от высокоумия, но, по апостолу Павлу, смиренными мыслями утверждатися.

А что вы с прискорбием извещаете о постигающей вас, по мнению вашему, неудобноносимой буре искушений, то я, грубый, со дерзновением напоминаю вашей любви Духом Святым изреченный чрез пророка Давида псалом 26: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь? Господь защититель живота моего, от кого устрашусь? Внегда приближатся на мя злобующим, еже снести плоти*

Приложение

моя: оскорбляющие мя и вразі мой, тии изнемогиша и падѡша. Аще ополчїтся на мя полк, не убоїтся сердце мое: аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю (Пс. 26, 1–3) и прочее. Хотя сила выражения псалмов сих относится к невидимым всеобщим врагам, но, однако, по наущению сих врагов и человецы восстают и смущаются и нас в смущение приводят. А что нас укоряют и поносят, и нарицают холопницами, мы должны совестью своею довольствоваться, и по заповеди Господней да потщимся молиться за творящих нам бури – и в мгновение ока превратит в благоприятную тишину.

О, мати и дочь N.! Мужайся, и да крепится сердце твое во благодущии. Сии-то или нехотя, со смирением прибегать к покровительству и помощи Божией, прося о защищении; 2-е, обнадеживают, что мы, хотя и от ничтожных ничтожнейшие и слабейшие всей твари, но имеем скорбная сообразно по Бозе жительствовавшим и во искушениях предуспевшим и спасшимся; как за грехи наши попущены скорби, ко очищению и смирению также, то благонадежием и упованием подкрепляемы, в пагубное отчаяние не попускаемся. И сие нас да не смущает, что караул приставят к твоей келье; пусть потрудятся и, уморясь, оставят; а нам должно во всем терпением и благодарением препобеждать, и Господь поможет. Слава милостивому Господу, что вы с матерью К. духом поутвердились; а извне враг воздвизает брань, но и та скоро исчезнет... А насчет сестры С. да положимся на терпение всевозможное и потщимся всячески с своей стороны, как бы ей, немоществующей, не подать вины к смущению; поелику писано есть: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). И Сам Спаситель во Святом Евангелии объяснил: несть более любви, да *кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). А как сия добродетель превосходнейшая и пренеобходимейшая,

то да потщимся понести хотя малые немощи ближайшей сестры нашей! И паки речено: *вы сѣльнии нѣмощи немощных носите* (Рим. 15, 1). Вы объясняете, что не можете терпеть и оскорбляетесь, кто на вас клеветает и поносит. О сем прочти 127 главу святого Марка Подвижника в 1-й части Добротолюбия, она содержит сие: «Егда увидиши когó во многѣх безчестіях болѣзнующа, веждь, яко помысл тщеславія насытився, неприятне сердечных семен жнет рукояти»*...

Подобне прочтите святого Симеона Нового Богослова в 1-й части, главу 31-ю, и увидишь свое неможение и какие должно меры брать.

Господь же премилостивый да просветит и да вразумит вас, да умудритесь в смирении, и да поможет вам, и да сохранит, и покрывает от всех десных и шуиих сетей вражиих, и да простит вам вся согрешения ваша. И аз, многогрешный, посылаю мое отеческое прощение и благословение, и, молитвами покойных наших отец и достопамятных матерей, мир Божий да почиет на вас; а я пребываю навсегда ваш недостойный богомолец, многогрешный И. Л. со единокдушными братьями.

Пречестнейшей сестре М. желаю мужества и долготерпеливого пребывания, – и хотя недостойн, но умоляю премилосердного Господа, да поможет ей, и да сохранит, и покрывает от всех сетей вражиих, и да простит ей вся согрешения ее. И аз, недостойный, посылаю ей мое отеческое благословение и прощение, а равно и страждущей бедняжке Е., да поможет и ей всемогущий и великодаровитый Господь, и да не предаст ее в совершенное наругательство злокозненному врагу диаволу, но да вразумит и сохранит Своею всемогущею силою и да устроит на спасительном пути.

W. и V. объявите мое почтение, и да ниспошлет им Сам великодаровитый Господь Свое свыше благословение; однако W. когда не положится совершенно сохранять

* По-русски:
«Если увидишь, что кто-либо, находясь в многоразличном бесчестии, скорбит о сем, то знай, что он, насытившись помыслами тщеславия, с неприятностью пожинает снопы сердечных семян».

Приложение

двери ограждениями о устах своих, то иначе не возможно ей освободиться от смущения и мучительства сладострастнейших прилогов и таких же мыслей и от оной происходящей скуки и уныния, влекущих в помыслы всепагубнейшей отчаянности.

7

Достопочтеннейшая по духу дочь, мать Z!
Всеусердно вам желаю душевного мира
и благодушного пребывания!

Приятное ваше писание, пущенное вами 30 марта с почтою, мы получили во всякой исправности; из него ясно видно, что ваше устройство и положение течет с слабыми успехами... Сожалительно!

Что же касается до тягости, чувствуемой вами при обращении к вам значительных лиц, то вы должны помнить, что без труда и пролития во внутренности крови спастись невозможно, поелику писано есть: «Дажь кровь, и приими дух», почему обязаны и с понуждением послушание продолжать, по вере окормляемых вами; а всемилостивый Господь за ваше понуждение и сострадание к ближним невидимо будет вам вспомоществовать, да и вспомоществует.

Вы жалуетесь и с болезненным тоном, а по-видимому будто и с смиреннопроизношением, что вы ввергнуты в малодушие! То сии плоды произрастают наиболее от тщеславных о себе мечтаний...

На молитвы отцов добро и похвально уповать, но следует при всем том и себя не забывать.

Вы, по неограниченному своему усердию, требуете всегдашних моих ответов и в противном случае

малодушествуете: это знак маловерия; нерассудительность сия от самолюбия произрастает и в помрачение вводит. Вы, забывши Божественное Писание, запрещающее на тленных человек совершенно надежду полагать, а токмо на Единого всепремилосердного Господа, пострадали безрассудно; ибо Той Един воздвизает нища от гноища, хотя и чрез ангельское посредство, или, по мере веры сущих в повиновении у искусных отцев, и чрез человек. И воистину когда бы помнили Духом Святым произнесенные в псалме слова, что *надёющися на Господа, яко горá Сиѡн: не подви́жится* (Пс. 124, 1); и паки: *а́ще не Господь сохрани́т град, всѹе бде стрегѣи*; и: *а́ще не Господь сози́ждет дом, всѹе трудѣ́ишася зи́ждущи* (Пс. 126, 1), и прочее, и если бы сие в полном чувствовании имели, то не пострадали бы. К тому же, как изволите объяснять, вы не только что чрез меня, непотребного, руководствуетесь, но равно и чрез другого – батюшку отца Макария. И воистину, по мере веры, невидимо благодать Божия действует, и утешает, и просвещает всякого желающего спастися.

Если сестры по благорасположенности к вам просят духовной пищи, а вы, напротив, в себе чувствуете алчность сами; то хотя мы сами, как выше сказано, о себѣ творѣти не мо́жем ничесѡже, но за великую нужду, по их вере, силен и всемогущ Бог и от бесплодной смоковницы напитать животносно. И если когда, яко человецы, Божиим попущением ко смирению нашему, и грубо каковой сестре скажем или вид неблаговиден покажем, то, о сем вздохнув из глубины души, раскаянием и самоукорением да навешаем. Что вы объясняете: при крайнем вашем изнеможении дерзнули сказать немощнейшим и поврежденным сестрам, дабы вам дали хотя малый покой, то сие событие представляет вашей любви искус и опыт, чтоб отнюдь так не отказывать; то есть эти слова, что «не могу говорить, дайте мне хотя малый покой», за скулой удерживать;

видите, что они от сего даже пострадали припадками, все это в ваше нравоучение.

Итак, видно, дочь М., нам с тобою не столько других приходится наставлять, сколько от их соображения учиться. И вот паки новый вышел вам искус, что должно о мертвеце своем пешихся более, чем о других, – что и своя сестра больная и немощнейша из немощнейших, и у тебя самой слабы силы, и выходит в обоюдных немощах большое искушение; так ни на что не похоже было действовать, как вы. Лучше бы, по моему младоумному рассуждению, тебе, отдохнувши, в своей келье с ними заняться, нежели в чужие кельи ходить утешать и умиротворять – себя и сестру в неустройство приводить. А что вы просите, дабы мне хузейшему помолиться о даровании вашей любви благоназидательных произносов, то и в сем да будет тебе известно, что молитва и праведного тогда вспомошествоует во благое и тогда благодать Божия неоскудно действует, когда и просящий о молитве покажет во всем произволение. Прежде же сего Бог не преподает нам оную, как неспособным ее принять (по слабости духовных сил наших в разных искушениях) и не претерпевшим скорбей, коими едиными очищается наш внутренний человек, но по мере терпения и благодарения за оные даруется от всемилостивого Господа благодать Святого Духа и дарование.

Еще позвольте вас, хотя мало, заочно укорить, а вы благодушно понесите это: вы там, как афинянки*, желаете всегда одна перед другою узнавать везде, что есть ли письма от меня или от батюшки. Когда же к одной пришлется, а к другой нет, – вот тут и откроется крамола и беды – не получивших объемлет скорбь и малодушие с пагубным мнением: что и почему не пишет? И прочее... а того и не понимаете, что иногда пяти только строк не кончивши в письме, кто-либо придет и займет, – и осталось письмо до другой почты.

* Этим словом старец сравнивает их с древними жителями города Афин, между которыми была распространена страсть любопытства и новостей.

Но и за предпочтение другой сестры нам оскорбляться – тоже знак самолюбия...

Ваш недостойный богомолец И. Л.

8

К той же

Ваше преподобие, достопочтеннейшая о Господе сестра, мать N.! Купно со всеми единомысленными о Христе сестрами желаю о Господе Едином радоваться и в благодушии пребывать!

Приятное ваше писание, пущенное с почтою, я, недостойнейший, получил во всякой исправности и, прочитавши, содержанию внял; из него вижу ваше жалостное положение и устроение... Но как имеете раскаяние и произволение ко исправлению своих поползновений, то и предполагаем, что всемилостивый и великодаровитый Господь, единственно по Своему милосердию, вселил вас простить и восставить на правую стезю святых и животворящих заповедей. Объясняемый вами ваш поступок, что в рассуждении восхитилась яростною частию, – это за гордость и за презорство других вам попустилось, что мысленный волк вам поругался и в таковое неистовство вас ввел!.. А потому, как довольно пострадали, – от сего должно познать свое недостойнство и ничтожество, и, при помощи Божией, да положим начало предостерегати себя. А всего нужнее советую вашей любви, для уврачевания себя и познания в тонкостях искушений гневом, прочитывать о сей душетленной страсти в 4-й части Добротолюбия статью Кассиана Римлянина о страстных восьми помыслах, и именно о гневе – числом четвертый; и я надеюсь, когда вы будете почаще прочитывать сию главизну,

Приложение

то, при содействии благодати Божией, молитвами угодников Божиих, от сей страсти избавлена будеши. Теперь вам сделалось понятно, каковое делает ослепление сия помрачающая и ослепляющая страсть, что даже больную единуютробную сестру едва не растерзала. И воистину с тобою великая последовала милость Божия, что сестре даровал Господь таковое благодушие и смиренные словеса, что укротило твое ожесточенное и бесом действуемое сердце; и теперь мы с тобою, почувствовавшись, должны святого пророка Давида, Духом Святым произнесенные, глаголати словеса: *Наказуя наказá мя Госпóдь, смёрти же не предаде́ мя* (Пс. 117, 18); и паки: *блáго мне, я́ко смири́л мя еси́, я́ко да научу́ся оправда́нием Твои́м* (Пс. 118, 71). И да будет твоей любви известно, что это с вами случилось не без причины, таившейся в тебе самой; ибо издавна в тебе закрались гордостные помыслы противу матери И., что она, будучи пораженная болезнью, и обременяет вас, и тягость наносит вашему сердцу деяниями по всем частям...

Таковые помыслы, гнездившиеся в вашей душе, подобно искре тлеющей, вдруг вспыхнули от ветра в пламень жестокого гнева при прилучившейся малой противной вам вещи. А к тому ж и останки закоснелой прелести, видно, еще не потреблены совершенным послушанием и отсечением своей треклятой воли; то и тая вспомоществовала к сему душетленному поступку. Сими событиями оказывается наше недостаточное устроение; посему и твердо да помним сие: когда придет к тебе которая сестра для объяснения своих немощей, тогда с опасством говори и со страхом Божиим; помышляй о себе не яко старица, но яко единая от немощных немощнейшая и недостойная того, чтоб кого врачевать, яко сама в тягчайшем недуговании душою и телом лежащая; точию за святое послушание обязана сие творить и продолжать, и не яко обладательница, но яко недостойнейшая советовальница. Такжеде разумей и о Д.

Несколько писем старца Леонида

И благословляем, и соизволяем вам, по возможности слабых твоих сил, наставлять; принимай и Господа Бога проси, дабы даровал вам чувство и разум со здоровым рассуждением словеса произносить в пользу души ее и по возможности сил нудиться к сострадательности. Ежели, паче чаяния, совершенно окажется немощь твоя и не возможешь удовлетворить по ее желанию, тогда, познавши свои немощи, кому следует отнесись письмом, и умиротворишься совестью. Что делать, матушка? Видно, мы недостойны с тобою иметь единомысленных, мы дожили или рождены в такие бедственные времена, в коих сбывается древняя пословица: «Овец не стало, то и на коз честь пала». И обратно сказать к наставникам – не то же ли? Ибо вам ясно видно, что уже и меня, непотребного, слепо вверившиеся старцем почитают; да не исключаетесь и вы из сих слепотствующих.

Вы гадательствуете, что ваше расстройство последовало не от удаления ли причащения Святых и Животворящих Таинств Тела и Крови Христовых. И сие неоспоримо, это может быть; но причины также бывают от нашего нерадения и неуготовления к искушениям.

Господь всемогущий да вразумит и просветит тебя, да умудришься во смирении. Господь премилостивый да поможет тебе и сохранит, и покроет тебя от всех сетей дьявольских, и да простит тебе вся согрешения твоя вольная и невольная. И аз, многогрешный, посылаю тебе отеческое прощение и благословение; и молитвами прежде отшедших отец и матерей мир Божий да почиет на тебе; а я, хотя и непотребен по всем частям, но пребываю с моим обычным благорасположением навсегда ваш недостойный богомолец И. Л. с приверженною братиею.

9 марта 1832 года.

Достопочтеннейший о Господе N.!

Писание ваше, от 28-го числа февраля пущенное, я имел честь получить чрез монаха нашего отца А. марта 29-го числа, по прибытии его в пустынь. Вы изъясняете свои скорби, наветами и клеветами неблагоприятствующих вам наносимые, и просите моего совета: как вам поступить и чем оградить и подкрепить себя против злодейского их мщения?

Зная свою скудость в разуме, а паче в деле, должен бы молчанием перейти ваше вопрошение, но, видя ваше смущение и по Бозе веру к моей худости, а также и сознание ваше в долге христианских обязанностей, вынужден из сострадания к вам, забыв свое недостойнство и призвав в помощь премилосердного Господа, дарующего и бессловесным глас слова в пользу разумного Своего создания, дерзаю простреть к вам скудоумную мою беседу не хитросплетенными словами риторского слова, но от искреннего желания вам укрепления и утешения в скорби.

Я уверен, что вы воспитаны в недрах Святой нашей матери Церкви православным христианским учением и, как вижу из письма вашего, страшитесь, дабы не дать ответ на Страшном Суде Христовом! О! Если бы сей страх руководил нас во всех наших делах, то не было бы столько причиняемо друг от друга скорбей и притеснений. Святая вера учит нас, что и влас главы нашей не погибнет без воли Божией, и птица не падет без оной. Сие основание и вам возможно положить на сердце своем, равно и это: что ни случается со мною – все Божиим попущением бывает или за грехи в наказание (когда вы оными в чем виновны, яко человек), или ради искуса веры моей; и наконец – для того, дабы скорбями не допустить нас до каких-либо преступлений, кои часто мы делаем, упоенные благоденствием,

и не входим в совесть свою для рассмотрения ее; и нападающие и восстающие на вас суть ничто, как орудия, коими Бог действует.

Сему твердо веруйте и с покорностью духа покоряйтесь; и паче, когда при всех ваших усилиях не можете отворотить посланного бича, но, не укрепившись верою, смущаетесь и духом упадаете.

Видно, что еще любит вас Господь; ибо не хочет, дабы вы шли пространном путем, – куда сей отводит, довольно известно, – но желает вести путем тесным и прискорбным, ведущим в живот вечный. Мне неизвестны ваши дела и жизнь, но кто пред Богом не грешен? Войдите в свою совесть, помяните грехи свои и примите за оные посланные вам скорби; считайте себя достойным, приносите Богу благодарение – и увидите сами, что эти самые скорби будут для вас удобоносимы и совсем вскоре освободитесь от них.

Напротив же, когда будете обвинять не себя, а других (хотя бы в таковых случаях вы были и не виновны; но правда Божия действует за другие) и будете на Бога роптать и на непостижимый Промысл Его, то скорбь ваша более увеличится и не скоро ее освободиться можно.

Вы болезнуете, что чрез злословия и ябеды сделались вы в виду старших, равных и ближних своих дурным человеком; это явный знак самолюбия. Ежели вы невинны, то совесть ваша должна вас утешать, по слову Спасителя нашего: *блажѣни естѣ, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради; радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на Небесех* (Мф. 5, 11–12).

А как поступать с враждующими против вас? Спасительные и животворящие заповеди Христовы повелевают: *любите врагъ ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы* (там же, стих 44); и: *всяку*

Приложение

ра́дость имейте, бра́тие моя, егда́ во искуше́ния впаде́ете различна: ве́дяще, яко́ искуше́ние ва́шея ве́ры соде́ловает терпе́ние: терпе́ние же де́ло соверше́нно да има́ть (Иак. 1, 2–4); и паки: скорбь терпе́ние соде́ловает, терпе́ние же – иску́ство, иску́ство же – упова́ние, упова́ние же не посрамíт (Рим. 5, 3–5).

В удостоверение того, что скорби посылает нам Бог от любви Своей, святой апостол пишет: *его́же бо лю́бит Госпо́дь, наказу́ет: биёт же вся́каго сы́на, его́же прие́млет. А́ще наказáние терпите́, яко́же сыновомъ обрета́ется вам Бог. Кото́рый бо есть сын, его́же не наказу́ет оте́ц. А́ще же без наказáния естé, ему́же причáстницы бы́ша вси, у́бо прелюбоде́йчищи естé, а не сынове (Евр. 12, 6–9).* Видите, что еще должно опасаться тому, кто живет в благоденствии и не имеет никаких скорбей.

И так утешайтесь тем, что Бог, любя вас, посетил... Но Он силен и избавить, когда мера правосудия Его исполнится.

Святой апостол утешает нас: *вся́ку ра́дость имейте (Иак. 1, 2)...* Конечно, мир и чувственность скорби сии делает вам чувствительными... но я уже сказал вам, что с пространного пути невыгоден вход; от сего-то пути вас Бог и отвлекает.

Представляется вам, что чрез лишение чего-нибудь супруга и дети ваши должны претерпевать недостатки. Но они, любя вас, могут разделить с вами скорбь вашу и служить вам утешением. Ежели не будут они богаты; то вспомните – для получения благ вечных бедность удобнее, нежели богатство, и большая часть людей находится в умеренном или бедном состоянии, чем в богатом. А это все творит Премудрый Промыслитель: неужели бы Он не мог всех обогатить? Но какая из сего была бы польза? Он смиряет и возвышает, убожит и богатит; и воли Его кто противиться может?

Я думаю, вы там у себя можете у кого-нибудь сыскать книги: сочинения святого Димитрия Ростовского. В 1-й их части есть небольшое его сочинение: «Апология во утешение скорбящих», которую извольте прочесть. Надеюсь, что она подаст вам помощь ко облегчению тяготящей сердце ваше печали и к упованию на Бога.

Приимите сии скудоумные советы, излейте бальзам веры и надежды на скорбное сердце ваше, предайте себя в волю Создателя нашего, и Он пошлет вам утешение, а паче в наступающий праздник Светлого Христова Воскресения, прежде которого, вспоминая Великую седмицу Страстей Его, нас ради восприятых, увидите недостойство наших скорбей против Его невинно подъятых, нашего ради спасения, и воздавайте Ему благодарение. И так, сретая праздник славного Его Воскресения, желаю вам с семейством духовно торжествовать его с сердечною радостью и спокойствием.

Испрашивая на вас и на семейство ваше мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь ваш усердный богомолец, многогрешный И. Л.

10

Достопочтеннейшая о Господе N.!

С чувством прискорбия увидел я из письма почтенного М. известие о кончине, по воле Божией, любезного вашего супруга. Знаю, что для вас сия разлука весьма горестна, и, судя по слабости нашего естества, нельзя не скорбеть, расставаясь навсегда с самым близким нашему сердцу; но где же искать утешение? В святой религии!

Для неверующих – не имущих упования в жизни вечной – точно неутешимо лишение близких. А мы, хотя

Приложение

и грешны, но имеем упование на милость всещедрого и человеколюбивого Бога, Господа Иисуса Христа, искупившего нас бесценною Своею Кровию и даровавшего нам по сей жизни живот вечный...

Святой апостол так утешает верующих: *не хочу же вас, братья, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочие не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес: тако и Бог умерших во Иисусе приведет с Ним* (1 Сол. 4, 13–14). Покойный супруг ваш был истинный христианин, сохранивший веру до конца жизни, и с оною отошел ко Господу, хотя и не сподобился видимо при кончине Причастия Святых Таин. Еще более вас оскорбляет, что вы не знаете сокровенных судеб Божиих!.. Но Он примет и желание его за самое действие; ежели прочтете в книгах святых отец, много найдете тому примеров. Не смущайтесь этим и возверзите все ваше упование на неизреченные щедроты и милость человеколюбивого Господа.

По получении вашего известия и в нашей обители поминовение начало совершаться как в монастыре на литургиях, так и в скиту при чтении Псалтири. Да сподобит его Господь получить жизнь вечную и сотворит ему вечную память! А вам с сетующими вашими любезными детками и ближними родными – пошлет Свое утешение верою и упованием на Его неизреченное милосердие; с каковым желанием, а равно мира и здоровья наслаждаться, остаюсь ваш усердный богомолец И. Л.

11

Ваше преподобие, почтеннейший отец иеродиакон N.!

Почтеннейшее писание ваше я получил, писанное еще от мирского имени А. с замечанием, что стоите

в преддверии принятия иноческого сана; почему надеюсь, что вы уже удостоились получить сие звание, с чем вас усерднейше поздравляю и желаю сохранить данные вами при пострижении Богу обеты непреткновенно.

Вступая в сие звание, вы полагаете нужными вам назидательные советы и, обращаясь ко мне, ищите от меня наставления для беспоползновенного прохождения сего великого обязательства. Сколько справедливо ваше мнение и похвально желание, столько с моей стороны удовлетворительное исполнение вашего прошения неудобно, как по скудоумию моему, так и по недостаточеству дел благих; а притом и прохождение образа жизни общежительных монастырей большую имеет разность с штатными монастырями, хотя намерение и цель едины – спасение.

Не находя в себе ни от дел моих, ни от разума дать вам искомого вами наставления, советую прибегнуть к тем блаженным подвижникам, которые, благочестие исправивши, принесли исполнением заповедей Божиих дары смиренномудрия, целомудрия, нестяжания... и прияли от Бога дарование разума и премудрости для научения и просвещения других, последовать им хотящих, и предали сие учение в сохранившихся Промыслом Божиим и дошедших до нас сочинениях их и книгах. Вы, имея образование ума, читаете их учение не из любопытства токмо, но желая подражать им по силе и сообразно с возможностью проходимого вами послушания, и благодатию Божиею сподобитесь обрести путь истинный, незаблудный; при всем же том ищите духовного собеседника, могущего по вере вашей даровать вам здравые и благие советы во всяком деле, слове и мысли.

Книги же для чтения советую проходить приличные нашему намерению, как-то: святого Иоанна Лествичника, святого аввы Дорофея, святого Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита,

Приложение

Марка Подвижника, Кассиана Римлянина «О восьми страстных помыслах» и его же «Послание к Леонтину игумену о рассуждении», преисполненное духовной пользы, и прочие отеческие книги, которые учат нас побеждать злобу и исправлять добродетели не наружно только, но внутренно. Желая вам обрести душевную пользу и поручая себя вашим святым молитвам, с сердечным моим почитанием пребыть честь имею ваш покорный слуга и богомолец, недостойный И. Леонид.

12

Достопочтеннейшая о Господе мати О.!

Писание твое, от 25 февраля пущенное, мною получено; в нем ты описываешь свое душевное устроение и смущение, просишь моего совета и мнения, что с тобою происходит и какое средство употребить к исцелению. Не зная в точности, какую ты проходила жизнь и делание, нельзя совершенный дать совет; но сколько можно понимать от плодов, твое неустроение происходит от вражией прелести, попусциением Божиим за высокоумие наведенное.

Верно, ты прежде времени старалась снискать безмолвие и проходила умную, но самочинную молитву, ища прежде времени высокого устроения и дарований, каковыя даются проходящим только истинную молитву, и, между прочим, ощутив в сердце некое сходственное движение, принимала оное за благодатное; затем, услаждаясь им, пришла мало-помалу в таковое устроение. Но хотя бы и точно благодатное было устроение, и это весьма опасно до времени принимать без вопроса о сем рассудительных; ибо что мы безвременно взыщем, того

и вовремя с трудом не можем получить. Ты, прочитавши о делании сем, оставила то, чем должно прежде предостеречь себя от прелести, между тем как это последнее те же отцы советуют, то есть – понуждая себя на безмолвие и молитву, ты не старалась о исцелении страстной, яростной части (раздражительности) и не познавала, что она в тебе действует. Исцеляется же она не уединением, а соображением с ближними и претерпеванием от них досад, а в случае победений ими – познанием своих немощей и смирением. Святой Иоанн Лествичник пишет: «Кто ощущает себя склонным к гневу, ярости, мщению и лукавству, тот ниже да зрит след безмолвия»; и в 4-й степени паки: «Загляни в помышления неискусных послушников – и обрящешь тамо мысль заблужденную: обрящешь в них желание безмолвия, жесточайшего пощения, неразвлекаемая от разных мыслей молитвы, совершенного славы суетной отвержения, незабвенных смертных памяти, беспрестанного о грехах сокрушения, наикротчайшего безгневия, глубокого молчания и превосходнейшего целомудрия. Они при вступлении в иноческий подвиг сих добродетелей, по особенному Божию Промыслу, не достигнув, напоследок, в намерении обманувшись, вовсе от него отпадают. Ибо враг внушает им искать их прежде времени с тем, да по довольном в оном обращении в настоящую пору оных не получат».

Ты, верно, ощутив теплоту сего в сердце или персех, приняла ее за благодатную, но вместо того оказалось – жжение прелестное. И сие, совокупляясь с яростною частию, повредило твое устройство. Полагаю, от того происходит у тебя и бессонница, что сердце, трогаясь оным жжением, не имеет мира, но тревожась, лишает тебя успокоения, да и каждая малость трогает тебя и смущает. Послушай учение святых отцов, которые, возбуждая к безмолвию и молитве, между тем предостерегают и от

прелести и советуют не искать безвременно того, что да-
ется по времени и со смирением проходящим сие делание.
Именно святой Исаак Сирин во 2-м слове пишет: «Деяние
креста сугубо есть, и есть вещь сия по сугубству естества,
разделяемого на две части. И ово убо ко еже претерпети
скорби плотския, исполняемая действием яростныя части
души, есть и нарицается – деяние, ово же тонким дела-
нием ума и божественным обретается приснопоучением
и пребыванием молитвы и прочими, еже содевается жела-
тельною частию и нарицается видение. И едино убо, си-
речь деяние, страдательную часть* души очищает силою
ревности; другое же действие любви душевныя, еже есть
привождение естественно, еже процеждает** мыслен-
ную часть души. Кийждо убо прежде совершеннаго обу-
чения в первой части, приходя к оней второй за сладость
ея рачительне, да не глаголю от лени, гнев*** находит
нань, за еже не умертвити прежде уды своя, еже на земли,
то есть еже исцелити немощь помыслов терпением дела-
ния досады креста. Дерзнул бо есть возмечтати в уме сво-
ем славу креста. Сие же есть реченное от древних святых:
яко прежде неже умолкнути чувствам от немощи, аще вос-
хощет ум взыти на крест, гнев Божий приходит нань. Вос-
хождение еже на крест, наводящее гнев, не первую частию
терпения скорбей, еже есть распятие плоти, но еже взыти
в видение, еже есть вторая часть по исцелении души бы-
ваемая. Его же ум осквернен есть страстьми безчестия
и течет еже возмечтати умом своим мечтания помысл, за-
прещением заушавается****, за еже не быти первее чисту
умом скорбьми и покорити похоти плотския, но от слуха
ушес, и чернила письмен потече прямо лицу своему*****,
еже пойти в путь исполнен мраков и сам слеп сый очима.
И здравствующии бо зрением и исполнении света и стя-
жавшии наставников благодати – и тии в беде суть ночь
и день; внегда очеса их исполнена суть слез, и в молитве

* Страстную
часть, то есть во-
ждеделение и раз-
дражительность.
По учению святых
отцов естество
души разделяется
на три части: сло-
весную (разу-
мную), яростную
(раздражитель-
ную) и похотную
(вождеватель-
ную).

** Очищает.

*** Божий.

**** Удерживается
наказанием.

***** Прямо – вле-
ред.

и плаче изработают весь день, и в нощи страха ради путешествия и стремнин ради крепльших* сретающих тех, и образов истины, обретаемых смешенных с лицемерными образы». Из чего видно, что за оставление делания первой части подвига противу страстей гнев Божий находит, а сей гнев заключается в лишении мира и спокойствия. И святой Григорий Синаит в Слове о безмолвии** в 7 главе пишет: «Несть чудно прельститися кому новоначальну и по мнозех трудех, за неже бысть мнозем и нынешним, и древним, Бога взысующим. Ибо память Божия, сиесть умная молитва, – вышша всех деланий есть, сия есть и добродетелей глава, яко любы Божия. И иже безстудне и дерзостне хотяй к Богу внити и исповедати Его чисте и стяжати Его в себе нудяся, удобь умерщвляем есть сицевый от самех бесов, глаголю, аще попустится; дерзновенно бо и дерзостно паче устроения своего, взыскав с кичением понуждается до того паче времени dospети... со смирением, паче же с повиновением и вопрошением искусных бывает сие чудное дело. Да не како вместо пшеницы терние отай пожнет, и горесть вместо сладости, и вместо спасения обрящет погибель. Сильных бо и совершенных есть противоборствовать присно бесом и меч *духовный*, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17) выну на них возпростирати.

Сего ради внимай, да не приложиши веровати чесому, согласуясь с тем вскоре, аще и благо есть, прежде вопрошения искусных и истязания многа, яко да не вред приимиши; но пребывай негодуя к тому присно, блюдя ум твой необразован, безвиден, невообразителен... Узревый бо что в мысли или в чувстве, аще ведущих – удобь прельщается или прельститися хочет, яко удобоприятелен... Бог бо не негодует на иже опасно себе внимающего прелести ради, аще сие и не примет, еже от Него, кроме вопрошения и многа испытания, но паче похваляет, яко премудра, аще на неких и негодова. Не всех же должен есть вопрошати,

* Ужасных.

** См. 1-ю часть
Добротолюбия
славянского.

но единого, ему же вверено есть и других окормление и житием блистающа, убога убо суща, *мнози же богатяще*, по Писанию» (2 Кор. 6, 10)... многогрешный И. Л.

13

Достопочтеннейшая о Господе N. N.!

От 11-го числа августа писание ваше получил; из него вижу смущенное ваше устроение и соболезнование о том, что и от нас возвратились с расстройством духа. Вы считаете себя виновною сему за прекословие ваше, но и я не смею считать себя столь благоразумным и достойным, чтоб мог преподавать всем наставление об образе жизни, а паче просвещенным в разуме «по веку сему», находящимся в кругу «большого света». Но ежели кто с верою и несомненным сердцем приступает, отвергая свой разум и волю, то силен Бог и невежде подать слово к назиданию. А с сомнением и соиспытанием* и не с верою приходящие «аще и пророка вопросят, и тому повелит Господь рещи слово противу произвола их сердца».

* Лукавым любопытством.

Пишу сие не с тем, чтобы отнести сие к вашему лицу, но только представляю вам действие благодати; а вы, ежели что-нибудь находите в себе сходное с сим, то в воле вашей состоит исправить в себе это.

Вы поехали от нас, не сказавши своего смущения, чем уже начало положили к расстройству своего духа, которое может и все здание поколебать. Явно, что к тому не допустило вас самолюбие (в коем вы и сами сознаетесь); да и теперь страдаете оным; слова ваши доказывают сие: «Какое мнение должны вы теперь иметь обо мне?» – говорите вы, что вас беспокоит и наводит скорбь... Спрошу вас я: какое вам угодно, чтобы я имел? Ежели вы хотите

показываться тем, чего у вас нет, то это политика, а не искренность. Вы не о том думайте: какое я буду иметь мнение, но о том, какова я есмь, чтоб в точности открыть раны душевные, показать эти язвы и искать исцеления... Оставьте о сем скорбеть и малодушествовать – какое я имею об вас мнение – и будьте покойны совестию. Я имею мнение такое, что вы желаете спастись, но хотите высоко воспарять, не приготовившись, или хотите вдруг вступить на верх лестницы, не проходя низших ступеней ее исполнением заповедей Божиих, со смирением и вручением себя в волю Божию и в святой Его Промысл.

Впрочем, смущение ваше должно вас вразумить, где искать спокойствия. Оно-то вас и понудило написать ко мне, скудоумному, о вашем смущении – этим вы открыли свои язвы; но «открываяй язвы, – по словам отцов, – не предуспеет на горшее, но исцелает». Да исцелит Господь и вашу душевную болезнь за признание и откровение ваше.

Когда не имеете спокойствия, – знайте, что не имеете в себе смирения. Это Господь явил следующими словами, кои вместе с тем показывают, где искать спокойствия. Он сказал: *научитесь от Мене, яко крѣток есмь и смиренъ сѣрдцем, и обрѣцете покой душамъ вашим* (Мф. 11, 29).

Вы хотите в скором времени достигнуть в совершенную любовь Божию, которая есть венец добродетелей, – и не видя сего в себе, смущаетесь, но вместо того надо ко смирению прибегнуть, считая себя недостойною сей высоты... и всегда ум свой должно низводить во глубину смирения. Это бы могло вас успокоить. Да и самое неустройство свое – считать наказанием за бездействие и за преступление заповеди Божией; и так, полагая начало, понуждать себя к исполнению оных, чрез немощ же – паки смирять себя, пока призрит Господь на понуждение ваше и на смирение; тогда умертвится в вас страсть самолюбия, не дающая ныне вам спокойствия, которая, между

прочим, наводит и сими мыслями скорбь: какое теперь я буду иметь о вас мнение?

К утешению и укреплению вашему, чтоб вы мужествовали и не смущались в приключающихся вам мысленных бранях, предлагаю вам у сего выписанные святых отцов учения о сем предмете*, которые прочитывая, обрящете душевную пользу.

* К сожалению, они затеряны впоследствии.

Вас еще беспокоят какие-то предчувствия возможных скорбей. Приписывая их суеверию, можно прямо назвать неверием в Промысл Божий, пекущийся о всякой твари и о нас; когда без воли Божией не падает влас главы нашей, то кольми паче ничего не может случиться с нами скорбного без воли Его.

(Конца письма недостает.)

14

Достопочтеннейшая о Господе N. N.!**

** Просившим у старца рукописного наставления, для постоянного руководства, письмо особенно замечательно. С сего № 14 и последующие письма писаны, по поручению старца Льва, его сотрудником старцем отцом Макарием (Ивановым).

Духовная жизнь внутреннего человека, по сказанию святых отцов, разделяется на две части: деятельную и умозрительную. Первая есть сеятва добродетелей на сердечную ниву исполнением заповедей, вторая – радостная жатва, брак души, очищенной от страстей заповедями, с Женихом Христом в тайных чертогах сердца совершаемый. Кто взойдет на брак сей не в брачной одежде, а в рубищах, то есть кто несмысленно и дерзостно пожелает, не совлекши с себя рубища страстей и не облекшись в брачную одежду чистоты, войти в брачный чертог – внутреннюю клеть сердца своего, где непрерывным богомыслием совершается любовное беседование человека с Богом, – таковому, по словам евангельским, связываются руки и ноги, то есть прекращаются течения его по пути благочестия,

погибают все труды его, и ввергается он «во тьму кромешную», то есть – в невежество, которое горше всякого невежества, рождающееся от гордыни, в коем человек, не понимая самого себя, мечтает, что он все знает и будто служит примером добродетели. И некоторые, ощутивши в себе некое желание к добродетельной жизни, яко страстные, страстно рассуждают, то и полагают вместо основания своих подвигов самомнение и гордость, не могши, бедные, к сожалению, распознать лица ее, имея очи ума ослепленные страстями. Они прежде деятельной части стремятся ко второй и, так сказать – прямо из блудилища страстей бесстыдно ищут прикасаться чистейшему Владыке! Весьма редкие избирают тесный и прискорбный путь делания заповедей, который заповедал нам Господь Иисус Христос. Потому-то Он и изрек святейшими Своими устами, по окончании притчи о человеке, вшедшем на брак сына царева не в брачной одежде, что *мнози... суть звáни, máло же избрáнных* (Мф. 22, 14).

Возлюбленные о Христе братия!

Слыша таковые слова Спасителя и отчасти видя исполнение оных, мы страха исполняемся и, по вашему желанию, дерзаем сложить сии худосложные строки в некоторую вам предосторожность, потому что враг наш *диáвол, яко лев рыкая, хóдит, искíй когó поглóтити* (1 Пет. 5, 8) не только для всех видимыми ясно сетями распутства: пьянством, блудом и прочим, но и для редких приметною прелестью (сетию) самомнения или гордости, кои часто скрываются под личиною смирения, как ядовитые змеи под благоухающими цветами.

Так, многие из нас читают Святое Евангелие, но малые оное разумеют как должно, потому что умственные их уши не отворены для такового слышания, – как у не просящих

Приложение

у Бога вразумления при таком начинании. Почему Христос часто говорит: *Имѣй у́ши слы́шати, да слы́шит* (Мф. 11, 15), желая сим возбудить нас от нерадения. Мы же, грешные, не умягчаемся и страданиями Господа Иисуса Христа, не поражает нас видимая ежечасная смерть какого-нибудь из братьев наших, и от того-то пренебрегаем спасением нашим; а когда и придет маленькое желание спастись, принимаемся за оное опять не так, как повелевает Святое Евангелие, но как сами желаем, и потому исполняем не волю Божию, но свою и делаемся рабами самомнения. Много в нынешнем веке видим подвижников, много постников, много таких, кои по целым ночам простаивают на молитве, но, к сожалению, очень мало смиренных и кротких, мало таких, которые бы украшались молчанием уст своих, а не велеречием, кои бы угощали странников, с любовью ходили бы за больными, насыщали голодных, одевали нагих, посещали заключенных в темницах, то есть мало таких, кои бы внимание для своего спасения обращали на более важные и необходимые добродетели. Нигде прямо не сказано в Священном Писании, что для спасения души необходимо морить себя голодом, делать многочисленные поклоны, носить вериги и предпринимать тому подобные подвиги; между тем Евангелие говорит ясно, что именно за нелюбовь к ближнему осудятся на Страшном Суде грешные, а праведные за исполнение оной будут оправданы. И когда юноша сказал Спасителю: *Учѣтелю благій, что благо сотворю, да ѡмам живѡт вѣчный?* Он же отвечал: *Аще ли хѡщеши внѣсти в живѡт, соблюди заповѣди. Глагола Емѹ: кѣя? Иисѹс же рече: не убиѣши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, чти отца и мать и возлюбиши бж҃жняго твоего, яко сам себе* (Мф. 19, 16–19). И святой апостол, разъясняя сие, говорит: *Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не ѡмам, бых яко медь звенящи, или кимвал звячяй. И аще*

*ѣмам прорѣчество, и вем тайны вся и весь разум, и еще ѣмам всю веру, яко и горы представляти, любве же не ѣмам, ничтоже есмь. И еще раздам вся имения моя, и еще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не ѣмам, ни каа польза ми есть (1 Кор. 13, 1–3). И неоднократно повторял Господь слова Свои, сказанные прежде юноше; так пред смертью Своею говорил ученикам: *Еще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте, и имейте заповеди Моя и соблюдая их, той есть любяй Мя; и опять: еще кто любит Мя, слово Моё соблюдет* (Ин. 14, 15. 21. 23).*

Видите ли, возлюбленные, что соблюдение заповедей рождает любовь и желающий достигнуть оной не может иначе, как сохранением заповедей. Следовательно, не имеющий любви – ничего не имеет, или, иначе сказать, как любовь приобретается исполнением заповедей, то, кто не исполняет заповедей как следует, награды не получит, какие бы подвиги (мнимые) ни имел. И еще яснее скажу: не только обыкновенный мирской человек, к которому клонятся слова мои, никакой надежды ко спасению не имеет, когда он не исполняет как должно, заповедей Христовых, то есть когда смирение не полагает в основание своих подвигов и самочинно к ним приступает; но даже пророк и чудотворец, если не сохраняют всех заповедей, отвергаются Христом Спасителем, по сказанному: *Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя проречествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас, отъидите от Мене, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22. 23). Видите ли, кто изгоняется за несохранение заповедей? Но за принесение должного покаяния – мытарь, блудница, разбойник сделались наследниками блаженств нескончаемых.

Может быть, спросит здесь кто, отчего же многие святые отцы делали большие подвиги, как например: постились, безмолвствовали, носили вериги (последнее хотя и редкие),

отвечается: всякому духовному возрасту прилична соответствующая пища духовная. Святые отцы прежде исполнением заповедей очищались от страстей; и когда очистились, сделались так духовны, что иногда забывали: еще в теле суть или вне тела, не ощущая его потребностей, как говорит святой Макарий Городский (Александрийский): «Вы еще плоть, и требуете пищи, а я не требую ныне». (Дост. сказ. о подв. святых отцов, глава о авве Макарии Городском, статья 1-я); ибо он был духовен и оправдывал на себе сказанное: Не о едином хлебе жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим, из уст Его исходящем (см.: Мф. 4, 4); ибо Бог, как Господь естества, соделывает человека, в коем обитает, превыше естества и нужд естественных, коим, напротив, мы, плотяные, яко страстные и немощные, необходимо покоряемся. И каково было их притом смиренномудрие, когда, и достигнув совершенного бесстрастия через непрерывное понуждение себя к добродетелям, все еще почитали себя страстными и, не преставая в сем подозревать себя, продолжали удручать тело свое подвигами? По сей-то причине и муж «в себе Христа имевший» говорил: *Умерщвляю тело мое и порабоцаяю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27).

Теперь видно, кажется, почему святые отцы предпринимали великие подвиги, хотя также в иных излишних подвигов неприметно*. Сими словами никак не намерены мы сказать, что большие посты, молитвы, коленопреклонения и прочие подвиги, коими тело удручается, вовсе не нужны, но желаем только склонить вас к благоразумной умеренности в них, которую и святые отцы похваляют, называя ее «царским путем», и притом хотим обратить ваше главнейшее внимание на исполнение животворящих и необходимейших заповедей Иисусовых.

Любите, братия, врагов ваших, благословите клянущих, добро творите ненавидящим и гонящим вас,

* См. в «Дост. сказ. о подв. святых отцов» главу о авве Римляanine.

побеждайте благим злое (то есть смирением) по заповеди: Ударявшему тебя в ланиту обрати и другую, желающему взять твою ризу отдай и срачицу (см.: Лк. 6, 29). Лобзайте милосердие, ибо Господь сказал: *Аминь глаголю вам, понёже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). Когда с кем хочешь подружиться и ему ввериться, узнай наперед: любитель ли он заповедей Господних? На сие Спаситель говорит: *От плод их познаёте их* (Мф. 7, 16. 20); ибо от терния, то есть порочного человека, не собирают виноградных лоз, то есть заповедей (дел) целомудрия и чистоты души, и от репейника (то есть горделивого и прелестного, самочинного) не собирают смокв – заповедей смирения.

А как за исполнением заповедей, а иногда и прежде, иные увлекаются осуждением ближнего, то в предостережение надо вспомнить совет евангельский: вынуть прежде бревно из собственного глаза, то есть из своего ума гордость, от коей происходит осуждение других, и тогда, излечившись от своей немощи, возможем вынуть (искусно) сучец из ока ближнего, то есть случайное его поползновение, и большею частию в то время, когда нас попросят о том; а если не просимый осудил ты сучец в глазе братнем, знай известно, что твой глаз завален бревном гордыни.

Поминайте сказанное: отпускающим ближним их согрешения, отпускает и им Бог собственные их грехи. *Просите, и даётся вам, ищите, и обрящете, толицёте, и отвёрзется вам* (Мф. 7, 7). В молитвах не просите наслаждения благами мира сего, но Царствия Божия, и остальное (то есть нужное и потребное) все приложится вам (Мф. 6, 33). Возлюбите искушения; ибо блаженны поносимые, гонимые, оклеветаемые Господа ради. Лобзайте терпение, потому что не взявшие креста своего, то есть терпение и благодарение за все случающееся, не могут быть учениками Иисусовыми. Когда нарушишь заповедь

Приложение

Божью, возопий мытаревым гласом: «Боже, милостив буди мне грешному»; а когда исполнишь оную, скажи себе: «Я раб неключимый и сотворил только повеленное». Милосердый же Господь, милуя нашу немощь, успокоит нас в Своем Царствии (когда будем нудиться ко благу) и оправдает на Страшном Судище, где, по сказанному в Евангелии, первые (то есть желающие в сем мире первенствовать) будут последними, а последние (уничиженные и смиренные духом) – первыми...

15

Письмо ваше я получил. Подлинно, что трудно спастись среди обилия, или, яснее, в богатстве; однако ж от Бога вся возможна (Мк. 10, 27). А поелику богатство есть вещь сама по себе ни добрая, ни злая – средняя и притом сказано: Избавление мѹжу – свое еѹ богѹтство (см.: Притч. 13, 8); то, следственно, ничто не возбраняет богатому хранить умеренность в отношении нуждных в жизни, никто не препятствует ему посильно трудиться, милосердствовать и пребывать в глубоком унижении духа. Богоугодна мысль, что достаточный превосходит бедного одним своим именем; в порядке вещей он тот же прах и пепел, нисколько не далек по законам естества от каждого смертного, не менее подлежит видимой и непредвидимой превратности земнородных, как и самый нищий; от него не отнято: Смирѹяй себе вознесѹтся (см.: Мф. 23, 12). Такая мысль хранит спокойствие чувств и духа; она есть благодетельница внутреннего христианина во всяком роде жизни; она есть хранительница непоколебимости ума во всяком случае, как бы мудрый всадник, управляя стремлениями страстей, ограничивает оные от непрестанных движений

и колесницу тела нашего, возимую иногда свирепыми (и тщетными) склонностями, благополучно управляет к чаемой цели, или и самую душу к Отечеству Небесному. Так убо имейте смирение и, уповая на Бога, будьте великодушны. Сколько можно старайтесь о добродетели, о сердечной преданности себя судьбам Всемогущего, соединяя оную с молитвою. Удовольствиями не увлекайтесь и в горестях не унывайте.

Итак, ни богатство не обвиняйте, ибо судьбы Всевышнего привели вас в жизнь такого семейства; и о том равно не беспокойтесь, что оно не в полной нашей воле, но храните умеренность; любите труд посильный, милостыню, непосредственную преданность к Богу, возможную молитву, и одно изящнейшее – святое смирение, за коим да управит в прочем Господь вас, о вас, и в вас, и утешит сердце ваше, по мере смирения, утешением благодатным.

Дети ваши, проездом в П...у, при посещении нашей обители располагали пребыть одне сутки, но, рассудя, пробыли двое суток; они довольно оба и по одному со мною о Господе занимались; наконец благополучно отправились в путь. Да благословит Господь их и вас всех; желаю, да устроит Он ваше спасение, Ему же и вручаю вас с искренностью.

Ваш недостойный богомolec многогрешный И. Л. с братиею кланяемся.

16

К той же

Сообщаю вам общую нашу радость: на пожертвованную вами икону Тихвинской Божией Матери (которая находится в скитской церкви на горнем месте) наш монах Александр,

Приложение

прежде бывший мологский купец Александр Петрович Мальцов, поусердствовал к возложенному на оную от вас венцу – одним своим лицом серебряную ризу, которая от усердия прочих благодетелей вызолочена и получена уже из Москвы от мастера Полтавцева сего июня 18-го числа.

Все старцы наши с сердечною любовью благословляли благотворителей такого украшения и заботились совершать Царице Небесной, яко утешительнице их старости и несомненной надежде в будущей жизни, должное молебствие. Но, к общей нашей скорби, наш скитский начальник, известный вам по жизни отец А., (пятая уже неделя) болен правою ногою, и болезнь его так сильно умножилась, что сон совершенно отнят был и ниже ходить и сидеть, ни ног с постели опустить мог. Икона же была принесена под 19 число в келью его с вечера, и сей удрученный болезнию старец, нелицемерный Ее слугитель, из глубины сердца и со слезами возопил к своей Владычице и Избавительнице всех скорбей, прося даровать ему терпение в болезни, и поутру (то есть 19 числа, в день святого апостола Иуды) совершилось должное молебствие, на коем провозглашались имена вашего семейства, монаха Александра и болящего иеромонаха А. Потом святая икона с церковною церемониею и звоном перенесена была в церковь на свое место, а отец А. как будто с того часа начал чувствовать легче и легче и теперь, благодаря Бога и Пречистую Его Матерь, может сам сойти с постели и перейти на стул; явился сон и в больной ноге успокоение. Он, благословляя все ваше семейство, кланяется вам и молит Господа о благоустроении «пути, по нему же ходите».

По написании сих строк получил я почтеннейшее ваше писание, от 16 июня пущенное, из коего вижу, что Господь, о вас промышляя, устраивает на лучшее к успокоению вашему касательно распоряжения супруга вашего. Желая, дабы вы, при благодарных чувствах к Господу, имели

Несколько писем старца Леонида

попечение о исполнении святой Его воли и, тако пользуясь дарованными Его благами, имели бы благонадежие на получение в будущей жизни вечных благ, уготованных любящим Господа по неизреченному Его человеколюбию.

Когда есть воля Божия ко исполнению вашего намерения устроить судьбу любезного вашего сына с избираемою девицею; то да благословит Господь совершать начинаемое дело с призыванием Его святой помощи и вручением их Его всесильному Промыслу. Да будут вам они на утешение старости вашей купно и со всеми любезными вашими детками... да утешит вас Матерь Божия.

Также и от 22 мая писание ваше получил; на оное до сих пор не мог отвечать; теперь же, кстати, примите усердную мою благодарность за письма эти. Отправившемуся путешествовать любезному сыну вашему желаю с успехом исполнить порученную комиссию и благополучно возвратиться к вам; да сохранит его Господь и пошлет Ангела Хранителя, соблюдающего его от всех сетей и козней вражиих. Любезному сыну вашему Z. желаю, да укрепит его Господь в благое намерении к соблюдению себя, и да избавит его Господь от случающихся ему скорбей. Он хотел ко мне писать; я с любовью прииму его писание, и по силе слабого моего ума постараюсь и ответствовать. Отец И. свидетельствует вам свое нижайшее почтение, равно и отец С., и всеусерднейше вас благодарят за вашу память об них, желают вам всех благ и совершенного здравия, душевного и телесного. Чего равномерно и я вам желаю и, призывая на вас и на все ваше почтенное семейство мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный И. Л.

27 июня 1836 года.

* Все эти последние 14 писем писаны к одному лицу, бывшему впоследствии иноку Оптиной пустыни.

Возлюбленный о Христе брат, отец Z.!

Исполненное скорби писание твое получил я; внимая ему и слыша несчастную кончину твоего родителя, сознаю, что истинно велия скорбь сердцу твоему и всем ближним и воистину достойное скорбения. Каковой скорби твоей и мы чувствительно состраждем и без особого чувства события сего вспомнить не можем. Ты просишь моего утешения. Оно и нужно тебе к укреплению духа. Но кто столько силен в слове, дабы мог излить целительный бальзам, прохлаждающий и исцеляющий раны твоего сердца? Потеря невозвратна! Но чего не силен ум человеческий изобрести ко утешению и врачеванию, то все сие есть у премилосердного Господа, ибо у Него Единого *милость и многое... избавление* (Пс. 129, 6) и надежда на Него не посрамляет. Он силен тебя утешить и излить бальзам Своего милосердия на уязвленное твое и оскорбленное сердце. И утешит Он непостижимым утешением, токмо да пребываем твердо в вере и не отпадаем упования на всесильную десницу Его. Да не дерзаем же входить во испытание неведомых и непостижимых судеб Его, но, благоговая пред Его величеством, да видим себя, в необозримом пространстве и неизмеримой бездне созданий Его, хотя малейшим существом, но Промыслом Его присно содержимым и почтенным пред прочими тварями самовластием и разумом, а схождением Его спасительным дарована нам вечная жизнь, искупленная бесценною Его Кровию. Потщимся достойными соделаться любви Его исполнением святых Его заповедей и, сколько сил есть, да имеем к сему благое произволение и сохраним наше устроение при всем, что воля Его святая хочет Своим поущением.

Обращаюсь паки к вине вашей скорби. Святая Церковь точно узаконила о восприявших сию кончину не творить

поминовения, чему мы, яко чада ее, должны повиноваться и оставить печальное сие и неожиданное событие на Суд Божий, как я уже сказал, не испытывая судеб Его, но пребывать в покорности оным. Милостыни же и подаяния продолжать делать можете; они велии творят чудеса!.. Итак, ко успокоению себя отдайся в волю Божию, укрепляй себя верою и надеждою на Его неизреченное милосердие, а о неведомом и непостижимом для нас испытание прекрати. Имей же попечение о своей душе: в будущую страшную годину ни родители, ни други, ни богатство, ни слава не могут помощи, а единственно только благие дела, со смирением творимые.

Не имея более слова к утешению твоему, молю премилосердного Господа, да ниспослет Он благодать Свою и дарует тебе и братцу твоему утешение, ими же Он весть судьбами, и да укрепит вас не малодушествовати, да поможет же, окончив дела свои, возвратиться во свои обители. Я писал от истинного сострадания и желания вас укрепить, но «аще не Господь даст силу слову сему и не излит Своего милосердия, суетны наши умствования».

При окончании сих строк подоспел московский послушник И. с письмецом вашим и на словах пополнил ваше мнение насчет Z. Но только на сей предмет нам затруднительно в точности подать совет; вы же, призвав в помощь всемогущего Промыслителя Господа Иисуса Христа и посоветовавшись между собою, можете ему сказать, чтоб он старался вести себя осторожнее, а особливо при таких печальных обстоятельствах, но, однако, старайтесь умеренности держаться. А как ваше там присутствие наиболее нужно для меньшего брата К., то по таковой нужде (по болезни, для развлечения и подкрепления в малодушии) благословляем кончить дела. Господь премилостивый да вразумит и да просветит вас к благопоспешному их окончанию и обратному возвращению в обитель;

Приложение

и тогда, *аще* премилостивый Господь *восхощет*, и *живи* будем (Иак. 4, 15), – тогда обо всем можем переговорить и вообще посоветовать.

И, поручая вас покровительству всемогущего Бога, остаюсь ваш недостойный богомолец многогрешный И. Л.

И я, иеромонах Макарий, и благорасположенная братия желаем вам благодушного утешения.

18

Достопочтеннейший о Господе N. N.!

Желание ваше избежать сетей мира в юные лета душеспасительно, и если оно не ослабевает, а укореняется в сердце вашем при всех препятствиях, то сие есть знак неложного призвания Божия на скорбный (особенно в наше время) монашеский путь. Нет сомнения, вам известно, что только есмы посредники в деле вашем, а совершитель есть и будет Господь наш, от Коего проистекает всякое благое произволение и по власти Коего мы, яко смертные, можем быть скоро позваны на Суд Его, и потому суетна надежда на одних нас; а Он вовеки пребывает. Следовательно, ваша надежда, опора, советник и руководитель долженствует быть Тот, Кому желаете обручить душу свою. Ему первее всего вы должны со страхом и любовью молиться, да благословит Он намерение ваше, да укоренит в сердце вашем семя, Им посеянное, и да устранил препятствия в начале пути, если путь ваш Ему благоугоден. Страх Божий есть начало премудрости, и вы без самонадеянности и дерзости должны помышлять, на что решаетесь! На умертвие не только миру и родственникам, но и самому себе. Аще кто не возненавидит самую душу свою, не может быть Его учеником. Вы готовитесь

на ежедневные лишения, на безропотное терпение обид, на умерщвление телесное, а что всего труднее – на отсечение своей воли. Не на силы и не на пылкость желания своего полагаться надобно, готовясь на бескровное продолжительное мученичество, а единственно на помощь Господа нашего. Испытайте строго самих себя: чисто ли ваше намерение? Нет ли других посторонних причин, побуждающих к сему? Чего вы ожидаете и желаете в монашестве? Одного спасения и скорбей или чего другого? Что касается до препятствий от родителя*, то Господь, побеждающий, «идеже хочет, естества чин», силен преклонить и его сердце, если только дело ваше есть дело Божие. Волю боящихся Его Господь исполнит и призывающих Его во истине услышит.

* Родитель его принадлежал к раскольнической секте.

Поручаю вас Его святому покрову, смиренно прошу Его благословения на вас, – недостойный ваш богомолец многогрешный И. Л.

Декабря 21 дня 1838 года.

19

От 16 июня писание ваше я исправно получил и содержанию оногo внял... Нет никаких слов к изъяснению, как превосходно наслаждается сердце призыванием сладчайшего Господа Иисуса Христа!

Сколько можно – удаляйся от молвы, уклоняйся от суетных людей; употреби волю свою и ревность на взыскание угодного пред Господом и на приобретение вечных вещей. Все временное изменится, но вечное пребудет вечно. Не позволяй рассеиваться добрым мыслям; все там суетно, где не назидается душа во спасение и не просвещается страхом Божиим. Ангел мирный да оградит сердце твое

мирными мыслями. Остаюсь ваш недостойный богомолец многогрешный И. Л.

Июля 1839 года. Обитель преподобного Тихона*.

* Это писано из Тихоновой пустыни (Калужской губернии), куда покойный старец часто перед кончиной ездил для внутреннего устройства оной, по просьбе его учеников, там живших. [В издании 1917 года числа нет.]

20

Всеусердно желаю вам здравствовать душевно и телесно и о Господе Едином радоваться. Писание твое получил; уже вторично вы просите моего совета – как вам оставить такого рода жизнь, всегда ненавистную Богу. Желаю, чтобы исполнилось это желание ваше – чтобы сделаться и воином Христовым, и вы изволите писать, что разгорается в вас сердечное усердие и благое произволение, дабы по заповеди Господней, к совершенной жизни призывающей, оставить все и отречься себя самого и, взявши крест терпения, последовать Христовой жизни (то есть поступив в ограду словесных Христовых овец – в монастырь); сему я духовно радуюсь и не воспрещаю тебе вступить в Христово воинство; но как вы ясно доказываете, что тятенька ваш не только ненавидит, но и гонит монашеский чин, да к тому же и весьма строг, то, ежели вы тайно от него пойдете в монастырь, не случилось бы какого-нибудь препятствия от родителя вашего. Советую вам молиться за него Богу: по три поклона полагать утром и вечером, говоря молитву сию: «Спаси, Господи, и помилуй дражайшего родителя моего Н., его же молитвами прости и моя согрешения». И еще будете сию молитву исполнять, то веруйте Богу, что всячески Господь его присоединит к вашему единомыслию. Впрочем, я не воспрещаю вам вступить в Христово воинство, но помни только то – каким страдальческим путем шел подвигоположник наш Иисус Христос, таким же путем и все, хотящие вслед Его идти, должны (идти), а время не упускай.

И, сократя, приношу мою благодарность за присланные гостинцы, кои получил исправно. Поручая вас покрову Божию, хотя и недостойн, испрашиваю на вас Божие благословение и остаюсь жаждущий твоего спасения недостойный богомолец многогрешный И. Л. 27 февраля 1839 года.

21

Писание ваше получил, а при оном от усердия вашего и гостинец, за что вам приношу мою благодарность. Господь же премилостивый да просветит ваш смысл и разум в познание истинного пути спасительного, и укрепит к творению святых заповедей, и управит житие ваше к славе Божией. И, сократя, поручаю вас Промыслу Божию и, хотя недостойн, испрашиваю мир и благословение Божие на вас, и всегда пребываю вашим недостойным богомольцем, многогрешный И. Л.

Р. S. Болезнь ваша, как я признаю, более от житейских попечений; в таком случае прошу вас, чтобы более не расстраивать себя, возложите на Промысл Божий дела ваши, и Той, по слову святого апостола, Господь помощник скорый да будет в делах ваших.

Декабря 8, 1839 года.

22

Всеусердно желаю здравствовать вам душевно и телесно и со благодушием препровождать текущие дни вашей жизни.

Приложение

Пишешь, что родитель твой склоняется отпустить тебя в монастырь, но только через 3 года. Слава Богу, что он так говорит, я радуюсь, но только о том сердечно сожалею, что до такого долгого времени отлагает, надеясь, что живы будем, но неизвестно: в нашей ли воле состоит продолжение жизни? Писано бо есть: От утра есмь – до вечера не суть. И Иов праведный пишет: *Вчера́шни есмь* (Иов. 8, 9) – вчерашний день, известно, прожили, а настоящий день неизвестно, проживем ли? И паки писано: *От утра до вечера изменяется время* (Сир. 18, 26). И евангельский богач явным служит примером и доказательством, что время жизни нашей состоит в воле Божией, а не в нашей: он, собрав жита своя и благая, думал на многа лета в благоденствии наслаждаться и реку, говорил, душе своей – душе! Имаши блага многа на лета многа, яждь, пий и веселися (см.: Лк. 12, 19), но обманулся бедный; вместо того услышал глас свыше: *Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому́ будут?* (Лк. 12, 20). То, мне кажется, и ваш батюшка тому уподобляется; он говорит: два сына подрастут, тогда отпущу. На детей надеется, а писано есть: *Не наде́йтесь на князи, на сыны челове́ческая* (Пс. 145, 3). Еще же к тому: «День Господень, яко тать в нощи приходит». Теперь видите, что неизвестно, жив ли будешь ты или батюшка, то не должно отлагать до времени день спасения. И, сократя, вручая тебя покрову Божию, испрашиваю на вас мир и благословение Божие и пребуду навсегда вашим богомольцем, многогрешный И. Л.

18 августа 1840 года.

Желаю вам мира, здравия и душевного спокойствия получить от Подателя всех благ Господа нашего Иисуса Христа.

Не поскорби на меня, В., что я пишу не своеручно сие письмо, но диктую другому, потому что, по старости и дряхлости моей и притом от многого занятия с народом, сам я не в силах.

Не желая более огорчать вас и родителя вашего, посылаю вам брата И., хотя ему и еще было бы нужно погостить, но, в течение его пребывания у меня, я предлагал ему, по силе слабого моего ума, советования и, при Божией помощи, сколько мог, старался пользоваться его утешением, но послать оное состоит в воле Божией, и еще с верою принял он советы мои, то получил врачевание скорбному сердцу своему. За сим, сократя, вручаю вас, а равно и семейство все, Божию Промыслу и притом дерзаю испрашивать Божия благословения, пребываю навсегда жаждущий вашего спасения недостойный богомолец многогрешный И. Л.

Р. S. Из письма твоего видно, что вы худо мою азбучку твердили, забывая по три поклона класть за родителя вашего. Старайтесь Господа ради.

27 ок. 1840 года.

24

Желаю вам мира и здравия душевного и телесного получить от Господа нашего Иисуса Христа.

Письмо твое получил во всякой исправности и из оно-го усмотрел ваше прошение о бывших вам снах – растолковать просишь, но это совсем излишнее. Священное Писание запрещает доверять снам и искать чрез оных будущих событий. Но советую вам положиться во всем на волю Божию, то всегда дорога ваша ко спасению будет удобна.

Приложение

Итак, при сокращении сих строк, вручаю вас покрову Божию и пребываю навсегда жаждущим вашего спасения недостойный богомолец ваш, многогрешный И. Л.

Декабря 4, 1840 года.

25

Из письма вашего вижу, что вы от болезни своей маменьки возмалодушествовали и боитесь, чтобы не умерла. Советую вам Промыслу Божию предать судьбу своей маменьки: Бог предвидит и дела людей, и обстоятельства, и причины их и устроивает все на пользу. Вы слышите глас Господа, глаголюща, что Он и крины сельные одевает, и ни одна птица без воли Отца Небесного не падает (см.: Мф. 10, 29). Он больше об нас, нежели как мать, печется. Итак, видите – Господь силен и маменьку вашу сохранить на многие годы. По просьбе же вашей посылаю святое масло и бутылку воды*. Затем пребываю жаждущим вашего спасения недостойный богомолец – многогрешный И. Л.

26 декабря 1840 года.

26

Письмо ваше получил и прочитал: из одного вижу, что зять ваш лишился смертию сынов своих и дочери и сетует о разлучении с ними. По сей причине пишу вам несколько строк, полагая, что они доставят утешение в его скорби, а вам большое желание к небесному жилищу, которые вы ему прочтите.

* Вероятно, это упоминается о горькой воде, которой старец часто просящих пользовал.

Святое Писание показывает нам, что мы чрез смерть теряем в жизни сей и что приобретаем в будущей: приобретаем жизнь вечную, безболезненную – жизнь, в которой нет страсти смущающей, нет зависти иссушающей, нет бед оскорбляющих, в которой нет дряхлой старости и младенческой слабости, но состояние присноцветущее, никаким переменам не подлежащее, пребывание блаженное, никаких пределов не имеющее, житие непорочное, от всяких соблазнов житейских удаленное. Сие в высокой мысли своей воображая, блаженный Давид с радостным восторгом возопил: «Господи сил! Блажени живущии в дому Твоем, в веки веков восхвалят Тя! Лучше день един во дворах Твоих паче тысяч». Куда и мы должны отрешиться: они, умершие, только нам предшествуют и дают чувствовать, коль кратка жизнь наша. Притом она состоит в воле Божией, коей и советую вам вручить себя.

При сокращении сих строк, испрашиваю на вас мир и благословение Божие, пребывая навсегда жаждущим вашего спасения, недостойный богомолец – многогрешный И. Л.

31 декабря 1840 года.

27

Вы уведомляете меня о своей маменьке, что она сильно больна, чем вы огорчаетесь, смотря на ее страдания, и в такой скорби просите меня помолиться и утешить вас.

На прежнее ваше письмо я не отвечал по слабости здоровья, и притом не находил крайнего требования; но теперь, будучи убежден вашим прошением, хотя диктованием пишу сии строки, и, если с верою примете, получите утешение. Хотя маменька ваша и болит, но вам надобно

Приложение

благодушествовать и помышлять слова Спасителя нашего Бога (Лк. 12, 6–7): *Не пять ли птиц ценится пениязема двема; и ни еди́на от них несть забвѣна пред Бóгом. Но и влáси главы́ вáшея вси изочтѣни суть: не убóйтеся ўбо, мно́зех птиц у́нши естѣ вы.* Сими словами ясно доказал Господь Свое о нас промысление. Советую вам: отложите от сердца свое маловерие и возложите на Промысл Божий, всегда полезное душам нашим устраивающий. За сим, сократя, вручая вас Промыслу Божию и при испрашивании на вас Божия благословения, пребываю навсегда жаждущим вашего спасения, недостойный богомолец многогрешный И. Л.

31 января 1841 года.

28

Письмо ваше получил; в нем объясняешься, что во время молитвы находят скверные помыслы, отчего ты и малодушествуешь. В таком случае, при рассеянности мыслей на молитве, отцы святые учат нас не смущаться, но смирять себя и окаывать, – тогда можно успокоить себя. В чем и святой Иоанн Лествичник укрепляет нас, поучая в 4-й степени: «Старайся всегда бродящие мысли воедино собирать. Бог не взыскивает того, чтоб ты во время молитвы совсем никаких не мог иметь других мыслей. Не отчаивайся, будучи мыслями расхищаем, но благодушествуй, созывая всегда бродящие свои помыслы. Никогда бо не быти расхищаему мыслями единому ангелу свойственно».

Еще просите совета – маменьке вашей лечиться или нет? Я в этом вполне не могу распорядиться, – как она хочет. Впрочем, для меня кажется и для ее душевной пользы лучше бы с благодарностью терпеливо переносить оную,

и сие терпение ее доставит ей христианское утешение и благонадежие на милосердие Божие удостоиться в вечности блаженства. И греха не будет, если лечиться у докторов; но как бы не вышла одна денежная трата. Уже сами видите, что по сие время нет облегчения.

Сократя строки сии, вручаю вас покрову Божию и, при испрошении на вас и семейство ваше мира и Божия благословения, пребываю жаждущим навсегда вашего спасения, недостойный богомолец многогрешный И. Л.

1 мая 1841 года.

29

Письмо ваше получил во всякой исправности. В ответ скажу вам, что в поползновениях силен Господь вас простить. Но если вы подлинно хотите прийти в любовь у Царя Небесного, должны оставить все увеселения и забавы мира сего и прилепиться ко Господу всею душою и помышлением и не возвращаться на то, что вы прежде признали мерзким. Почему так? Потому что как сосуд, чем снова напоен будет, то запах тот уже трудно из него выведется. Так и человек, к каким нравам в молодости приобькнет, от тех трудно уже отстать по самый конец своей жизни. Вот почему вам должно удаляться от дурных сообществ.

За сим желаю вам мира и спасения, пребывая жаждущим вашего благоденствия, недостойный богомолец ваш многогрешный И. Л.

Р. С. И паки подтверждаю, что когда с избранными будешь знаться, избран будеши, а со строптивыми – развратийшия (Пс. 17, 26).

Почтеннейший о Господе N.!

Всеусердно желаю тебе получить мир и благословение Божие. Письмо твое получил, и особенно замечательное из него усматриваю то, что у тебя есть желание быть в звании монашеском. Желание это хорошее, но дабы оное совершилось на тебе, надобно молиться Богу и не быть подобным ветви, колеблющейся на обе стороны. Господь же силен тебе даровать сие второе крещение, то есть пострижение в ангельский образ. Прежде сего я послал вам письмо; надеюсь, что ныне получили. За сим вручая покрову Божию вас, пребуду навсегда жаждущий вашего спасения, недостойный богомолец ваш многогрешный И. Л.*

* Письма старца Леонида к вышешезначенному лицу прекратились, так как старец 11 октября 1841 года скончался.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Монахиня Евфимия (Аксаментова). Смиранный Лев</i>	5
Предуведомление	12
Глава I. Рождение и мирская жизнь Льва Даниловича Наголкина, впоследствии старца Леонида. Его поступление в Козельскую Оптину пустынь, переход в Белобережскую пустынь, временное пребывание в Чолнском монастыре и переход на Валаам	17
Глава II. Жительство иеромонаха Леонида в валаамском скиту. Его переход в Александрo-Свирский монастырь, затем в Площанскую пустынь и, наконец, в Оптину пустынь Калужской епархии	31
Глава III. О старчестве	50
Глава IV. Водворение старца отца Леонида на скитской пасеке. Его отличительные свойства, духовные дарования и наружный вид ..	65
Глава V. Келейная жизнь старца отца Леонида и общий взгляд на его старчествование, или учительство, с его благими последствиями .	83
Глава VI. Недоброжелательство, а затем и явное восстание некоторых не понимавших жизни духовной оптинских монахов и мирян против старца отца Леонида, хотя без особенно худых последствий. Соприкосновенный сему рассказ новоначального брата Александра (впоследствии иеросхимонаха Антония киево-печерского), в описываемое время принятого старцем в скит на жительство	102

Глава VII. Переход иеромонаха отца Макария (Иванова) из Площанской пустыни в оптинский скит; единомыслие и единомудренность старцев Леонида и Макария в отношении к их духовным детям. Влияние старца отца Леонида на другие обители, мужские и женские.	118
Глава VIII. Подробности старчества, или учительства, старца иеромонаха Леонида в рассказах живших при нем его учеников.	128
Рассказ послушника оптинского скита брата Александра Медведева, впоследствии киево-печерского иеросхимонаха Антония.	130
Рассказ монаха Тихоновой пустыни Калужской епархии С.	134
Рассказ Оптиной пустыни послушника Алексея Иванова Васильева, как окормлял его покойный старец отец Леонид.	138
Рассказ Александра Смирнова.	142
Рассказы прочих оптинских братий.	143
Рассказ скитского рясофорного монаха Петра (Иванова).	145
Рассказ бывшего оптинского иеромонаха отца Моисея.	146
Три рассказа оптинского старца иеросхимонаха Амвросия и вместе других монахов-старожилов.	147
Рассказывал киево-печерский иеросхимонах Антоний.	150
Рассказывал о себе Калужской Тихоновой пустыни духовник иеросхимонах Ефрем.	153
Последний в этой главе рассказ покажет, какую отеческую попечительность имел старец Леонид о присных своих учениках.	154
Глава IX. Духовное окормление старцем иеромонахом Леонидом двух из ближайших к нему учеников – отца Павла (Тамбовцева) и Алексея Поликарповича Бочкова, в ответах старца на их вопросы.	160
Ответы старца отца Леонида на вопросы отца Павла (Тамбовцева).	160
<i>Несколько слов об отце Павле (Тамбовцеве).</i>	160
Ответы старца отца Леонида на вопросы Алексея Поликарповича Бочкова, впоследствии Антония, игумена Черемнецкого монастыря.	182
Глава X. Гонение на старца отца Леонида 1835–1836 годов. Перевод его из скита в монастырь. Посещение Оптиной пустыни Киевским	

митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) с благими последствиями как для старца, так и вообще для обители. Неоднократные запрещения и разрешения старцу принимать посетителей. Важные причины этих приемов. 190

Глава XI. Общение старца отца Леонида со скитом по переходе его в монастырь. Назначение одного из его учеников отца Геронтия настоятелем Калужской Тихоновой пустыни. Посещения сей обители старцем отцом Леонидом и его беседа с раскольниками. Скорби старца в Тихоновой пустыни 212

Глава XII. Окормление старцем Леонидом относившихся к нему посторонних посетителей, монашествующих и мирян. Его предсказания, наставления, исцеления, обличения, советы, между которыми общий совет желающим вступить в брак и прочее, в рассказах 239

Рассказ монахини О. 246

Рассказ вышеупомянутого киево-печерского иеросхимонаха Антония. 254

Другой рассказ тоже иеросхимонаха Антония 257

Следующие три рассказа показывают в старце ревность по Богу 262

Глава XIII. Гонение на старца отца Леонида и на его учениц, живших в Белевском женском Крестовоздвиженском монастыре (1839–1841 годы). 269

Глава XIV. Блаженная кончина старца отца Леонида и погребение. 297

Глава XV. Заключение 311

Приложение

Несколько писем старца отца Леонида, в схеме Льва 320

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Агапит (Беловидов)
ЖИТИЕ ОПТИНСКОГО СТАРЦА ЛЬВА

В оформлении обложки использована
картина С. Афониной. 2016 год

Ведущий редактор *Т. В. Анатониева*
Редактор *Н. А. Шибзухова*
Оформление *Т. В. Анатониева*
Рисунки *Д. А. Кравчук, В. М. Семоненко*
Корректоры *Н. В. Орлова, О. П. Суздальцева*
Допечатная подготовка *О. А. Доброва*

Подписано в печать 13.06.2017. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная. Шрифт «Minion».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 5628

Издательство
Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиная пустынь.
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная пустынь.
Тел. (48442)50-117

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

